

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач.

322 до 20.04.07

3 ТМО Т. 2 млн. 3, 466-86

3813-1-87

Библиотека историка

А. И. Зевелев

**Историографическое
исследование:
методологические
аспекты**

Москва
«Высшая школа» 1987

ББК 63
3-4775
3-471

18

Рецензенты:

кафедра истории Московского государственного института культуры (зав. кафедрой профессор Н. Е. Артемов); член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков (Институт истории СССР АН СССР)

Рекомендовано к изданию
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР.

3-47 Зевелев А. И.
Историографическое исследование: методологические аспекты: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». — М.: Высш. шк., 1987. — 160 с. (Б-ка историка).

В книге раскрываются методология, теория и методы историографического исследования, характеризуются его функции и структура, рассматриваются модель историографического сочинения, а также критерии оценки и анализа историографического факта, понятие историографического источника.

3 0502000000—149
001(01)—87

ГОРЬКОГО
ОТЕНА
М. Г. У.

ББК 63
902.9

Учебное издание 3813-1-87

Александр Израилевич Зевелев

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Заведующая редакцией Т. Г. Липкина. Редактор Н. А. Федорова
Младший редактор С. А. Бугаенко. Художественный редактор
Т. А. Коленкова. Технический редактор Ю. А. Хорева. Корректор
М. М. Саложникова.

ИБ № 6130

Изд. № Ист. — 410. Сдано в набор 26.09.86. Подп. в печать 05.02.87. А-03343
Формат 84×108^{1/2}. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая
Объем 8,4 усл. печ. л. 8,72 усл. кр.-отт. 9,22 уч.-изд. л. Тираж 5300 экз
Зак. № 621. Цена 30 коп.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14
Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
101898, Москва, Центр. Хохловский пер., 7.

© Издательство «Высшая школа», 1987

В последние годы в исторической науке наблюдается устойчивый интерес к теоретико-методологическим проблемам. Это закономерное явление обусловлено как социальными, мировоззренческими и идеологическими факторами, так и теми задачами, которые выдвинуты на передний план современным уровнем развития историографии в СССР и других странах¹.

В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, подчеркивается: «Принципиальной, выверенной основой естественно-научного и социального познания была и остается диалектико-материалистическая методология», которую необходимо творчески «...развивать, умело применять в исследовательской работе и общественной практике»².

Проблемы исторической науки, анализируемые историографией, нельзя ныне верно изучить без серьезного методологического анализа. К этим проблемам, в частности, относятся: закономерности всемирно-исторического процесса, развитие человечества от одной общественно-экономической формации к другой и его конкретное проявление в истории нашей страны, соотношение общего и частного, возрастание субъективного фактора в истории и др. Углубление марксистско-ленинской концепции исторической науки определило и то, что в поле ее зрения вовлекается ряд новых сложных вопросов, которые по различным причинам ранее изучались недостаточно. К тому же постижение истории челове-

¹ См. об этом подробно: Нечкина М. В. История истории. (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)//История и историки. М., 1965; Вопросы методологии исторической науки//Труды МГИИИ. М., 1967. Т. 25; Маслов Н. Н. Методология исторического исследования. (Введение в методологию историко-партийной науки). М., 1979; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980; Спириц Л. М. Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982; Иванов В. В. Методология исторической науки. М., 1985; и др.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза М., 1986. С. 167.

ского общества происходит сейчас с привлечением тематических и других естественно-научных методов и приемов. Таким образом, усложнение теоретического строя исторической науки, появление новых методов исследования исторического процесса свидетельствуют о том, что предыдущий уровень его анализа уже мало эффективен и требует дальнейшего развития.

Методологическое осмысление историографических проблем во многом обогащает и поднимает на новый уровень понимание исторических событий, объясняет не только то, что происходило и происходит в исторической науке, но и то, *каковы* были и есть ее движущие силы, а следовательно, как она развивалась на протяжении тысячелетий и продолжает развиваться.

Всегда актуальное ленинское положение: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники», идеи Ленина о том, что история науки должна играть большую роль в построении теорий познания и диалектика», и что история науки без теоретико-методологических аспектов «нечто unleserliches!» * Историографических проблем на передний край историографического творчества.

Развитие и расширение историографических исследований в нашей стране, углубленное понимание предмета истории исторической науки (включение в него кроме истории исторической мысли и научных концепций деятельности научных центров, периодики, подготовки исторических кадров, их смены и преемственности и др., а также расширение функций историографа, ставшего наряду с исследователем-аналитиком и исследователем-критиком) заставляет по-новому, с позиций современных достижений в различных отраслях науки, изучать закономерности и специфику историографического методологического анализа.

Методология историографии, основываясь на единой марксистско-ленинской методологии, развивается в тесном взаимодействии с методологией истории, а также с такими относительно новыми научными дисциплинами, действующими в области самопознания науки, как

науковедение¹, информатика², прогностика³, социальная психология. Их качественный уровень развития, теоретико-методологические основы и методы исследования имеют большое значение для изучения методологических проблем историографии.

В условиях интенсивного процесса интеграции и дифференциации знаний предстоит, например, при помощи теоретико-методологического анализа на основе синтеза наук и на «стыках» разных ее отраслей решить ряд важных вопросов. К ним относятся соотношение исторического материализма и методологии, методологии и методов и путей их применения в историографии; процесс получения «нового» знания и его оценка; возможность и пути использования междисциплинарности в методологии и др. Если в целом методология играет большую роль при исследовании событий в истории человечества, связанных главным образом с переходом от одной социально-экономической формации к другой и с революционным обновлением мира, то методологические проблемы историографии призваны способствовать изучению тех ее вопросов, в том числе и новых для нее, от которых в конечном итоге зависит продвижение вперед всей историографической работы. «Коэффициент полезного действия», полученный от эмпирического уровня обобщения и от методологической незрелости, не дает историографии новых качественных результатов.

Изучение методологических проблем историографии

¹ *Науковедение* — отрасль исследования, сформировавшаяся в научную дисциплину, изучающая закономерности функционирования и развития науки как социального института, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества.

² *Информатика* — отрасль науки, изучающая структуру и общие свойства научной информации, а также вопросы, связанные с ее сбором, хранением, переработкой, распространением. Применение ЭВМ, манипуляторов, роботов, автоматизированных систем вызвали ее качественную перестройку, изменили функции информатики: она стала комплексной отраслью знания, в основе которой машинизированная технология сбора, передачи, переработки и использования информации, способной заметно усовершенствовать важнейшие области социальной практики, а также процесс познания науки.

³ *Прогностика* — научная дисциплина, включающая в себя теорию и практику прогнозирования — вероятностного суждения о перспективах развития явлений природы и общества. В узком смысле прогностика — наука о законах и способах разработки прогноза. Основная задача прогностики — разработка методологии и оптимальных методов прогнозирования с целью повышения эффективности и качества разработки прогнозов.

* — неудобочитаемое!

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 131, 314, 335.

необходимо и в связи с решением такого актуального для всего общественнознания вопроса, как «история и современность». Познание исторического пути человечества рассматривается как предпосылка научной политики в современных условиях и важная основа прогнозирования общественно-политического развития. Проблема «история и современность» в историографии смыкается специфически с проблемой актуальности историографических трудов, включающих целый спектр вопросов: выбор темы исследования, теоретический и методологический уровень ее разработки, построение выводов и обобщений и их значение для современности.

Необходимость методологической «выверенности» историографической работы усиливается в связи с присущей ей прогностической направленностью. Ценность историографического труда во многом определяется наличием в нем научно обоснованного прогноза. Историограф получает право на выдвижение гипотезы лишь при определенных условиях. Среди них определяющим является зрелость историографического мышления, дающая возможность постановки новых тем и проблем, что достигается на базе классово-партийного подхода. А это означает, что у историографа должен быть твердый, основанный на марксистско-ленинском мировоззрении арсенал методологических ориентиров, что и «делает» гипотезу, прогноз основой дальнейших научных изысканий. Именно методологическая вооруженность дает, в свою очередь, возможность историографу отказаться или даже опровергнуть высказанные ранее гипотезы и сделанные прогнозы развития историографических знаний.

К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали основополагающую мысль о том, что «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»¹. Это тем более относится к историографии. Она исследуется социально заинтересованным субъектом, связанным с классово-партийной идеологией. Познание здесь поэтому не зеркальное воспроизведение, а процесс отображения историографом объективной картины развития истории исторической науки. Выявление механизма и условий «преобразования» субъективной точки зрения в точку зрения объективную, общественную, политическую является крупной методологической проблемой историографии.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 102.

Но не только в этом состоит данная функция методологии историографии. В свете идей июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и особенно XXVII съезда КПСС, привлечших внимание к человеку, к изучению его во всей диалектической сложности, социальной и мировоззренческой сущности и в целом к человеческому фактору, возрастает необходимость исследования творчества историка и историографа в плане социокультурном, социально-психологическом, что приведет к более глубокому самосознанию исторической науки как определенного вида социального и духовного производства.

Методология историографии призвана способствовать дальнейшей выработке четкого понятийного аппарата как исторической науки, так и самой историографии, устранению имеющегося здесь «разнобоя», что должно сыграть положительную роль в последующем изучении содержания, целей и задач историографических исследований. «... Образование *понятий* (суждений, заключений etc.), — писал Ленин в «Философских тетрадах», — означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира». В них же В. И. Ленин указал: «Анализ понятий, изучение их, „искусство оперировать с ними“ (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи...»¹.

Насколько назрела эта работа в историографии, видно на примере употреблявшихся ранее и ныне употребляемых формулировок и определений ее сути². Они сейчас и афористичные — «алгебра исторической науки», «высший класс исторических исследований», «теоретическая дисциплина истории», и расплывчатые — «история того, как писали историю», «становление и развитие исторических идей и концепций и их воплощение в трудах исторической науки». Чаще всего историография употребляется как синоним истории исторической науки, как однопорядковые термины. Эти и другие дефиниции говорят и о том, что ныне преодолевается то негативное отношение к историографии, когда отрицался ста-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 161, 227.

² В историографической литературе середины XIX — начала XX в. встречались, например, такие варианты определения историографии: «обозрение исторических мнений», «течение исторической мысли», «история науки русской истории», «история истории», «история исторической науки» и др. (см.: Киреева Р. А. История русской историографии (1850-е—1917 г.). Автореферат. М., 1985. С. 22—23).

тус ее научности или когда ее относили к «вспомогательной исторической дисциплине».

В данной работе историография рассматривается как элемент культуры, историческое явление, ветвь общественной мысли и специальная отрасль исторической науки. В этом плане термин «историография» в смысловом отношении совпадает с «историей исторической науки». В центре советской историографии находится изучение марксистско-ленинской концепции исторического процесса: ее возникновение, утверждение и дальнейшее развитие. Она также исследует и обобщает историю появления идей, взглядов, концепций, их классовую сущность и борьбу между ними в ходе развития исторической науки. Установление историографических закономерностей и законов тоже входит в функции историографии. Ей присуща и прогностическая направленность.

Марксистско-ленинская историография, руководствуясь методологическим указанием В. И. Ленина о том, что «... всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»¹, дает постоянный отпор буржуазной, мелкобуржуазной и оппортунистической историографии. Это ее прочная традиция. Она родилась и развивается как альтернатива историографии, отражающей чуждую пролетариату классовую идеологию.

В современных условиях, как подчеркивается в партийных документах, актуальной задачей становится разоблачение теоретической и гносеологической несостоятельности измышлений буржуазных фальсификаторов реального социализма, раскрытие антинародной сущности империализма в целом и его идеологического механизма. В этот ракурс вписывается анализ тенденций развития антимарксистской историографии. Критика антимарксистской методологии, в том числе буржуазной методологии историографии,— необходимое условие разработки методологических проблем научной историографии. Методологическая зрелость советских историков — важнейшее условие наступательности в идеологической борьбе.

Интерес к методологии истории вызван также развитием и расширением методологической проблематики. В СССР за последние годы издан ряд ценных работ как

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 40.

по общим, так и по локальным аспектам темы, сформировались центры научной работы. Вместе с тем многие вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании, другие недостаточно глубоко или полно решены, третьи вовсе находятся еще вне поля зрения ученых. Это особенно относится к методологическим проблемам историографии. Исследований, написанных на современном уровне, пока еще недостаточно, хотя сама историографическая практика за последние несколько десятков лет получила серьезное развитие. Кроме того, возникают новые вопросы, появляются новые направления исследований, которые требуют методологического изучения.

Далеко не полный перечень современных первоочередных методологических проблем историографии позволяет сделать вывод, что их исследование и практическое претворение в историографической практике должно усилить и поднять на новый, качественный уровень историографическое творчество, способствовать глубокому раскрытию закономерностей возникновения, функционирования и будущего направления разработки исторической науки. «Вопросы методологии, — пишет академик П. Н. Федосеев, — являются одним из центральных вопросов повышения качества и теоретического уровня исследований в области общественных наук»¹.

Указанная цель весьма многогранна. Она поэтому может быть реализована совместно коллективом исследователей — историографов, историков, науковедов и философов. В предлагаемой читателю книге, имеющей определенное целевое назначение (она выходит в серии «Библиотека историка»), ставятся более узкие задачи. Они состоят в следующем:

— раскрыть содержание основных современных методологических проблем историографии в их органической связи со спецификой ее предмета²;

— исследовать суть и «действия» таких явлений, как историографический факт и историографический источник;

---

¹ Федосеев П. Н. Марксизм XX века. М., 1980. С. 8.

² Специально вопросы о предмете историографии и периодизации в данной книге не рассматриваются, так как они освещены в литературе (см.: Нечкина М. В., Городецкий Е. Н. Развитие советской историографии истории СССР//Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: Советский период. М., 1978, С. 273—296).

— показать специфическое проявление в историографии общеметодологических принципов партийности и историзма и методов научного исследования;

— сконструировать модель историографического сочинения.

Автор считает необходимым высказать свое мнение по дискутируемым в литературе отдельным методологическим вопросам: соотношение исторического материализма и методологии, «методология» и «метод», междисциплинарный статус методологии и некоторые другие. Поставленные задачи освещаются неодинаково полно: некоторые из них затрагиваются конспективно, другие выносятся на дальнейшее обсуждение.

Автор, сознавая современную роль историографаметодолога — историка широкого профиля по образованию и научной работе, философа — по складу мышления, общественного деятеля — по задачам, стоящим перед ним, стремился к тому, чтобы настоящая книга содействовала достижению той мировоззренческой четкости в научной работе, к которой призвал советских ученых XXVII съезд партии.

**МЕТОДОЛОГИЯ — ПУТЬ ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИОГРАФИИ**

В литературе, посвященной методологии истории, рассматривается комплекс вопросов, характеризующих содержание и предназначение методологии истории и ее основную проблематику. В ней в той или иной мере изучаются такие сложные проблемы, как субординационное соотношение исторического материализма и методологии, взаимосвязь методологии и методов научной работы, смысл требований общеметодологических принципов партийности и историзма, взаимосвязь истории и современности и др.¹ Появились первые обобщающие работы по отдельным аспектам методологии историографии². Решающий вклад в постановку и определение позиций в изучении этой темы внесли труды академика М. В. Нечкиной. Роль своеобразного катализатора в развертывании исследований по историогра-

---

¹ См.: Данилов А. И. Некоторые вопросы дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки//Вопросы истории. 1961. № 3; *его же*. К вопросу о методологии исторической науки//Коммунист. 1969. № 5. Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973; *его же*. Методология исторической науки. М., 1986; Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; Махов А. С. Ленинская методология социального познания. М., 1974; Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. 2-е изд., перераб. Киев, 1976; Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978; Методологические проблемы общественных наук. М., 1979; Жуков Е. М. Очерки методологии истории; Маслов Н. Н. Вопросы методологии истории КПСС в произведениях В. И. Ленина. Л., 1980; Федосеев П. Н. Философия и интеграция наук//Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981; Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981; Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981; Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; и др.

² См.: Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии//История и историки: Историографический ежегодник. 1975. М., 1978; Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980; Сахаров А. М. Методология истории и историография. М., 1981, и др.

фии сыграла ее статья, опубликованная в 1965 г., а также другие работы, связанные с вопросами истории исторической науки¹. Методологические вопросы истории и историографии все чаще становятся объектом изучения в трудах, посвященных рассмотрению конкретных исторических и историографических проблем. В последнее же время проблемы методологии истории стали довольно интенсивно разрабатываться на основе историко-партийного материала².

В данной главе внимание сосредоточено на освещении значения методологии в историографическом исследовании. Эту задачу трудно решить без должного понимания более общих проблем — субординационного взаимодействия методологии и теории в науке в целом, закономерностей и законов истории исторической науки и дисциплинарного статуса методологии историографии. Понимая сложность указанных тем и возможность их изучения на стыке достижений философской и исторической мысли, автор не выносит окончательного решения, а лишь обозначает пути их освещения на уровне задач, стоящих перед историографией.

§ 1. Марксистско-ленинская философия — теоретическая основа методологии историографии

Методология в общих чертах трактуется как путеводная нить познания³. В советской литературе, посвя-

---

¹ См.: *Нечкина М. В.* История истории. (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)//История и историки: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. IV; *Нечкина М. В.* Предисловие и послесловие к сб. «Методологические и теоретические проблемы исторической науки». Калинин, 1980; и др.

² См.: Методологические проблемы историко-партийной науки. Киев, 1976; Некоторые вопросы методологии историко-партийного исследования. Л., 1978; *Варшавчик М. А., Спиринов Л. М.* О научных основах изучения истории КПСС. (Введение в историко-партийную науку). М., 1978; Вопросы методологии историко-партийной науки. Киев, 1980; *Спиринов Л. М.* Теория, методология и методика исследований по истории КПСС; *Маслов Н. Н.* Основные проблемы методологии истории КПСС. М., 1981; *его же.* Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983; и др.

³ Слово *методология* произошло от греческих «методос» — путь исследования или познания и «логос» — слово, понятие и означает систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе (см.: *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 365).

щенной вопросам методологии общественных наук, при одинаковых исходных позициях имеет место множество различных толкований сущности методологии и ее роли в системе знаний, которые можно свести к двум группам. Первая из них заключается в том, что методология — это совокупность методов, или учение о методах. По существу, отождествляются понятия «метод» и «методология», что приводит к употреблению их как синонимов¹.

Другая группа, исходя из более широких позиций, формулирует методологию как теорию исторического познания², как приложение принципов диалектико-материалистического мировоззрения к процессу познания и практики³, как реализацию методов в процессе исторического познания⁴, как исследование методов, применяемых во всех без исключения науках, или даже как систему теорий, исполняющих «роль руководящего принципа» в научном анализе⁵. В обобщенном виде вторая точка зрения была изложена П. В. Копниным: «... от метода надо отличать методологию»⁶.

Нельзя не сказать и о том, что выдвинуто предложение о выделении методологии в специальную отрасль научных исторических знаний⁷.

Шаткость позиций ученых, отстаивающих мысль о методологии как учении о методах, породила предложения о понимании методологии в широком и узком смысле слова или ее разграничении на общефилософскую ме-

---

¹ См., например: *Рузавин Г. И.* Методы научного познания. М., 1974; *Иванов В. В.* Методология исторической науки. С. 5.

² См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 9. С. 387.

³ См.: *Ильичев Л. Ф.* Методологические проблемы естествознания и общественных наук//Методологические проблемы науки. М., 1964. С. 14.

⁴ См.: Методологические проблемы историко-партийной науки. Киев, 1976. С. 11.

⁵ См.: *Стефанов Г.* Теория и метод общественных наук/Пер. с болг. М., 1967. С. 138; *Штофф В. А.* Проблемы методологии научного познания. С. 11. (Данный автор без оговорок заявляет, что методология — это «теория диалектико-материалистического метода».)

⁶ *Копнин П. В.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 514.

⁷ Эта мысль обоснована в кн.: «Методологические основы историко-партийной науки» и в статье М. А. Варшавчика «Вопросы методологии историко-партийной науки» (см.: Вопросы истории КПСС. 1976. № 4).

тодологию и частную¹. В первом из них «методология обозначает совокупность общих установок и философских принципов, определяющих направление и конечные цели данного вида деятельности». Автор при разъяснении данной формулировки пишет, что в применении к историческому познанию «методология в широком смысле формулирует и детализирует до уровня конкретной применимости принципы объективности и историзма». В узком же смысле слова методология представляет собой «... более специальную дисциплину, задача которой — теоретическое исследование, анализ, реконструкция, оправдание и обоснование методов соответствующей деятельности»².

Имеется мнение о существовании общей методологии, в предмет которой включаются такие вопросы, как специфика научного познания по сравнению с обыденным мышлением, основные особенности и закономерности научно-познавательной деятельности, отношение эмпирического и теоретического уровней научного исследования, общие приемы научного исследования, структура и функция научной теории и т. д.³

Идеи А. И. Ракитова и других авторов возникли не спонтанно и «не «на пустом» месте». В. А. Дьяков, специально исследовавший проблему методологии в прошлом и настоящем, пришел к заключению, что методологию истории образуют ее общефилософская часть и частная методология, функционирующие в неразрывном единстве. «Основное ядро, идейно-теоретическую базу марксистской методологии истории составляют положения исторического материализма». Дьяков все же признает, что «самостоятельное значение имеет для нее (исторической науки.— А. З.) ряд гносеологических вопросов, связанных со спецификой исторического познания, а также касающихся методики и техники исторического исследования»⁴. О двух уровнях и двух этапах методологии писал также И. Д. Андреев⁵.

---

¹ См.: Ракитов А. И. Философские проблемы науки. М., 1977; его же. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.

² Ракитов А. И. Историческое познание... С. 23.

³ См.: Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984. С. 35—36.

⁴ Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. С. 84.

⁵ См.: Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977. С. 102—103.

В дальнейшем было выдвинуто положение о «мно-гоуровневости» методологического анализа науки¹.

Нельзя не сказать еще об одной дефиниции методологии. А. Л. Никифоров считает, что слово «методология» все еще не имеет достаточно точного и общепринятого смысла, что она представляет собой «... совокупность методологических концепций... значительно отличающихся одна от другой своими исходными положениями, кругом интересов, методами». Настаивая на том, что методологические проблемы детерминируются методологической концепцией и что проблемы, обсуждаемые в рамках одной концепции, могут не иметь смысла для других, автор поставил вопрос: имеются ли в методологии общие проблемы? И отвечает, что такие проблемы имеются, так как «содержание методологической концепции как теории научного познания детерминируется не только философскими принципами, но и самой наукой»² (курсив наш. — А: З.).

Точка зрения А. Л. Никифорова представляет определенный интерес: в ней имеются, на наш взгляд, как верные, так и спорные утверждения.

Мысль о том, что нельзя методологию сводить только к философским принципам, правильна (об этом подробно будет сказано ниже). Но спорно все же положение о том, что методологическая концепция выступает как теория научного познания или теория строения и развития научного знания (об этом также пойдет речь в данной работе). Представляет интерес постановка вопроса, что методология детерминируется и «самой наукой», что у всех методологических концепций предмет один — «наука и ее история».

Неверно, на наш взгляд, стремление свести методологию к сумме методологических концепций. Автор разъясняет, что методологическая концепция понимается им как «... философская теория, описывающая структуру научного знания, его изменение и развитие, общие методы познания, используемые учеными»³. Неверно потому, что методология не является эклектиче-

---

¹ См.: Швырев В. С. Научное познание как деятельность. С. 27—30.

² Никифоров А. Л. От формальной логики к истории науки. Критический анализ буржуазной методологии науки. М., 1983. С. 3, 171, 172.

³ Там же. С. 3—4.

ским соединением директивных идей, используемых учеными.

Методология трактуется порой разнообразно не только вследствие многоплановости методологического анализа, многослойности ее структуры, отсутствия в этой области выверенного до конца понятийного аппарата, но и в результате слабой изученности такого ключевого вопроса, как соотношение исторического материализма и методологии. В этих условиях понимание назначения методологии историографии связано с выяснением такого общего вопроса, как соотношение философии и методологии, тем более что зачастую в литературе проявляется тенденция отождествлять методологию и исторический материализм.

Универсальной основой методологии историографии, как и других отраслей науки, является марксизм-ленинизм и его философское ядро — диалектический и исторический материализм. В методологическом отношении понятие «исторический материализм» отражает сочетание материалистического истолкования общественных процессов с историческим подходом к ним¹.

Функции марксистско-ленинской философии по отношению ко всему знанию состоят в следующем. Во-первых, она, представляя в единстве диалектику и материализм, разрабатывает для всех наук мировоззренческие и общеметодологические проблемы: общее понимание человеческого знания, характер его отношения к действительности, законы развития знания, суть истины и способы ее проверки, классификацию наук и т. д. Во-вторых, претендуя на предельную общность, философия присущими ей понятиями и категориями раскрывает общую методологию, теорию и логику научного познания, разрабатывает и обновляет средства научного поиска. В-третьих, философия служит (точнее, выполняет функции) своеобразным методологически организующим центром связи и взаимовлияния различных научных дисциплин, она объединяет на теоретическом базисе, которым располагает, новейшие достижения всех наук². Именно потому, что марксистско-ленинская фи-

---

¹ См.: Гольман Л. И. Энгельс — историк. М., 1984. С. 191.

² См.: Федосеев П. Н. Философия и интеграция наук//Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. С. 27—28; его же. Философия и научное познание. М., 1983; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976. С. 242.

лософия адекватно отражает объективные закономерности окружающего нас мира (без материалистической диалектики и исторического материализма недостижима объективная истина и объективность науки), неизмеримо расширяются возможности научного познания. Являясь общеметодологической и теоретической базой научного знания, философия дает возможность разработать методологические проблемы исторической науки и историографии, определить их место в методологическом арсенале марксизма-ленинизма.

Признавая интегрирующую, синтезирующую и ориентирующую функции философии в научном познании, ее всеобщее методологическое и теоретическое значение, нельзя, на наш взгляд, «заставлять» методологию в целом и методологию историографии в частности дублировать исторический материализм и диалектическую логику, и вот почему.

Первое. Диалектический и исторический материализм, универсально осмысляя мир и постигая его общие принципы, не притязал и не претендует на то, чтобы заменить собой все направления исследования науки, в том числе и историографии. Диамат и истмат также не стояли и не стоят над конкретным историческим и историографическим познанием, поскольку несовместимы как с натурфилософскими претензиями возвыситься над науками, быть директивными по отношению к ним, так и с позитивистскими устремлениями принизить роль философии при решении теоретических проблем познания. Философия и история при общем объекте исследования — общественных явлений — наряду с этим единством имеют существенное различие, и прежде всего в предмете изучения. Наконец, категории философии носят обобщающий, универсальный и абстрактный характер, а философские обобщения, опираясь на научные достижения, проникают в более глубокие и общие связи явлений. Следовательно, сила марксистско-ленинской философии состоит в том, что она, будучи методологической базой исторической науки, указывает на всеобщее направление исследования проблем историографии.

Второе. Историография стала научной отраслью знаний именно в ходе освоения философского уровня анализа, свойственного ей материалу. Но одновременно она не может удовлетвориться ролью некоего «приложения» философских категорий к историографическим яв-

ниям, а стремится найти свои специфические возможности теоретической «работы». В процессе обработки и обобщения конкретного историографического материала она на основе философских, исторических и других знаний открывает и формулирует свои закономерности и законы. В этих условиях теоретические положения историографии приобретают характер методологических установок, пополняющих общий методологический арсенал.

Точке зрения на историографию как науку, имеющую свой статус и собственные методологические аспекты, противостоят взгляды известного медиевиста — академика Д. М. Петрушевского и современного польского методолога Е. Топольского¹, которые в намерении отстоять ценность исторического познания фактически проводят мысль об отсутствии специфики исторического познания. Представляется, однако, что историографические, как и исторические, знания являются научными не в результате того, что они не отличаются от других (скажем, естественных) наук, а вследствие того, что ими достигнута известная теоретическая зрелость. В этом плане нельзя согласиться с попыткой зачислить историческую науку и историографию в категорию «слабых» в теоретическом отношении.

Третье. Научная философия с ее общеметодологической функцией не может не воспользоваться теоретическими положениями, понятийным аппаратом и всеми научными достижениями такой науки, как история, такой отраслью знаний, как историография. Это определяется диалектикой взаимосвязи философии и конкретных наук: по мере того как философия обогащается и совершенствуется путем обобщения теоретических выводов отдельных наук, они, в свою очередь, получают возможность более успешного продвижения вперед благодаря конкретизации теории материалистической диалектики.

Историография дает философии богатейшую информацию о развитии научных знаний в области истории: философия использует закономерности и законы развития исторической науки, которые вскрывает историо-

---

¹ См.: *Петрушевский Д. М.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пр., 1915. С. 14—16, 18; *Topolski J.* Metodologia historii. Warszawa, 1973. S. 280, 289; *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1972. С. 122—123.

графия. В этом естественном процессе взаимодействия и взаимовлияния наук философский уровень анализа как бы стимулируется, в нем появляются новые аспекты. Становится все более очевидным, что методологический аспект историографии, сталкиваясь со сложными познавательными вопросами и решая их, опираясь на предпосылки философско-гносеологического характера, преодолевает узость своих суждений и поднимается на уровень философского мышления.

Четвертое. В целях постижения историографической истины методология ныне применяет различные методы исследования. Некоторые из них, входящие в той или иной мере в методологическую проблематику, не могут быть отнесены к философским (например, методы периодизации, интерпретации источников и др.) и поэтому не претендуют на философскую универсальность и всеобщность.

В обобщенном виде идеи, заложенные в вышеперечисленных пунктах, были сформулированы академиком П. Н. Федосеевым так: «Исторический материализм есть общая методология для всех общественных наук, в том числе и для советской исторической науки. Но это не значит, что в самой исторической науке нет методологии, методологических вопросов. Если бы этого не было, тогда бы наша историческая наука не была марксистской»¹. Это положение на конкретно-историческом материале далее развито и углублено академиком Е. М. Жуковым, считающим, что методология истории «... не сводится к воспроизведению общефилософских понятий в сфере исторической науки»². Значит, есть основания считать, что подмена методологии историческим материализмом, обесцвечивание сути ее и «стирание» ее специфического назначения для исторической науки не может принести пользу ни философии, ни познанию исторических явлений. Единая марксистско-ленинская методология по отношению к историографии выступает как единство общего и особенного, или, говоря иначе, если диалектический и исторический материализм — это универсальная база, фундамент для всех отраслей знания, то методология историографии — одна из граней этого фундамента.

¹ История и социология. М., 1964. С. 328.

² Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 26.

Кроме того, методология историографии близко соприкасается с методологией истории философии, имея в конечном итоге один объект исследования — науку. Однако каждая из них кроме общих исходных параметров имеет свои специфические цели, задачи, понятийный аппарат, что не мешает им постоянно взаимобогащаться и совершенствоваться.

Особо необходимо отметить взаимосвязь методологии истории и методологии историографии. Как нельзя ни отрывать, ни тем более противопоставлять методологию истории самой исторической науке, так и нельзя не видеть генетическую общность методологии истории и историографии. Отмеченные выше явления подтверждают фундаментальное положение: в марксизме-ленинизме общественные науки, исходя из единой материалистической основы, находясь во взаимосвязи, дополняют и обогащают друг друга.

Отстаивая идею о неправомерности отождествления методологии истории и исторического материализма, о несводимости всей методологической проблематики к философским вопросам, необходимо еще раз подчеркнуть, что этим вовсе не отрицается роль диалектического и исторического материализма как теоретической и направляющей основы (базы) методологии историографии. Более того: 1) методология историографии действует успешно только в рамках единой марксистско-ленинской методологии; 2) лидерство методологической функции философии (по выражению академика П. Н. Федосеева) особенно проявляется тогда, когда она стоит на уровне современных теоретических разработок всех наук, в том числе истории и историографии; 3) без философско-гносеологического анализа недостижима объективность и истинность историографии.

Решение проблемы о соотношении методологии и исторического материализма будет недостаточным без понимания вопроса «методология — теория». Ленинские идеи о соотношении диалектики, логики и теории, зафиксированные во фрагменте «План диалектики (логики) Гегеля»¹, нацеливают обществоведов на поиск их диалектического единства и имеющих между ними различий.

Теория — развитая форма научного знания, логическое объяснение закономерностей и обобщение общест-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.

венно-исторической практики — не может существовать без методологии познания, а методология, в свою очередь, приобретает подлинную научность, когда она основывается на теоретическом знании. Взаимное обогащение теории и методологии чрезвычайно важно для понимания методологических аспектов историографии.

Взаимосвязь методологии и теории придает марксистско-ленинской методологии историографии ту силу, которая позволяет ей быть путеводной нитью в исследовании сложных историографических фактов и явлений. Но этим не ограничиваются взаимоотношения теории и методологии. Теоретические положения и выводы, добытые вследствие обобщения историографического материала, входят в арсенал методологического знания. Это происходит потому, что опыт развития науки подтверждает: теория связана с определенным мировоззрением; отрыв теоретического аспекта исследования от методологического приводит в конечном итоге к превращению теории в догму; без теоретического знания методология не может решать в должной мере задачи познания истории исторической науки. Такая постановка вопроса дает основание считать, что теоретические положения в процессе познания могут приобретать методологическую функцию¹.

Механизм этого явления еще недостаточно изучен как в науке в целом, так и тем более в историографии. Имеются лишь следующие наблюдения: методологические функции теоретических положений являются отправными точками формулирования принципов и подходов к познанию истории исторической науки; методологический уровень исследования становится тем богаче, чем глубже теория и методология связываются с практикой историографии. Но как отмеченные моменты действуют конкретно, изучено еще недостаточно полно.

Взаимосвязанность теории и методологии на историографическом уровне не исключает различий между ними. Если в теории превалируют обобщенные и приведенные в систему историографические факты, то в методологии выработанные понятия и представления применяются при анализе конкретного историографического

---

¹ См.: Варшавчик М. А., Спириин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС... С. 44—45; Спириин Л. М. Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. С. 46; Маслов Н. Н. Основные проблемы... С. 8.

материала. Вышеприведенные соображения говорят в пользу того, что методология не может быть только «теорией исторического познания».

Отмеченные положения необходимы и для выявления вопроса о значении для методологии теории познания — гносеологии. Выделим несколько моментов. Еще в античности центральной в теории познания выступала проблема отношения знания и мнения, истины и заблуждения; знание понималось в единстве с его предметом. В марксистско-ленинской философии теория познания базируется на ленинском положении: «Диалектика и *есть* теория познания...»¹. Для методологии историографии важны следующие положения: работа познающего субъекта (историографа) может быть верно оценена в его связях (непосредственных и опосредствованных) с обществом, всемирно-историческим развитием и процессом развития знания, а также в связи с деятельностью других ученых; теория познания дает ориентир в критическом анализе исторических идей, взглядов, концепций, в их научном истолковании с точки зрения адекватности истинному развитию исторической науки.

Гносеологические аспекты историографии усиливают свои возможности при использовании правил и процедур логического анализа. Он, в частности, необходим для установления закономерностей и законов историографического творчества, его психологических предпосылок. Без логического анализа трудно использовать в историографии потенции смежных и других научных дисциплин, особенно источниковедения, не говоря уже о диалектическом и историческом материализме.

Проблема соотношения и взаимосвязи методологии и теории познания проясняется при обращении к самому процессу становления историографической теории, ее функции и структуры. В основе понимания генезиса историографической теории лежат следующие фундаментальные диалектико-материалистические положения: объективный характер марксистского исторического познания; решающая роль общественно-исторической практики в познании и проверке истинности историографического знания.

Теория в историографии складывается как результат обобщения историографических фактов и как отрица-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 321.

ние уже действующих выводов, если они перестали соответствовать новым задачам научного знания.

Появление теории обуславливается разными причинами, среди которых особое значение имеют: выдвижение общественно-исторической практикой, деятельностью передовых классов и партий социального «заказа» на теоретическое знание; гносеологические соображения, показывающие «холостой ход» прежних теоретических разработок, и др.

То обстоятельство, что применение теории и «заложенное» в ней знание опосредуется через промежуточные звенья, диктует необходимость выяснения процесса складывания историографической теории. Ее создание начинается фактически уже на самом раннем, эмпирическом уровне собирания, обработки и классификации историографических фактов, а необходимость их обобщения приводит к первоначальному теоретическому объяснению. Анализ и объяснение эмпирического историографического материала поднимает теорию на следующую ступень. Вооруженность историографа определенной методологией не может не оказывать влияния на его выбор фактов и источников и на методы работы с ними.

Следующим этапом становления научной теории является выделение посредством «живого созерцания» эмоциональных и других моментов познания, научных историографических абстракций, которые способствуют получению системы обоснованных выводов. «От живого созерцания, — писал В. И. Ленин, — к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»¹. Выдвижение историографических абстракций есть результат большой творческой мыслительной работы над историографическими фактами, включающей примерно следующие моменты: выдвижение гипотез развития научной исторической мысли; проверку гипотез на пути их превращения в теорию методологическими регулятивами², которые, однако, не могут носить характера жестких правил, чтобы исключить их канонизацию; образование абстрактных историографических понятий,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 152—153.

² Методологические регулятивы включают в себя направляющие приемы и методы отбора и систематизации гипотез.

являющихся подступами к теории; подтверждение гипотезы практикой развития научной исторической мысли.

Сердцевина в построении историографической теории, методологически центральная роль в ее формировании принадлежит так называемому идеализированному объекту, представляющему собой мысленную конструкцию. Методологическая основа понимания сути этого явления заложена в следующих словах Маркса: «... идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

Как и всякий идеализированный объект в теории познания, в историографии он представляется при помощи известных вероятностных гипотетических допущений, проверяемых научной практикой. При помощи идеализированного объекта создаются программы дальнейших научных историографических изысканий путем сравнения достигнутого уровня научных разработок и возможных путей их дальнейшего развития.

Кульминацией в строении историографической теории является формулирование на основе всей предыдущей работы закономерностей, прогнозов и актуальных ее задач.

Научная историографическая теория имеет несколько особенностей. Они сводятся к следующему: 1) имея относительно самостоятельный характер, историографическая теория в то же время зависит от характера и уровня общеисторических теорий; 2) она является программой, стимулятором и своеобразным рычагом дальнейших исторических изысканий, формулирования новых исторических теорий, взглядов, оценок; 3) она служит фундаментом обоснования новых теоретических построений в историографическом познании. В этом плане закономерно считать, что историографическая теория в процессе ее применения сама совершенствуется, оказывая практическое влияние как на историческое, так и на историографическое знание.

Особо следует указать, что некоторые положения историографической теории изживают себя не потому, что начинают противоречить отдельным историографическим фактам, хотя это само по себе настораживает историографа, а главным образом потому, что лежавшая в основе этой теории программа научных разра-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 21.

боток оказалась устарелой, архаичной, не говоря уже о несоответствии методов и форм самого исследования.

Постановка вопроса о совершенствовании историографических теоретических построений, о переходе положений одной теории в другую вовсе не исключает момента создания новых теорий. Они возникают при наличии следующих условий: выявление в результате исследований новых закономерностей или тенденций развития исторических знаний, приводящих к отрицанию и отбрасыванию имеющихся историографических представлений и выводов или, возможно, к распознаванию ранее скрытых для исследователя моментов развития истории исторической науки. В связи с последним заметим, что в мировой науке это общепринятая норма: успешные теории обычно стимулируют проведение новых наблюдений, получение новых фактов и новых теоретических обобщений. Историографическая теория должна «заставить» историографа искать не только новые подходы к историографическим фактам, но и дополнительные факты и источники.

Перед историографом встает также вопрос об адекватности теорий, способах и методах их проверки, подтверждения или опровержения. В связи с этим в методологии историографии не последнее место приобретают такие факты, как личность историографа, его биография, эмоции и их влияние на уровень теоретического мышления.

Приведенные выше соображения подтверждают ту истину, что историографическая теория, с одной стороны, есть показатель зрелости историографических знаний, а с другой — ее появление возможно лишь на высоких ступенях развития истории исторической науки.

Таким образом, изучение концепции теории в историографии показывает, что она отражает объективную картину движения научной мысли — от незнания к знанию и закону. Дальнейшее гносеологическое исследование теории благотворно скажется на пути ее сопоставления с теоретическими структурами других общественных и естественных наук, а также при проверке ее на основе общественно-политической практики. Решающее значение для разработки методологии историографии имеет методология познания общественных явлений, выработанная марксизмом-ленинизмом, все теоретико-методологическое наследие Маркса, Энгельса, Ленина.

* * *

В советской философской и исторической литературе, посвященной методологической проблематике и вышедшей в свет в последние годы, встречаются несколько десятков порой полемизирующих друг с другом формулировок предмета методологии истории¹. При всем их разнообразии² они, однако, в целом не противоречат марксистско-ленинской концепции истории и ее познания.

Наличие различных формулировок методологии истории показывает, что в настоящее время методологическая проблематика является сферой приложения научных интересов многих исследователей, свидетельствующих вовсе не о слабом изучении темы. Наоборот, это подтверждает стремление найти оптимальное ее решение, что, с одной стороны, облегчает выделение функции методологии историографии, а с другой — затрудняет эту работу, так как обязывает к синтетическому переосмыслению разных дефиниций в рамках новейших достижений научного знания.

Решающее значение в понимании предмета методологии историографии имеет современное толкование самого предмета историографии, складывающегося постепенно, по мере развития теории и практики историографических исследований.

¹ Попытку дать сводку имеющихся дефиниций методологии истории, сравнить и выявить наиболее перспективные из них предпринял в 1982 г. А. И. Уваров [см.: Философские и методологические проблемы исторического назначения (обзор советской литературы за 1971—1981 гг.). М., 1982; *Танг Ле Хыу*. О содержании понятия «методология»//Философские науки. 1979. № 4. С. 98—107].

² См.: *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки. С. 10; *Смоленский Н. И.* К вопросу о содержании и значении исторического метода в исторической науке//Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск, 1974. Вып. 10. С. 17; *Варшавчик М. А., Спириц Л. М.* О научных основах изучения истории КПКС. С. 46; *Варшавчик М. А.* О предмете методологии исторической науки//Тезисы докладов Межвузовской научной конференции «Современные проблемы философии истории». Тарту-Кяэрику. 16—18 апреля 1979 г. Тарту, 1979. С. 38—42; *Спириц Л. М.* Теория, методология и методика исследований по истории КПКС. С. 46; *Маслов Н. Н.* Методология исторического исследования. М., 1979. С. 13 *его же*. Основные проблемы методологии истории КПКС. С. 9—11; *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX века. Томск, 1978. С. 3; *Могильницкий Б. Г.* О содержании понятия, методологии истории//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1979. Вып. 11. С. 15; *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. С. 29; *Иванов В. В.* Методология исторической науки. С. 5 и др.

Ограниченность дореволюционного понимания вопроса (начиная с С. М. Соловьева, стремившегося дать галерею «портретов» русских историков с анализом их трудов в хронологической последовательности, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича, считавших задачей историографии в основном накопление историографических фактов, их объективную констатацию, и кончая В. О. Ключевским, П. Н. Милюковым и особенно А. С. Лаппо-Данилевским, изучавшими смену исторической концепции и по главным направлениям русской историографии [Лаппо-Данилевский])¹ постепенно преодолевается на современном этапе развития историографии.

М. В. Нечкина и Е. Н. Городецкий показали, что в предмет истории исторической науки входят следующие компоненты: изучение процесса накопления знаний о человеческом обществе; история введения в научный оборот ранее неизвестных источников и историографических памятников, развитие методов исторического исследования, совершенствование техники анализа исторических источников; история борьбы различных течений в исторической науке и смены проблематики исторических исследований, классовая обусловленность теорий исторического процесса и их борьба, формирование и развитие различных исторических концепций; история возникновения и развития марксистско-ленинской исторической науки, К. Маркс и Ф. Энгельс и их вклад в историческую науку, ленинский этап в развитии исторической науки; изучение связей исторических теорий с философскими и политическими взглядами, характерными для данной эпохи, с классовой борьбой своего времени; социальные функции исторической науки, политика различных классов в области исторической науки, историческое обоснование партийных программ, пропаганда исторических знаний; организация науки на каждом из этапов ее развития, система научных институтов, условия их возникновения, эволюция их структуры, научные общества, историческая периодика, роль и значение всех этих компонентов в процессе развития науки; кадры исторической науки, квалификация и распределение их по отраслям науки, историческое образование (высшая и средняя

¹ См.: *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX до 1917 г. М., 1983. С. 84, 90, 94 и др. (В. С. Иконников и А. С. Лаппо-Данилевский предложили расширить предмет историографии, включив в него изучение деятельности «учено-учебных учреждений».)

школа), учебная литература, эволюция системы исторического образования, ее влияние на историческую науку¹.

Расширение предмета историографии связано с увеличением аспектов предмета самой исторической науки и преумножением возможностей теоретико-методологического анализа. Немаловажное значение здесь имеет познавательная активность историографа.

Имея в виду назначение методологии, ее роль на современном этапе развития научного познания, компоненты предмета истории исторической науки и руководствуясь положением Ф. Энгельса о том, что материалистическое понимание истории должно «...применяться надлежащим образом — в качестве путеводной нити при изучении истории»², можно сделать вывод: *марксистско-ленинская методология историографии, основываясь на историческом материализме, вырабатывает и формулирует систему принципов — мировоззренческих, гносеологических и логических, выступающих путеводной нитью в познании закономерностей и истинного содержания развития историографии.* Методология объединяет и направляет научные методы, дает им возможность сыграть активную роль в истинном познании историографии.

Уточнение этой общей цели методологии видится в отработке системы принципов и установок, применяемых для решения следующих методологических задач: установление преемственности в развитии исторической мысли; определение критериев выделения главных историографических фактов; обнаружение соотношения историографического факта и источника; констатация объективного вклада историков, их трудов в становление и развитие марксистско-ленинской исторической науки; познание в историографических фактах и другом историографическом материале общего, особенного и единичного; выявление критериев периодизации на основе объективных и субъективных факторов и т. д.

Ленинский творческий подход к изучению истории в истории исторической науки показывает, как писал Е. М. Жуков, что «нельзя представить себе методологию истории (это в полной мере относится и к методологии

историографии.— А. З.) как некий набор абстрактных схем и логических конструкций», так как «никакая формула, даже правильная сама по себе, не может служить простой «отмычкой» для проникновения в сущность того, что изучает исследователь»¹. В действительности методология историографии посредством использования системы исследовательских принципов (мировоззренческих, общенаучных, исторических и специфически историографических) вырабатывает взгляды и установки, указывающие как на направление исследовательского историографического процесса, так и на требования, предъявляемые к историографическому творчеству и его результатам.

Достигнутая к настоящему времени изученность методологической проблематики историографии позволяет сформулировать некоторые актуальные задачи дальнейшей работы в этой области. Среди них, с нашей точки зрения, наиболее важными, позволяющими познать закономерности и ведущие тенденции развития историографии, являются: структура и уровни методологического знания, соотношение теории и методологии; логика, характер и методы объяснения в историографическом исследовании; «стиль мышления» историографа; взаимосвязь объекта (историческая наука) с субъектом (историком-исследователем); методика построения выводов и заключений в историографии; понятийный аппарат историографа; психология историографического творчества и др.

Методология способствует освоению историографом практики предшествующего развития научной мысли, многообразия научных точек зрения, способов и приемов научно-исследовательской работы. В этом плане методология историографии, как образно выразилась М. В. Нечкина, способствует эстафетной передаче духовного завещания одного поколения исследователей другому.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод: разработка методологии историографии, будучи важнейшей составной частью историографического творчества, является школой овладения опытом классиков марксизма-ленинизма, историков-марксистов, школой формирования коммунистического мировоззрения, научного критического мышления, развивает теоретический уровень, профессиональное мастерство кадров историков.

¹ См.: Нечкина М. В., Городецкий Е. Н. Развитие советской историографии истории СССР // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. С. 278—280.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 38. С. 268—269.

¹ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 27—28.

Изучение методологических проблем историографии приобретает наибольшую значимость в условиях прогресса исторической науки, роста культуры строителей коммунизма, выполнения задач, поставленных перед наукой решениями XXVII съезда КПСС.

§ 2. Методы

Одна из важных задач методологии — выявление природы, назначения и специфики методов историографии. Достижение этой цели возможно на пути понимания содержания метода в целом, метода науки в том числе. Выяснение этих вопросов призвано способствовать продвижению решения проблемы соотношения методологии и метода, остающейся еще спорной.

Примат методологии и как следствие этого — мировоззренческой позиции ученого вовсе не означает того, что в методологической проблематике историографии умаляется или не отводится должного места методам исследований. Наоборот, значение метода для научного исследования чрезвычайно велико. Более того, сложность историографического процесса требует применения всевозможных исследовательских приемов. Значение метода для истории науки возрастает вследствие того, что она дает известный материал для совершенствования и обогащения методологии.

В наиболее общем виде метод — это орудие, приемы и способы достижения определенных результатов в практической и познавательной деятельности людей. Е. М. Жуков дополнил: метод не только дает ученому «„отправные пункты“», но и помогает находить правильный путь в лабиринте изучаемых процессов и явлений»¹. В этом плане можно считать, что метод дает ученому направление в исследовании изучаемой темы, рационализировать его познавательную деятельность, обеспечивает ее эффективность и способствует систематизации и оценке накопленных предшественниками и им самим фактов и данных. Поэтому верно, что метод оформляется «... в практике прошлой исследовательской работы, а затем становится исходным фактором предстоящего исследования»², способом установления истины, истинного знания.

¹ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 27.

² Подкорытов Г. А. О роли научного метода в познавательной деятельности // Эвристическая и методологическая функция философии в научном познании. Л., 1980.

В литературе порой встречается мнение, что сам по себе метод ничего не создает и что он лишь условие развития творческих способностей, но не замена им. В действительности в историографии метод «сам по себе», без приложений к исследуемому материалу не приносит «приращения» знаний, но при умелом его выборе и применении научное историческое творчество безусловно продвигается вперед. В таком смысле можно и говорить о творческой роли метода. В историографии методы включают в себя и момент получения нового знания для дальнейшего его использования исторической наукой. Это необходимо особо подчеркнуть, так как в современной антимарксистской литературе среди сторонников так называемого свободного творчества господствует тенденция отрицания объективных основ научной деятельности, невозможности ее упорядочения и отражения.

Метод эвристичен. Он содержит объективную и субъективную стороны. П. В. Копнин считает, что познанные закономерности составляют объективную грань метода, а возникшие на их основе приемы исследования и преобразования явлений — субъективную¹. Методы, совершенствуясь и меняясь, уступают место другим, более прогрессивным и рациональным.

Марксизм-ленинизм выступает против противопоставления или обособления метода от теории. Метод через методологию сплавлен с теорией, ибо теория не может существовать без научного метода ее развития и без научного метода познания действительности, а метод только приобретает подлинную силу, когда он основывается на теоретическом знании. В то же время отрыв метода от теории лишает метод реального содержания и открывает двери для искажения как теории, так и самого метода.

Взаимопроникновение теории и метода не исключает различий между ними. Можно согласиться с мнением Ю. А. Красина о том, что «различие между теорией и методом — это различие внутри тождества, различие в аспекте рассмотрения и применения единого марксистско-ленинского учения»².

Следовательно, общий вывод состоит в том, что вследствие диалектического соотношения теории и метода в

¹ См.: Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. С. 509.

² Красин Ю. А. Диалектика революционного процесса. М., 1972. С. 237—238.

конечном итоге происходит взаимное обогащение каждого из них, что чрезвычайно важно для понимания методологической практики историографии.

Метод тесно взаимосвязан с познаваемым предметом. Его характер опосредован характером изучаемого объекта¹. Но метод не только связан с особенностями изучаемого объекта. Он детерминирован еще двумя факторами: накоплением предыдущими поколениями исследователей фактического материала и его изученностью, партийностью, в которой фиксируется классовый подход к анализу действительности².

При выявлении специфики природы и назначения метода историографии следует, на наш взгляд, исходить из общего определения метода науки, сложившегося в историографии понимания научного познания как результата деятельности историографа, а также из накопленного опыта познания истории развития исторической науки. При этом надо учесть, что назначение метода состоит в том, чтобы с его помощью не только обеспечить истинные пути познания, но и способствовать установлению закономерности истории исторической науки. И не только это: создание нового метода, развитие и обогащение существующих методов, выбор того или иного метода для исследования справедливо считается одним из проявлений творческих возможностей ученого.

Имея в виду отмеченные выше исходные моменты, можно сделать вывод, что исследовательские (научные) методы в историографии — это творчески осмысленные способы и приемы познавательной деятельности историографа, направленные на установление (выработку) в русле методологического анализа на основе классового подхода объективной истины развития этой отрасли исторического знания. Методы рационализируют деятельность историографа, обеспечивают эффективность применения его исследовательского арсенала. Тем самым задается методологическая ориентация научного поиска историографа.

Трактовка методологии как учения о методах, господствовавшая (в ряде случаев и поныне повторяемая) в фи-

лософской и исторической литературе, объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что до последнего времени не было проведено должного разграничения между историческим материализмом и методологией.

В освещении проблемы субординационного соотношения (в том плане, как это предусматривал Ф. Энгельс в своей «Диалектике природы»¹) между методологией и методом не последнее место занимает следующее обстоятельство. Исходя из объекта, цели познания и достигнутого уровня изученности темы, методы исследования бывают разные: теоретические и эмпирические, общие и частные, сравнительные, вспомогательные, иллюстративные и т. д. Методология не может быть только учением об общности и разности этих и других методов. Сами функции методов, при помощи которых определяются способы и приемы ведения научной работы, недостаточны для методологии, ибо в них не содержится указания на те структурные элементы, которые во многом обеспечивают всеобщность достижения научной истины. Самостоятельность же метода относительна потому, что он применяется, как уже отмечалось, прежде, чем осуществляется само исследование. Если бы этого не было, то материал для изучения собирался бы случайно и бралось бы во внимание главным образом то, что лежит на поверхности.

Приведенные обстоятельства функционирования метода позволяют заключить следующее. Первое: методология, направляющая весь познавательный процесс, шире и объемнее понятия «метод», так как она отражает наиболее общие моменты мировоззрения, обеспечивает научность применения методов и играет связующую роль во всей системе научного познания. Второе: выполнять в науке мировоззренческую роль и быть методом — это, конечно, величины неравнозначные. Уравнение методологии и методов приводит методологию только на позиции гносеологии, затушевывая онтологические (учение о бытии как таковом) и аксиологические (ценностные) аспекты, заложенные в теории познания.

Такой всеобщий подход к сущности методологии исторической науки дает возможность раскрыть их субординационное соотношение. Правы, на наш взгляд, те ученые, которые считают, что «если методология — генеральный путь познания, то методы определяют, как идти

¹ См.: Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967. С. 8; Кедров Б. М. Классификация наук. М., 1965. Т. 1. С. 441—443.

² См.: Смоленский Н. И. К вопросу о содержании и значении исторического метода в исторической науке // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск, 1974. Вып. 10. С. 11

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 538.

этим путем»¹, и что «методология — орудие анализа, но она не заменяет самого анализа»².

Но эти общие соображения все же недостаточны для историографии. Методология обладает возможностью анализировать и классифицировать методы, а также выбирать из них оптимальные. Использование их в практике историографической работы обусловлено рядом моментов: объектом историографического анализа, целями и задачами данного исследования и др. Имеется мнение о том, что в методологии методы познания трансформируются в методы исследования, приобретающие прочную теоретическую основу³.

Методологический анализ содержит в себе еще одну потенцию: объединить на теоретической основе избранные методы, увидеть конечную цель их действия в достижении истины.

Итак, есть основание утверждать, что методология и метод как с формальной, так и главным образом с содержательной точки зрения не могут быть синонимами.

Выступая против попыток уравнивания методологии и метода, необходимо одновременно подчеркнуть их взаимосвязь, общую генетическую первооснову и конечную цель — обеспечение объективности научного познания, установление истины и закономерностей развития истории исторической науки. В этом плане можно считать, что в методах реализуются отдельные аспекты методологии⁴. Кроме того, метод дает большой исходный материал для совершенствования и обогащения методологии научного знания. Однако только в целостной системе методологии методы находят свое обоснование, место, совершенствуются и обогащаются⁵.

В историографии в настоящее время применяется система методов. Можно согласиться со следующей классификацией: общие для всех общественных наук методы, применяемые с учетом своеобразия и задач историографии; специфические, свойственные именно историо-

графическому познанию; заимствованные из других, и прежде всего смежных, наук и ставшие междисциплинарными методами¹. Подробная характеристика этих групп методов дана Н. Н. Масловым².

Акцентируем внимание лишь на таких обстоятельствах. Общенаучные методы при их конкретном применении в историографии могут оказаться серьезным источником для пополнения ее понятийного аппарата; исследовательские методы (каждый из них) в чистом виде на практике, как правило, не применяются, они комбинируются друг с другом, и в историографическом труде можно обнаружить использование разнообразных методов в соединении; общенаучные методы, применяемые во всех отраслях науки, для исследования отдельных сторон научного знания можно назвать универсально-общенаучными³; партийность метода в историографии связана с партийными позициями исследователя, хотя возможны и известные разногласия между партийной принадлежностью ученого и выбранными методами. Последние относятся главным образом к буржуазной партийности.

Применение оптимальных методов зависит от следующих факторов: уровня развития науки, квалификации исследователя, его социальной позиции, традиций и др.⁴ В историографии большое значение приобретают исторические сравнения, сопоставления, параллели, т. е. все то, что включает в себя *сравнительно-исторический метод*⁵. Он занимает первое место среди других, применяемых в историографии, так как объединяет универсальные потенции, заложенные в историзме, и способствует прогнозированию будущего исторической науки.

В историографии этот метод, исходя из ее целей и задач, дает возможность изучить историографические факты как в тесной связи с той исторической обстанов-

¹ См.: *Варшавчик М. А., Спиринов Л. М.* О научных основах изучения истории КПСС... С. 63—67.

² См.: *Маслов Н. Н.* Марксистско-ленинские методы... С. 18—21.

³ См.: *Урсул А. Д.* Теоретико-методологические проблемы обоснования общенаучного уровня знаний//Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. С. 56, 59.

⁴ См.: *Тане Ле Хью.* О содержании понятия «методология»//Философские науки. 1979. № 4. С. 100.

⁵ См.: *Варшавчик М. А., Спиринов Л. М.* О научных основах изучения истории КПСС. С. 66—69; *Маслов Н. Н.* Марксистско-ленинские методы. С. 97—106.

¹ *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. 2-е изд., перераб. Киев, 1976. С. 19.

² *Красин Ю. А.* Диалектика революционного процесса. С. 8.

³ См.: *Маслов Н. Н.* Марксистско-ленинские методы исторического исследования. С. 9.

⁴ См.: *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. С. 19.

⁵ См.: *Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение. С. 133—134.

кой, в которой они возникли и действуют, так и в их качественном изменении на различных этапах развития.

Данный метод необходим в историографии также в связи с выяснением причин и обстоятельств возникновения и существования на отдельных этапах таких явлений в науке, которые можно охарактеризовать как повторяющиеся, несмотря на новые задачи и условия формирования научных знаний. Такое повторение не случайно. Оно вызвано функционированием закономерностей историографии. При выяснении причин и обстоятельств повторяемости историографических фактов историограф обращает внимание на впервые обнаруженную интерпретацию сравниваемого явления.

Этот метод применим и для сравнения фактов, имеющих генетическое родство, но не связанных прямо по происхождению, однако действующих в единой историографической ситуации. При этом сопоставляемые явления должны быть соизмеримы в плане их доступности к сравнению. Это тем более важно, так как применение сравнительно-исторического метода на практике предупреждает историографа от вульгаризации и других попыток искажения истории.

Сопоставления крайне важны для историографии, как и для некоторых других отраслей научного знания, поскольку сравнение неизвестных ранее и неизученных историографических фактов производится с уже введенными в научный оборот, оцененными историографом. Сравнительно-исторический метод играет не последнюю роль во вскрытии причин проникновения в литературу ошибочных положений, неоднократно повторяемых недостатков, а также в нахождении способов их предотвращения в будущем.

В зависимости от характера исследуемых событий исторической науки, их классовой и политической направленности упор делается на выявление либо их сходства, либо различия. Так, например, при сравнении работ, написанных историками-марксистами, основной интерес состоит в том, чтобы выявить черты их тождества в главном и отличия в частности. При сравнении же работ, исходящих из противоположных нам классовых лагерей, определяются классовые причины таких взглядов.

Нужно заметить, что сравнивать можно лишь тогда, когда уже накоплено определенное количество знаний, также при многообразии изучаемых явлений. Ф. Энгельс заметил, что после накопления эмпирического матери-

ала «...стало возможным — и в то же время необходимым — применение сравнительного метода»¹. Подчеркнем также, что научная ценность сравнения зависит главным образом от глубокого проникновения в сравниваемые историографические факты.

Данный метод применяли С. М. Соловьев, В. О. Ключевский в «Лекциях по русской историографии» и другие историки. Им широко пользуется современная историография [см., в частности, учебник «Историография истории СССР. Эпоха социализма» (М., 1982), Е. В. Гутнова «Историография истории средних веков» (М., 1985) и др.]

Таким образом, сравнительно-исторический метод позволяет историографии глубже и ярче раскрыть богатство накопленных исторической наукой знаний и отчетливее выяснить закономерности развития исторической науки, преодолеть узость суждений, способствует предвидению направлений дальнейшего развития истории исторической науки.

Сравнительно-исторический метод не исключает, а, наоборот, предполагает применение *конкретного анализа* в историографии. Сущность конкретного подхода к явлениям природы, общества и науки определена в трудах основоположников научного коммунизма — в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркса и других его трудах, в «Философских тетрадах» В. И. Ленина, в его предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1907), в статье «Коммунизм» (1920) и в других работах.

В. И. Ленин, критикуя стремление социал-демократов правого крыла «с Плехановым во главе» искать ответы на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере российской революции и считая такой подход оплошностью марксизма и «сплошной насмешкой над диалектическим материализмом», писал, что «конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения... истины в ее применении к тому или иному вопросу»². Он считал, что «...мы никогда не познаем конкретного полностью»³. Ленин выдвинул и обосновал ставшее известным марксистское положение о

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 353.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 14.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 252.

необходимости «конкретного анализа конкретной ситуации», подчеркнув, что в этом кроется «живая душа марксизма»¹.

Конкретный анализ может быть достигнут на основе «взаимопересечения» теоретического и конкретно-исторического изучения, ибо история и теория вопроса есть взаимобусловленные, друг без друга не существующие стороны научного познания. Именно так подходил к конкретному анализу К. Маркс. «Конкретное,— писал он,— потому конкретно, что оно есть синтез многих определенных, следовательно единство многообразного»².

Конкретный анализ в историографии предполагает исследование историографических явлений с учетом условий их возникновения и взаимовлияния, как единство многообразных их составляющих элементов во «взаимопересечении» теоретического и фактического материала.

Конкретизация означает отыскание конкретных причин, породивших определенные события в развитии науки, расширение проблематики, появление новых, ранее не освещавшихся тем, условий формулирования новых идей, выводов, обобщений и т. д. Именно так происходит выявление «единства многообразного».

Таким образом, можно считать, что конкретный анализ «конкретных ситуаций» развития исторической науки — важнейшее условие научного анализа, его живая душа.

Историография имеет в своем арсенале исследования и такой метод, как *логический анализ*, научная суть которого была раскрыта К. Марксом в «Экономическом рукописях 1857—1859 годов», Ф. Энгельсом в рецензии на работу К. Маркса «К критике политической экономии» и в других работах и развита далее В. И. Лениным в «Философских тетрадах».

Ф. Энгельс, исходя из диалектического единства логического и исторического, подчеркивал, что логический способ исследования для Маркса был тем же историческим, но освобожденным от случайностей. Вместе с тем Маркс и Энгельс не отождествляли одно с другим. Логический анализ выражает основную линию развития, каковы бы ни были очищенную от привходящего. В этих условиях, по мнению Энгельса, этот анализ нуждается

«...в постоянном соприкосновении с действительностью»¹, т. е. Энгельс давал понять, что логические абстракции не должны превращаться в надуманные схемы.

Из идей В. И. Ленина о логике научного познания² следует, что логический анализ опирается на историю, а история — на логику, поэтому его анализ исторических событий проводится во многих отношениях на основе логического метода. Сила марксистско-ленинского анализа состоит в следующем. Исходя из того что историческое, выражающее действительные процессы, выступает в качестве объективной основы логического, а логическое есть отражение наиболее существенных моментов, он (марксистско-ленинский анализ.— А. З.) позволяет вскрыть закономерности всего процесса развития исторического знания, служит для поиска истины, а все это, вместе взятое, в итоге означает более глубокое познание истории исторической науки. В логическом методе внутренне заложены большие возможности историографического анализа, в частности он позволяет раскрыть своеобразие, специфические особенности данного историографического факта, его многослойную структуру, соотношение с другими историографическими явлениями, движущие силы его дальнейшего развития. На этом пути определяется и главный историографический факт. Применение этого метода позволяет не обходить трудности процесса накопления знаний, а подвергать достигнутый уровень развития исторической науки объективному научному изучению.

Логический анализ можно вести в историографии на нескольких уровнях. На первом из них анализируются единичные явления и события в исторической науке. На этом уровне в основном применяется формальная логика. Образцы формально-логического анализа (не только формально-логического, но и синтетического) содержатся в «Капитале» Маркса, которые эталонны для историографии.

На следующем, втором уровне анализ охватывает развитие исторической науки в пределах определенного периода или этапа. Здесь определяются общее, различное и особенное в развитии науки.

На третьем уровне происходит, в основном посредством диалектико-материалистической логики, переход

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 136.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 37.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 499.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 84, 156, 298, 301.

от анализа к синтезу, к теоретическому обобщению всего накопленного опыта развития исторических знаний. На этом уровне особенно развиваются способности историографа в области теоретико-методологического мышления.

Синтетическое познание, в свою очередь, не может считаться полным. «...Синтез,— по словам В. И. Ленина,— есть новая посылка, утверждение etc., которая снова становится источником дальнейшего анализа»¹. Чтобы этот анализ стал «истинно сущей объективностью», чтобы познанные закономерности диалектики развития историографии способствовали развитию дальнейшего исследования, необходимо субъективное знание подвергнуть проверке практикой с классово-партийной позиции, что дает возможность судить о научной достоверности установленных историографией закономерностей и особенностей развития исторической науки. Это и будет четвертым, высшим уровнем анализа развития науки.

Таким образом видно, что логический анализ, и особенно его высший уровень — диалектический синтез — представляют собой не механическое суммирование разрозненных сведений о развитии научной мысли, а итог сложных и разнообразных мыслительных операций, в результате которых познаются сущность исторической мысли, ее важнейшие элементы и этапы. Кроме того, диалектическое взаимодействие анализа и синтеза, их сочетание является условием эффективности применения логических методов и дает возможность на основе всего многообразия накопившихся в исторической науке знаний создать общую и цельную картину развития научной мысли, выявить закономерности ее развития.

Логический анализ ничего общего не имеет с распространенным в буржуазной науке логическим позитивизмом, положенным в основу антинаучных концепций истории. Логический позитивизм особенно неприменим в историографии, ибо он абсолютизирует статическое состояние, отрицает объективную диалектику развития и следовательно, развитие научной мысли.

В историографии действует также и *хронологический метод*. Он способствует изучению историографических фактов с позиций их взаимосвязанного процесса, в котором отдельные этапы и периоды сравниваются с целью вскрыть объективные закономерности накопления и

лублиения историографических знаний. В этом заключено главное значение хронологического изложения для историографии. Исходя из предмета историографической отрасли знания, в этом же ключе рассматривается движение научной мысли с точки зрения смены концепций, взглядов, идей в их хронологической последовательности. В результате образуется цепь историографических фактов, как генетически связанных друг с другом, так и тех, которые повторяются.

Отбор фактов, составляющих звенья этой цепи, определяется темой исследования, но постановка их в хронологический ряд заставляет ученого следовать за течением времени, учитывать, с одной стороны, повторяющиеся, а с другой — разнохарактерные явления.

Хронологический метод изложения порой оказывается неприемлемым для аналитического изучения историографии¹. В связи с этим историограф часто применяет *проблемно-хронологический метод*, являющийся разновидностью хронологического метода. Проблемно-хронологический метод предполагает расчленение более или менее широкой темы на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности относящихся к ней историографических фактов². Изучение истории исторической науки в таком разрезе имеет как свои преимущества, так и известные слабости. Положительным является возможность глубже понять, освоить особенности действия отдельных историографических фактов. Но такой подход чреват недостаточным выявлением закономерностей развития и движения истории исторической науки.

В современной историографической практике хронологический и проблемно-хронологический методы часто применяются в совокупности, дополняя друг друга.

Следующий метод, постоянно применяемый историками и историографами, — это *метод периодизации*. Он часто встречается в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. И это не случайно. Историческая наука изучает общество, знавшее качественно отличные друг от друга формации и эпохи. Учение о смене общественно-экономических формаций в их диалектическом процессе

¹ Автор согласен с мнением М. А. Варшавчика, что хронологический и проблемно-хронологический методы являются не методами исследования, а методами изложения материала (см.: *Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение*. С. 134).

² См.: *Маслов Н. Н. Марксистско-ленинские методы...* С. 77.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 211.

становления, расцвета и упадка (последнее относится к антагонистическим обществам) как вех, отделяющих одну стадию исторического процесса от другой, является теоретической основой периодизации. Такой подход направлен на осмысление закономерностей истории.

Метод периодизации исторического процесса, как подчеркивается в советской историографии, состоит в выделении формаций, эпох, периодов и этапов, отличающихся друг от друга уровнем развития производительных сил и производственных отношений, форм и методов классовой борьбы, своеобразием определенных исторических закономерностей, тенденций и т. д. Это и есть, как выразился академик Е. М. Жуков, генерализирующий подход к истории¹.

В историографии при периодизации также действуют указанные глобальные факторы. Однако ее специфика показывает: членение на этапы и периоды здесь проводится для того, чтобы обнаружить решающее направление развития научной мысли на каждом новом отрезке «историографического времени», выявить новые явления внутри действующих и выступающих им на смену историографических пластов.

Применение периодизации как метода исследования ее научность связаны в первую очередь с выбором критериев периодизации. «...От нашего субъективного предположения, — подчеркивал В. И. Ленин, — не зависит смена исторических периодов»².

В марксистско-ленинской науке эти критерии установлены и успешно применяются. В историографии, как и в исторической науке, такими критериями выступают базисные и надстроечные факторы (в их изменении и развитии) в жизни общества и связанные с ними объективные и субъективные элементы развития исторического знания (взятые также в их эволюции). Это общее положение конкретизируется так: критерием периодизации в историографии являются качественные изменения в развитии исторической науки, трансформация методов и характера исторического творчества, его организационных форм, происходящих под влиянием перестройки общественно-экономических отношений. Применение метода периодизации, зафиксированного в виде определенных хронологических рамок, позволяет глубже проникнуть

процесс становления и развития исторических научных знаний.

Рассмотрим эти положения более подробно. Е. М. Жуков включает в понятие «объективные факторы» следующие элементы: «...проявление существенных сдвигов в развитии материальных производительных сил, их неизбежное отражение в сфере производственных отношений, значительные вехи в ходе массовых социальных движений (с соответствующим влиянием на надстроечные категории), прямое или косвенное воздействие крупных международных событий»¹. Эти объективные факторы оказывают решающее воздействие и на историю исторической науки.

Субъективные факторы в историографии характеризуют непосредственно состояние самой науки: качественные сдвиги, достигнутые ею в разработке марксистско-ленинской концепции истории, расширение проблематики, совершенствование приемов исследования, задачи и характер деятельности научных учреждений, введение в научный оборот новых источников и т. д. Воздействие объективных и субъективных факторов на науку происходит не непосредственно и непрямолинейно. Развитие надстроечных явлений, как правило, отстает от развития базиса, ибо происшедшие в нем изменения должны быть осмыслены общественным сознанием, в том числе наукой, и воплощены в новых взглядах и идеях. Кроме того, общественные науки отражают экономические отношения опосредованно, прежде всего через политическое сознание.

Точно выверенные научные критерии периодизации при марксистско-ленинском подходе к истории и к истории исторической науки служат гарантом против субъективных схем, зачастую построенных на произвольно выбранных датах, отдающих предпочтение тем историческим явлениям, которые служат интересам эксплуататорских классов, шовинистическим и националистическим целям, что так характерно для современной буржуазной историографии.

Необходимо обратить внимание и на то, что хронологические грани отдельных этапов и периодов не являются некоей жесткой схемой, пригодной для всех отраслей исторического знания. Кроме того, в разные периоды и на разных этапах указанный критерий проявляется неодно-

¹ См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 151.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 390.

¹ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 173.

линейно и с разной силой. Общая периодизация выражает генеральное направление развития истории исторической науки, допуская известные отклонения для отдельных моментов истории исторической науки. Периодизация устанавливается отнюдь не на основе арифметического подхода к историческим явлениям.

В. И. Ленин писал: «...границы здесь, как и все вообще в природе и в обществе, условны и подвижны, от носительны, а не абсолютны»¹. Данная мысль В. И. Ленина нацелена на то, что в историографии, как и в истории, нельзя строить периодизацию истории исторической науки по дням и месяцам или, что еще хуже, абсолютизировать отдельные историографические даты, хотя, конечно, они имеют свое значение в общем потоке развития научной исторической мысли.

Для историографии определенное значение имеет ретроспективный (возвратный) анализ развития науки и ее методологическое значение ретроспекции раскрыто К. Марксом в «Капитале». Земельная рента в этом труде исследуется, как известно, вслед за анализом процессов промышленного капитализма, следовательно в обратном порядке, причем с использованием тех знаний, которые были накоплены ранее. То же самое наблюдалось и с процессами первоначального капиталистического накопления, изучаемыми уже на результатах исследования анатомии зрелого капитализма.

Ф. Энгельс в классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», опираясь на исследованную Л. Морганом родовую организацию индейцев-ирокезов, как известно, реконструировал первобытные формы семьи и брака, не существующие в современном обществе и не оставившие следов в письменных источниках.

Суть ретроспективного метода заключается в изучении процесса движения мысли исследователя от современности к прошлому: изучение элементов старого, сохранившегося в наши дни, и реконструкция на их основании тех мест в истории событий и явлений. Одновременно этот метод предполагает и проверку выводов исторического исследования данными последующей исторической практики. Методологической основой ретроспективного метода является, таким образом, марксистско-

ленинское учение о единстве прошлого, настоящего и будущего.

Ретроспекция в историографии позволяет использовать современные знания для изучения ее состояния в прошлом. Большую роль здесь играют знания, накопленные человечеством и приводящие к пониманию истории как единого закономерного процесса, где каждый новый этап содержит непреходящие элементы предыдущих этапов.

В историографии ретроспекция практически осуществляется также на нескольких уровнях. Первый из них — это применение современных теоретических и методологических положений историографии для выявления, в частности, процесса складывания и развития научной мысли, причин ее прогресса или регресса, а также путей получения историографических выводов, обобщений и т. д. Второй — использование достижений историографического источниковедения для анализа источниковой основы работ по историографии, созданных в предыдущее время. Третий — изучение причинно-следственных связей современной историографии для анализа аналогичных явлений в прошлом ее развития. Данный уровень базируется на том несомненном факте, что зависимость между прошлым и настоящим особенно проглядывается в их взаимосвязи и взаимозависимости. В дальнейшем могут быть открыты и другие уровни использования в историографии ретроспекции.

Использование в историографии ретроспективного анализа вовсе не означает переноса на прошлое оценок, ставших достоянием современного этапа развития науки, предъявления к работам прошлого времени требований, которые не могли быть выполнены ни по объективным, ни по субъективным причинам. Сущности историографии противоречит такой антинаучный прием, приводящий на практике к вульгарному пониманию актуализации.

В. И. Ленин отметил ценность идеи — соизмерять требования к познавательным достижениям мыслителей с теми возможностями, которые предоставляла в их распоряжение та или иная эпоха и предшествующее наследие¹. Действительно, успехи, недостатки и ошибки авторов или даже всей исторической науки на отдельных этапах ее развития можно определить исходя из особен-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 222.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 143.

ностей соответствующей эпохи и руководствуясь тем, какое влияние оказала наука на практику революционно-созидательной борьбы.

Ф. Энгельс высказал актуальную для историографии мысль о том, что неверным будет принимать за конечную цель движения то, что является простым этапом¹. Следовательно, в историографии неверно и даже вредно принимать то, что является лишь ступенью в познании истины, за ее конечный результат. Особое значение данное положение имеет для исследования проблем современности.

Таким образом, применяя ретроспекцию и руководствуясь современными достижениями исторической науки, историограф не вправе искать на предшествующих этапах те идеи, которых еще не могло быть исторически. О значении тех или иных работ для развития научной мысли можно судить главным образом исходя из времени их создания, состояния науки, ее влияния на дальнейший прогресс. Каждый научный труд принадлежит своей эпохе и несет на себе ее сильные и слабые стороны. Оценка работ, созданных на предшествующих этапах, с позиций современных знаний может проходить только по таким методологическим принципам.

В историографии полезно применять метод *актуализации*, что на деле означает определение ценности научных знаний для нынешнего, а также будущего времени, их роли в идеологической и политической жизни партии и народа. В ходе практического применения метода актуализации в историографии открывается возможность определить актуальное значение исторических знаний для современной борьбы и деятельности КПСС, непосредственно использовать их результаты и выводы в практически-политической и особенно идеологической деятельности Коммунистической партии.

Метод актуализации позволяет строить научные прогнозы будущего развития истории исторической науки на основе выявления ее ведущих тенденций и их изменения от прошлого к настоящему. Одновременно он дает возможность разрабатывать практические рекомендации для дальнейшей деятельности историографов на основе «уроков истории». «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня,— подчеркивал В. И. Ленин,—

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 459.

если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»¹.

Актуальное в историографии вовсе не означает исследование только проблем современности, хотя они, конечно, имеют первостепенное значение. Маркс указывал, что в исторических событиях двадцать лет значат больше, чем один день, но бывают времена, когда в одном дне сосредоточиваются двадцать лет². Актуальность темы в широком смысле этого слова, как уже отмечалось выше, означает и уровень ее разработки, и значимость выводов, вытекающих из исследования для современности.

Историография может воспользоваться и приемом *перспективности*. Необходимость его применения в историографии вытекает из самой сущности истории как науки, включающей в себя ее прошлое и настоящее. Несомненно, что возможность заглянуть в будущее исторической науки связана с умением делать объективные выводы из предшествующего и современного развития, распознавать законы движения науки, которые дают возможность строгого научного прогнозирования развития исторической науки. Определение перспективных направлений, тем, проблем и т. п. непосредственно вытекает из уровня исследования, достигнутого на предыдущих этапах исследовательской работы. Знание того, как закономерно развивалась историческая наука в прошлом, есть условие правильной ориентации в настоящем и в предвидении будущего.

Перспективность в историографии может быть связана не только с анализом предшествующих этапов развития науки: перспективную проблематику порождают конкретные задачи современной идеологической борьбы, потребности коммунистического строительства.

Возникает вопрос *о применении в историографии системного подхода и анализа* в его марксистско-ленинской интерпретации³. На основе его возможностей удастся выявить на общем фоне развития историографии состояние изученности отдельной или нескольких специальных тем и проблем, обнаружить ведущие элементы их взаимосвязанности. Кроме того, структура более развитых историографических знаний способствует познанию ее первоначальной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953. С. 139; см. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 78.

³ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980; Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М., 1985.

чальных этапов. Наконец (и это главное), общеизвестно: в целом история исторической науки рассматривается как определенная система со всеми ее составляющими и взаимодействующими элементами — с творчеством историка, деятельностью научных и учебных центров, с публикацией трудов в периодике и т. д.

Историография, как уже отмечалось, пользуется методами, заимствованными из других наук, и прежде всего смежных. Их значение в исследовательской практике будет возрастать, ибо процесс интеграции науки проявляется во все более широком заимствовании каждой наукой исследовательских методов других наук. Так, в историографии применяются *статистические методы* при использовании, в частности, материалов книжной и журнальных летописей и других материалов периодики¹.

Вышеназванные методы, очевидно, не исчерпывают все научные приемы познания, применяемые в историографии, однако в своей совокупности они смогут составить фундамент успешного историографического творчества. Такая постановка вопроса не исключает возможности применения лишь некоторых, наиболее целесообразных и эффективных в каждом конкретном случае приемов анализа отдельных проблем или вопросов развития историографии. Но выбор того или иного метода не носит стихийный характер. Он определяется предметом и специфическими задачами исследования, а также тем, что принцип партийности и строгого историзма является основой применения исследовательского метода.

§ 3. Междисциплинарность

Уже отмечалось, что одной из важных методологических проблем, нуждающейся в специальном исследовании, является проблема статуса методологии историографии. Изучение данного вопроса приобретает острую значимость и потому, что в литературе высказаны на этот счет различные мнения.

Ученые, выступающие за выделение методологии истории, и в том числе историографии, в самостоятельную науку или в самостоятельную отрасль знаний, приводят, например, следующие соображения: современный этап

---

¹ См.: Урсу Д. П. Историография и науковедение. История и историки: 1981. М., 1985. С. 88—98.

развития исторической науки, характеризующийся высоким уровнем развития, требует совершенствования научного понятийного аппарата; комплексность в развитии и изучении науки в условиях НТР вызывает усиление методологических исследований; диалектически взаимосвязанный процесс дифференциации и интеграции знаний позволяет иметь отдельную науку методологии.

Не возражая в принципе против функционирования на современном этапе указанных и других явлений науки, следует, однако, обратить внимание и на такие моменты. Отставание взгляда о самостоятельности дисциплины методологии может привести к крайности, противоположной той, которая сводит методологию только к философии, — к бесперспективному отрыву методологии от ее философской основы. А это чревато такими двумя слабостями: ограничение теоретической базы методологии, низведение ее на уровень эмпирических изысканий.

Данная постановка вопроса диктует необходимость обращения к критериям выделения из уже существующих новых научных дисциплин. Такими критериями, на наш взгляд, являются: потребности общества, практики коммунистического строительства и идейной жизни в появлении дисциплины методологии истории; наличие определенной суммы «готовых» методологических знаний, возникающих в недрах «материнской» исторической науки, и прежде всего кристаллизация предмета методологии истории — ее задач, функций, структуры и т. д.; формирование новой организационной структуры вновь создаваемой науки.

Анализ вызревания некоторых названных критериев к настоящему времени показывает, что пока еще недостаточно разработаны методологические проблемы историографии, в результате чего не было общепринятого определения сути ее методологии, ее применения при анализе конкретного исторического материала, не сформулирован свод методологических задач и требований, на стадии разработки находится методологический инструментарий науки и т. д. Все это позволяет сделать вывод: несмотря на то что историческая наука и ее историография, достигнув современной зрелости, играют все возрастающую роль в жизни общества, в коммунистическом воспитании народа, методология истории не может считаться самостоятельной отраслью научных исторических знаний.

Обоснованные возражения против стремления считать методологию специальной научной дисциплиной, не связанной с философской базой, высказал академик П. Н. Федосеев: «Невозможность построения общей методологии науки в качестве специальной научной дисциплины, оторванной от философского анализа познания или противопоставленной ему, наглядно демонстрируется крахом логико-позитивистских концепций науки»¹.

В условиях, когда методология не признается самостоятельной дисциплиной, правомерна постановка вопроса о междисциплинарном подходе в изучении методологических проблем историографии. На развитие междисциплинарных исследований нацеливает обществоведов новая редакция Программы КПСС².

Исходя из того что такая постановка вопроса нетрадиционна, необходимо обратить внимание на современное толкование сущности междисциплинарности, ее функционального назначения, а затем спроецировать полученные данные на методологию историографии. Теоретическая основа изучения строения науки, ее места в жизни общества дана марксизмом в «Капитале», «Экономической рукописи 1861—1863 годов», в «Тезисах о Фейербахе», «Диалектике природы», в «Анти-Дюринге» и в других работах. Маркс и Энгельс рассматривали статус науки с точки зрения социального института выработки знаний, особого типа профессионального труда (специализированной научной деятельности). Вместе с тем марксизм, исходя из единства мира и возможности его познания, обосновал необходимость и реальность организации исследований на стыках наук. В заметках и фрагментах «Диалектики природы» Ф. Энгельс записал, что «*наибольших результатов*» в науке надо ожидать в точках соприкосновения различных наук³.

Развивая эти положения, В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», рецензии на книгу Н. А. Рубакина «Среди книг» (т. II), «Наброске плана научно-технических работ» и в других трудах показал плодотворность развития научного знания в процессе взаимо-

---

¹ Федосеев П. Н. Философия и интеграция наук//Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. С. 34.

² См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 168.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 607.

действия естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Так возникла идея о союзе философии и естествознания. Данная постановка вопроса не исключает, по Ленину, мировоззренческой и методологической роли философии и общественных наук для естествознания¹.

Таким образом, видно, что феномен общедисциплинарности известен давно: с того времени, как существует сама наука. Он отстаивался и историками науки. Так, например, выдающийся французский историк Марк Блок писал: «Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию». Развивая эту мысль, он заметил: «Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины — пусть самые специальные с виду, — необходимо уметь их связать вместе убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук»².

Систематическое изучение междисциплинарности получило развитие в нашей стране лишь в последнее время в связи с синтезом достижений общественных и естественных наук³. Междисциплинарность — это проявление одной из характерных черт нашего времени: социальной и политической интеграции знаний. В тривиальном понимании междисциплинарность в отличие от монодисциплинарности (от слова «монос» — один) означает взаимодействие между различными дисциплинами, отраслями знания⁴, в процессе развития которого происходит обмен, интеграция идей и взглядов, понятийного аппарата и исследовательской практики. В итоге такого взаимодействия вырабатывается новый подход к решению на-

---

¹ См.: Федосеев П. Н. Философия и интеграция наук//Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. С. 16.

² Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 15.

³ Литература по этой теме в основном посвящена нескольким сюжетам: содержание и суть междисциплинарности в науке; политическая и социальная роль междисциплинарных исследований; пути дальнейшего развития данного направления в науке и т. д. (см.: Кедров Б. М. О синтезе наук//Вопросы философии. 1973. № 3; Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1979; и др.).

⁴ Здесь учитывается и то обстоятельство, что в большинстве развитых наук нет чисто «дисциплинарного» процесса, каждая из них социально, политически и идеологически опосредована (см.: Яницкий О. Н. Экология города: Зарубежные междисциплинарные концепции. М., 1984. С. 238).

сущных задач научного знания, а впоследствии происходит обогащение содержания исследуемого предмета.

Имеется и такое мнение: междисциплинарность характеризуется проникновением элементов одной области знания в другую. При этом в качестве таких элементов выступают научные теории и общеметодологические принципы¹. К этому можно добавить, что междисциплинарное взаимодействие происходит там, где изученность отдельных проблем на уровне монодисциплинарности произошла всесторонне и получила известную завершенность.

На современном уровне развития междисциплинарности наблюдается перенос знаний из одних отраслей науки в другие, вовлечение на основе кооперации данных разных дисциплин в исследуемую науку. Это происходит в конечном итоге для возникновения нового качественного знания. И это уже есть нетривиальный взгляд. Однако это не исключает того, что междисциплинарный характер науки требует объединения усилий представителей смежных и других наук, интеграции набора их исследовательского аппарата. При таком подходе к междисциплинарности выявляются новые возможности изучаемого предмета. Примером плодотворности такого направления может быть работа советских историков, историографов по применению в исторической науке математических методов.

Есть основание считать, что возникновение междисциплинарности вызвано потребностью усиления методологической работы ученого, развертывания исследовательского процесса на новом уровне получения качественного знания². Так, феномен междисциплинарности становится одной из движущих сил развития научного знания. Вместе с тем междисциплинарное взаимодействие не может и не должно заменить самого методологического анализа.

Возможность применения междисциплинарности в историографии вытекает из ряда фундаментальных обстоятельств, связанных прежде всего с ее теоретическими и гносеологическими традициями, направлениями дальнейшего методологического совершенствования.

---

¹ Автором данной точки зрения выступает болгарская исследовательница К. Симеонова в работе «Междисциплина, движение и организация научного исследования» (София, 1973, С. 11).

² См.: *Глауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. Гл. II.

В марксистско-ленинской историографии превалирует мировоззренческий анализ при истолковании историографических фактов, поставленных в их тесном взаимодействии с исторической обстановкой и рассматриваемых с классовых позиций исследователя-историографа. В этих условиях необходимо плодотворное вооружение такими философскими категориями, как теория отражения, общее и особенное, объективное и субъективное и др. Особенно важно, что междисциплинарность объединяет в симбиозе эмпирические средства познания и теоретические представления, применяемые в историографии не механически, а с учетом исследовательских задач.

Марксистско-ленинская философия и ее сердцевина — диалектический и исторический материализм — как материалистическая теория общественного развития, таким образом, выступает при понимании и использовании междисциплинарного взаимодействия в историографии в двух качествах: она является ее теоретико-методологической и интеграционной основой; ее достижения используются и в самом процессе изучения историографических фактов. Обратим внимание и на то, что интеграционный процесс в историографии, как и в любой другой развитой науке, начинается задолго до формирования ее научной концепции и кончается много позже этого акта. Исходная точка этого процесса — мировоззрение историографа, конечная — воздействие историографии на дальнейшее развитие исторической науки.

В междисциплинарном взаимодействии в историографии выделяется несколько этапов: при постановке проблемы исследования; формулировании его целей и задач; выборе общенаучных и других понятий в анализе материала; выработке выводов и предложений.

Междисциплинарное взаимодействие в историографии не означает наличия ситуации, когда перечеркиваются ее самостоятельные потенции. Это взаимодействие существует *не вместо, а вместе*, на уровне лидирующего положения, с уже достигнутыми монодисциплинарными методологическими возможностями, с той лишь разницей, что открываются новые горизонты методологического анализа. Одна из ценных особенностей, приобретаемая методологией в междисциплинарном характере исследования, — появление новых результатов на основе не только уже теоретического обобщения, а синтеза представлений, которые добыты путем применения подходов,

существующих не только в одной историографии. Более того, открывается прямая возможность перестройки уровня и целенаправленности исследования всего методологического спектра истории исторической науки. Междисциплинарность историографии благодаря своей «открытости» дает также возможность вносить в ее методологический арсенал достижения всего спектра методологического знания, искать методологические аргументы в отдаленных от историографии науках.

В междисциплинарных возможностях методологии присутствует еще один важный элемент: исследование историографии в системе знаний о закономерностях истории человеческого общества. Объединение под единым углом зрения (междисциплинарным) накопленных сведений о структуре и содержании историографических фактов, критериях их анализа и оценки позволяет не только глубже взглянуть на их назначение, но и выявить дополнительными средствами, в том числе и системным анализом, тенденции накопления знаний, их дальнейшие пути развития и прогнозирования новых научных исследований. Это, в частности, удастся и потому, что междисциплинарность, как уже отмечалось, обладает возможностью объединить эмпирические средства с теоретическими представлениями.

Универсальность междисциплинарности обнаруживается на конкретном историографическом материале.

Начнем, например, с постановки вопроса о необходимости дальнейшего продвижения понимания предмета историографии как важной методологической задачи. Спорные вопросы по данной теме могут быть успешно решены на пути привлечения к их обсуждению материала, связанного с философским пониманием предмета науки, а также с данными, формулирующими предметы других наук,— обществоведческими и специально-научными.

Междисциплинарность имеет большое значение для осмысления цели исследования, ее актуальности. Цель и задачи историографической работы могут быть правильно выбраны и обоснованы не только при условии понимания и освоения закономерностей и особенностей функционирования рассматриваемой проблемы в исторической науке, основных задач, поставленных перед обществознанием на данном этапе развития, но и при более широком философско-мировоззренческом подходе, дающем возможность увидеть перспективы новых исследова-

дований. Кроме того, обращение к определению актуальности историографической проблематики, очевидно, более продуктивно не только на предварительном и завершающем этапах исследования, но и в процессе самого анализа историографических фактов. На этом «середином» этапе особенно видна необходимость междисциплинарного подхода, поскольку осознается социальная значимость проблемы, ее практическая задача, что связано с привлечением данных других наук.

Междисциплинарность в историографии вызвана и тем, что в ней решаются проблемы, в той или иной мере затрагиваемые в ряде других наук. Сходные проблемы, например, возникают при выработке методологического арсенала — проявлении общеметодологических принципов партийности, историзма, применении общенаучных и других методов и т. д. Общая проблема и общие методы ее решения — это та высота, с которой особенно проглядываются объединяющие потенции науки. Она фокусирует «видение» различных дисциплин в одной точке.

Многомерность междисциплинарного процесса в изучении методологических проблем историографии связана с политизацией всей науки. Мощное ускорение этого явления связано с революционным обновлением мира, начавшимся под влиянием Великого Октября, и с выдвижением на авансцену истории широких народных масс, кровавым делом которых стала политика во имя прогресса. Всеобщность политики, живой интерес к ней науки не обошли, конечно, марксистско-ленинские исторические знания. Они в значительной мере идут в авангарде борьбы за то, чтобы поставить прошлое на службу настоящего и будущего человеческого общества. В этих условиях вооружение историографии данными и достижениями других наук, развивающихся под влиянием политических процессов, послужит делу ее качественного совершенствования.

Междисциплинарный подход и организация исследовательских средств, употребление общенаучных и других методов независимо от их генетической дисциплинарной принадлежности, помноженные на теоретическое мышление, обеспечат исследование проблем историографии во всей их сложности и значимости, основанное на точном и синтезированном научном знании. Этим историография еще более приблизится к точным отраслям знания.

При изучении проблем междисциплинарного взаимодействия возникает вопрос о компетентности исследователя-историографа, использующего данные других наук. Уже отмечалось, что историографом может быть высокоподготовленный историк: он должен знать современные достижения диалектического и исторического материализма, уметь применять знания смежных и других дисциплин. Последнее, конечно, требует и постоянной работы по овладению основами различных отраслей научных знаний.

Для успешного решения целей, выдвигаемых междисциплинарным изучением методологических аспектов историографии, необходимо умелое применение имеющихся достижений в исследовании междисциплинарного процесса, особенно понятийного аппарата смежных или даже далеко удаленных научных дисциплин.

Сегодня стоит ряд задач дальнейшего изучения проблемы междисциплинарности в историографии. К ним прежде всего относится: изучение конкретного и многомерного взаимодействия и взаимовлияния историографии с сопредельным корпусом наук — историей, философией, научным коммунизмом, науковедением, политологией, социологией, психологией и др., а также с естественными и прикладными науками. Этот процесс возможен на разных уровнях и направлениях: через общие социальные и идеологические функции общественознания; через использование достижений диалектического и исторического материализма; через общенаучные понятия и представления и т. д. Актуальна также задача по разработке собственных понятий, методов и средств, при помощи которых должны решаться проблемы междисциплинарности в историографии. Необходимо, в частности, выработать применительно к историографии строго научные определения таких понятий, как «методологическая задача», «методологические требования», «методологические регулятивы», «методологические средства», «методологическая эффективность» и др.

Междисциплинарный диалог — процесс многосторонний. Он не может превращаться на уровне историографии в монолог только представителей этой отрасли знания. Взаимодействие с историографами полезно для ряда наук, в той или иной мере исследующих теоретико-методологические проблемы науковедения.

**ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****§ 1. Партийность и историзм**

Марксистско-ленинская материалистическая диалектика — всеобщая основа научного познания — является и основой постижения развития истории исторической науки, ее реального современного положения и перспектив дальнейшего развития. Универсальный характер марксистской материалистической диалектики проявляется и в том, что она, вскрывая закономерный характер развития человеческого общества, обосновывая смену общественно-экономических формаций, неизбежную гибель капитализма и торжество коммунизма, служит также базой понимания логики возникновения и развития историографии, решения ее методологических проблем.

Сила марксистской материалистической диалектики — в ее творческом характере. После смерти К. Маркса Ф. Энгельс неустанно повторял: «Марксизм не догма, а руководство к действию». Существо этого тезиса он разъяснил так: «... материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»¹; те же, кто поступает так, используют исторический материализм как предлог, «...чтобы не изучать историю». «...Наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»².

Марксистско-ленинская историография, основываясь на диалектическом и историческом материализме, руководствуется в познавательном процессе общеметодологическими принципами партийности и историзма.

Марксизм-ленинизм содержит ряд положений, необходимых для определения категории «*принципы*»³. Они

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 351.

² Там же. С. 370, 371.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 5; Т. 20. С. 33, 34.

выводятся логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение; не природа и человечество соотнобразуются с принципами, а наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории; принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат. Эти идеи показывают, что *«принцип» в науке — это руководящая нить, основное правило деятельности ученого, его внутреннее убеждение.*

В общем ряду принципов определяющими являются общеметодологические принципы, которые применяются для анализа и оценки политических и социальных явлений, а также научных концепций. Они являются основными мировоззренческими ориентирами, выработанными на основе теоретического познания объективных законов развития природы и общества; опираясь на объективную действительность, на научные знания, они не конструируются произвольно¹. В своем конкретном использовании в историографии общеметодологические принципы, будучи «опорными пунктами» для познания, приобретают специфические проявления исходя из предмета, целей и задач этой отрасли научного знания.

Общеметодологический принцип коммунистической партийности был сформулирован Марксом и Энгельсом. Он основывается на зависимости идеологии от экономической жизни общества, а также на материалистическом понимании истории и борьбы классов. Это положение формулируется и так: партийность марксизма основывается на экономическом детерминизме и базирующемся на нем классовом подходе к изучению исторических событий, на действенной роли идей и их обратном влиянии на ту социально-экономическую основу, на которой они возникли.

Еще в «Немецкой идеологии», выясняя классовую сущность общественного познания, Маркс и Энгельс констатировали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»².

Обратившись к проблеме партийности науки, Маркс и Энгельс показали, что первенствующую роль в возник-

---

¹ См.: Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение. С. 108—109.

² Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 59.

новении и формировании наук, воззрений, оценок и т. д. играют классовые интересы. Маркс и Энгельс считали, что подлинно научной объективности в истории может достигнуть исследователь, который смотрит на прошлое и настоящее исходя из интересов рабочего класса и стремится к будущему, а поэтому заинтересован в исторической правде¹. Маркс и Энгельс считали историю наукой партийной, отражающей борьбу различных общественных сил классового общества. Приведенные положения марксизма показывают, что беспочвенными являются заявления его противников о том, что якобы партийность не была присуща марксизму до Ленина².

Величайшая заслуга В. И. Ленина состояла в том, что он обосновал и конкретизировал введенный в науку К. Марксом и Ф. Энгельсом социально-классовый подход к историческим явлениям, к их изучению и оценке. Еще на заре создания нашей партии В. И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» точно и предельно ясно указал, что партийность обязывает «...при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³. Этой «общественной группой» для историка-коммуниста был и есть пролетариат и его марксистско-ленинский авангард.

Современная наука, по крылатому выражению В. И. Ленина, так же партийна, как и две тысячи лет тому назад⁴. Так Ленин определил существо классового подхода в науке. Исследуя эту проблему далее, в работе «Социалистическая партия и беспартийная революционность» (1905), он показал неразрывность и взаимообусловленность классовости и партийности. «Строгая партийность,— писал он,— есть спутник и результат высокоразвитой классовой борьбы. И, наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности»⁵. В этой работе, исходя из того, что политические партии являются высшей формой классовой организации, сделан вывод о том, что самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий⁶.

¹ См.: Энгельс — теоретик. М., 1970. С. 333.

² См.: Богданов В. В. Ленинские принципы анализа истории философии. М., 1970. С. 121—122.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 419.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 380.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 133.

⁶ См. там же. С. 137.

В своих философских работах В. И. Ленин также показал, что партийность означает принадлежность любого философского учения к материалистическому или идеалистическому направлению. В этом смысле борьбу материализма и идеализма он назвал борьбой партии в философии. В связи с тем что борьба партий в философии выражает тенденцию и идеологию классов, составляющих общество, проблема классового характера учений является, по Ленину, коренной мировоззренческой проблемой.

В статье «Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленин в обобщенном виде так писал о классовом подходе к явлениям общественного развития: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹.

Принцип партийности неразрывно связан с научной объективностью и принципиальностью в изучении общественных явлений, его применение обеспечивает объективность исторического познания. В. И. Ленин уже в таких своих ранних работах, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» обосновал это важнейшее положение. Например, в первой из названных работ он писал: марксизм (Ф. Энгельс) считает, что задача материалистов состоит в том, чтобы «...правильно и точно изобразить действительный исторический процесс...»². В числе 16 элементов диалектики он поставил объективность на первое место³.

Развивая эти идеи дальше, исходя уже из опыта послеоктябрьской истории КПСС и истории советского общества, В. И. Ленин указал на органическое единство партийности и научной объективности. И действительно, понимание объективных обстоятельств, в которых совершается историческое событие, есть показатель пролетарского, партийного к ним подхода, ибо революционные силы кровно заинтересованы в знании диалектики общественного развития.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 164.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.

Марксисты-ленинцы видят в партийности высшую форму объективности. «Главное в ленинском подходе к общественным явлениям и процессам,— говорится в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»,— органическое единство научной объективности и принципиальной оценки их с позиций рабочего класса»¹. Такое единство направляет исследование по пути познания объективной истины, закономерности исторического развития.

Принцип партийности, выражая объективную истину, исключает предвзятость, требует конкретного анализа любого явления с точки зрения его социально-классовой обусловленности. В свете этого видна вся несостоятельность заявлений современных фальсификаторов истории, утверждающих, что партийность будто бы является лишь выражением «пристрастия», «классового субъективизма» и пр. Истина безразлична к классам, но классы, как показывает исторический опыт, не безразличны к ней.

В. И. Ленин считал, что в обществе, разделенном на классы, не может быть внеклассовой объективности. Любую попытку отхода от классового, партийного принципа в исторической науке он рассматривал как выражение «корыстной классовой слепоты», как «... искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки»². Он показал, что «беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая»³.

Классовый подход необходим не только в обществе, разделенном на антагонистические классы, он необходим и в социалистическом обществе, где сохраняется ведущая социально-политическая и экономическая роль рабочего класса, где еще не устранены классовые различия, идет борьба нового со старым. Кроме того, социализм существует в мире, в котором продолжается классовая борьба внутри капиталистических стран, а также противоборство между социализмом и капитализмом на мировой арене. Само мирное сосуществование социалистических стран с буржуазными государствами есть форма классовой борьбы.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее — КПСС в резолюциях...). 8-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 145.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 331.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 138.

Таким образом, партийность в марксистско-ленинском понимании означает проведение в жизнь взглядов и идей рабочего класса, принадлежность к его лагерю в науке, концепции которой отстаиваются и проверяются классовой борьбой. В более широком плане партийность определяется мировоззрением того класса, который исследователь представляет в идеологической борьбе. Партийность не вносится искусственно в научное исследование партиями или другими общественными группами, она выражается объективными классовыми интересами исследователя.

Исходя из классического марксистского определения партийности идеологии и общественных наук и руководствуясь ленинскими методологическими принципами исследования истории, можно заключить, что коммунистическая партийность историографии проявляется в следующем:

1. Принцип партийности имеет решающее значение при рассмотрении истории борьбы за утверждение и дальнейшее развитие в исторической науке марксистско-ленинской концепции исторического процесса, научной методологии исследования, материалистического понимания истории, означавшего необходимость заново изучить историю. История исторической науки показывает, что этот процесс в большинстве случаев характеризовался острой борьбой: он не был картиной бесстрастных монологов и диалогов, так как за этим скрывалась борьба классов, материализма и идеализма. Ярким примером этого была идейная борьба В. И. Ленина против взглядов Н. К. Михайловского о надклассовости и «беспартийности» науки, проповедовавшихся в статьях журнала «Русское богатство».

Возникновение марксизма означало революционный переворот в истории мировой общественной мысли, подготовленный всем предшествующим прогрессивным развитием науки и культуры. В. И. Ленин писал, что марксизм «...есть *высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы»¹.

Марксистско-ленинская концепция исторического процесса связана с утверждением в науке взгляда о закономерности исторического развития. Применение принципа партийности дает единственно верный ориентир в понимании этого сложного вопроса историографии.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 49.

2. Основываясь на том, что познавательный процесс носит социально-классовый характер и что классовая борьба рассматривается как основа теорий и учений, коммунистическая партийность в историографии дает возможность определить классовую направленность историографических фактов и выявить причины классово-побуждающих мотивов их появления.

Классовый анализ применительно к труду историка имеет и такой аспект: он является основой для выяснения социального мировоззрения его творца, что необходимо для определения политической и идейной концепции историка. Не менее важно с позиций партийности выяснить ход отражения историком социальных идей, содержащихся в источниках: это необходимо для понимания субъективных представлений исследователя об объективном развитии исторических событий. Историографический труд ценен тогда, когда его автор на основе сопоставления и критики различных идей и мнений способен стоять на платформе передового класса.

Классовый анализ приводит историографа к необходимости рассмотрения проблем исторической науки с позиций рабочего класса. Происходит это по следующим причинам: именно этот класс выражает общие интересы всех трудящихся, совпадающие с интересами общественного прогресса, а борьба рабочих с эксплуататорами ведет к освобождению всех трудящихся от ига капитала; партийный подход рабочего класса к истории направлен на всестороннее ее познание; этот класс имеет неискоренимый интерес к теории; в современных же условиях все новые отряды трудящихся фактически переходят на положение пролетариата, что приводит к объективному расширению границ рабочего класса. В силу этого рабочий класс стремится к объективному постижению и использованию закономерностей общественного развития, чтобы на них основывать свою политику в борьбе за революционное преобразование мира. Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» указал на совпадение стремления к истине, свойственного подлинным ученым, с интересами и стремлениями рабочего класса¹. Большой научный интерес представляет и другое высказывание на этот счет Ф. Энгельса из «Анти-Дюринга»: у марксизма есть сторонники «...во всех странах, где, с

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 317.

одной стороны, имеются пролетарии, а с другой — бесстрашные ученые-теоретики»¹. Под последними он имел в виду теоретиков-марксистов.

Опыт развития идейной борьбы в исторической науке подтвердил, что попытка «надклассового» анализа терпит поражение. Это относится и к историографии: марксистское ее направление победило в борьбе с буржуазным. Таким образом, вскрытие классовых позиций исторических сочинений, умение видеть в борьбе идей, взглядов борьбу классов — важнейшее условие их правильной партийной оценки. Такая постановка проблемы позволяет оценить труды историка и другие историографические факты со строго классовых позиций. В силу этого историография участвует в классовой борьбе пролетариата за свои идеалы.

3. Принцип партийности призывает к выяснению процесса сочетания классово-пролетарских позиций историка с его объективностью и научностью. Изучая эту проблему, историограф руководствуется следующими идеями: партийность историка выражает объективные тенденции общественного развития, борьбу классов в антагонистическом обществе; совпадение партийности, объективности и научности является важнейшей закономерностью марксистской исторической науки. Данные закономерности определяются рядом обстоятельств.

Партийности, как известно, внутренне присущ материализм. Исторически сложилось так, что именно материалистическое понимание истории было связано с развитием научно-объективных идей и воззрений.

Классовое пристрастие ученого-историка определяет объективность его исследования. Историограф устанавливает, как в трудах по истории проводится бескомпромиссная борьба за научную истину и как она используется в интересах рабочего класса и его партии. Но это лишь одна сторона вопроса. Его другая сторона состоит в том, что партийный анализ обязывает историографа проследить процесс использования историком той объективной информации, которая содержится в историографических фактах и источниках.

Соблюдать строжайшую объективность во всяком научном исследовании — таково ленинское требование к науке. Без этого невозможно реализовать принцип партийности, его диалектическую взаимосвязь с объектив-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 9.

ностью. Научная объективность в то же время требует исследования процесса развития научной мысли во всей ее многогранности и сложности, без идеализации и лакировки, требует показа путей и методов преодоления тех трудностей, с которыми она сталкивалась в своем развитии. Будучи партийной наукой, историография именно благодаря этому является строго научной, объективной отраслью знаний.

Выражая объективную истину, проверенную исходя из интересов рабочего класса, принцип партийности исключает предвзятость. Объективность, правдивость и научность, следовательно, составляют характерные черты коммунистической партийности. Коммунистическая партийность — это не только объективность и правдивость по своей сути: она является высшим проявлением объективности и правдивости.

Партийность и научная объективность не имеют ничего общего ни с объективизмом, ни с субъективизмом, а также с конъюнктурным подходом к историографическим событиям. Содержание объективизма показано Лениным в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» в связи с рассмотрением книги П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Ленин отмечал, что «объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист, — продолжал он, — говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов»¹.

Основные пороки объективизма состоят в отрицании или в умалении закономерностей исторического процесса, а отсюда переоценка субъективного фактора в истории. Объективизм, следовательно, оборачивается субъективизмом. Объективизм есть также прикрытое под флагом нейтральности классового пристрастия буржуазных историков. При этом мнимая «беспартийность» есть завуалированная маскировка классовых целей. В применении к оценке историографического факта это означает

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418.

нежелание или неумение выявить и обосновать его роль в изучении закономерностей истории исторической науки, вскрыть место факта в общественно-политическом развитии общества. Это также предвзятый их отбор и толкование с позиций буржуазной идеологии и морали.

Субъективизм игнорирует также конкретно-историческое изучение исторических явлений, что, в свою очередь, делает его неспособным быть орудием познания историографических явлений. Субъективизм неизменно приводил к волюнтаристским оценкам процессов, протекающих в науке, и лишал ее возможности вскрыть объективную основу развития историографии.

Конъюнктурщина, которая выступает в качестве одной из форм субъективизма, обычно стремится при рассмотрении исторических событий или движения научной мысли выдать за коренные и решающие моменты те, которые на самом деле имеют не принципиальное, а временное значение, и с этих позиций анализирует все развитие истории. Программа КПСС считает конъюнктурщину явлением, противоположенным науке.

4. Принцип партийности указывает на необходимость судить о характере историографических фактов и явлений по их объективным результатам. Они оцениваются по тому реальному значению, которое они имели в деле «приращения» научных знаний. Но речь идет не только о простом «прибавлении» научных знаний, а прежде всего о том значении, какое они имели для передовых сил общества, об их вкладе в марксистско-ленинскую концепцию исторического процесса. В связи с этим напомним: В. И. Ленин в книге «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» подчеркивал, что партийность означает активное отношение исследователя к общественному процессу.

В свете вышензложенного можно сделать заключение, что важнейшими признаками, позволяющими историографу судить о соблюдении принципа партийности в рассматриваемых трудах, являются анализ исторического материала с позиций марксизма-ленинизма, умение подчинить изложение исследуемых проблем делу прогресса человечества. Но одновременно историограф выступает против попытки представить науку как «поле битвы, сплошь усеянное мертвыми костями», как «царство опровергнутых взглядов», каждый из которых похоронил предыдущие научные завоевания. Задача историографа состоит в том, чтобы вскрыть всю сложность

и многогранность борьбы за победу марксистско-ленинской концепции истории.

5. Принцип партийности является основой для определения актуальности историографических явлений. При этом под его актуальностью имеются в виду, конечно, не только факты, связанные с современностью. Актуальными являются историографические факты, относящиеся, как уже отмечалось, к любому периоду развития науки, сыгравшие действительно прогрессивную роль в продвижении вперед исторического знания, служившие и служащие делу мирового революционного процесса. Недаром Энгельс после поражения революции 1848—1849 гг. занялся исследованием уроков Крестьянской войны 1525 г. в Германии, считая, что она «...вовсе не так далека от наших современных битв, и противники, с которыми приходится сражаться, большей частью те же самые»¹. Коммунистические и рабочие партии, разрабатывая свою стратегию и тактику, тщательно изучают исторический опыт прошлого, считая, что многие отдаленные во времени факты близки настоящему.

Принципом партийности историограф руководствуется при анализе и такого историографического факта, как научные дискуссии, их значения в продвижении вперед научного знания.

6. Коммунистическая партийность означает классовую непримиримость к буржуазной историографии, к антимарксистским, антиленинским идеям, взглядам, к их творцам и классовым вдохновителям. Возникновение и утверждение марксистско-ленинской историографии произошло в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, что было проявлением пролетарской партийности.

Классовый критерий в историографическом анализе не может быть использован избранно, так как влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии по-разному трансформируется в трудах и взглядах немарксистских историков. Но при всем этом советский историограф, несмотря на пестроту и противоречивость концепций буржуазной историографии, заявления о «свободе творчества», на плюрализм, имеет в виду общие ее методологические пороки: идеалистическое понимание общественного развития, выражающееся в неумении видеть в смене способов производства главную пружину исторического развития; неспособность рассмотреть классовую

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 345.

борьбу как движущую силу исторического процесса и как следствие этого — игнорирование роли народных масс в истории; отрицание закономерности революционных процессов, их причин и следствий; подгонка исторических фактов под постулаты буржуазной методологии; фальсификация истории рабочего и революционного движения; воинствующий шовинизм, национализм и расизм.

Принцип партийности в историографии означает наступательную борьбу против буржуазной и ревизионистской идеологии, ибо классовые принципы не примиряются, они побеждают в наступательной борьбе. Историограф разоблачает социальный и гносеологический характер и функции буржуазной и мелкобуржуазной историографии, показывает, как она служит интересам господствующих классов.

Большое значение при выяснении социально-классовой функции буржуазной историографии имеет, как учил Ленин, постановка вопроса «Qui prodest?» — «Кому это выгодно?». Этот же вопрос следует поставить и в том случае, когда классовые интересы не выступают открыто, а проявляются через ряд опосредствующих моментов или даже сознательно затушевываются, исходя в большинстве случаев из мотивов политических, национальных, религиозных, этических и других.

То, что классовая принадлежность не всегда действует автоматически, видно на примере идейного кризиса буржуазной русской историографии конца XIX — начала XX в.¹ На общем фоне отрицания объективной исторической закономерности, проповеди бесконфликтного, эволюционного пути развития из боязни революции, которая изображалась тормозом жизни России, в среде профессиональных историков наблюдался сложный процесс дифференциации. Передовые ученые тяготели к марксизму, другие уходили в нарочитую фактографичность, создавая описательные труды, третьи скатывались на откровенно реакционные позиции. В этих условиях историография приобретала особое значение. «Терявшая почву под ногами буржуазная наука антимарксистского лагеря, — писала М. В. Нечкина, — стремилась проследить этапы собственного развития, чтобы понять причи-

---

¹ См.: *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в до-революционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 49—50.

ны горестного кризисного состояния... Поиски ответа требовали историографических изысканий»¹.

В историографии известны случаи, когда классовая принадлежность того или иного автора не совпадала с классовыми позициями его сочинений. Особенно тонким должен быть разбор взглядов авторов, принадлежащих к так называемым промежуточным слоям. Здесь необходимо отличать подлинные интересы людей от интересов мнимых, иллюзорных. Все эти явления в какой-то мере характерны для идейной борьбы в международном масштабе. Они носят глобальный характер и в историографии.

Марксистско-ленинская партийность, благодаря тому что она включает в себя бескомпромиссную критику антинаучных воззрений, позволяет обеспечить строго научный подход к развитию науки.

Коммунистическая партийность, таким образом, предъявляет к историографическому творчеству большие требования, которые в обобщенном виде сводятся к следующему: анализировать историческую литературу и другие явления историографии с методологических позиций марксизма-ленинизма; выяснять характер и уровень сочетания научности и объективности в историографических фактах с высокой идейностью и коммунистической убежденностью; обнаруживать взаимосвязь партийности с актуальностью в исторических исследованиях; выяснять классовый подход на уровне построения выводов и теоретических обобщений; рассматривать историю отражения в литературе боевитости, наступательности и бескомпромиссности, проявляемых в отстаивании марксистско-ленинской концепции исторической науки, борьбу против фальсификаторов и ревизионистов всех мастей. Все эти предписания должны, конечно, характеризовать и само историографическое произведение.

Констатируя всеобщность принципа партийности в оценке историографических фактов, нельзя вместе с тем пользоваться им в качестве «универсальной отмычки». Этот принцип может лишь тогда стать действенным, когда он применяется с учетом особенностей социально-политических и исторических условий возникновения и развития историографических явлений.

---

¹ Нечкина М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки). История и историки: Историография СССР. М., 1965. С. 6.

Общеметодологический принцип партийности в своем конкретном применении выступает в диалектическом единстве с другим общеметодологическим принципом — принципом историзма.

Сущность общеметодологического *принципа историзма* определена в работах классиков марксизма-ленинизма, которые содержат научную концепцию историзма, включенную в общую структуру материалистической диалектики. В известной формуле К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»¹ — выражена идея всеобщности и универсальности исторического подхода к анализу развития природы, общества и деятельности людей. Это подтверждается и последующими словами: «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей»². Эту мысль Маркс и Энгельс высказывали не один раз: Маркс — в «Экономико-философских рукописях»³, Энгельс — в рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии». «...Исторические науки, — писал Энгельс, — суть те, которые не являются науками о природе...»⁴.

Поэтому можно заключить, что положение о значении науки истории является имманентным (внутренне присущим) убеждением классиков марксизма-ленинизма. В свете же их диалектико-материалистического понимания истории можно также сделать вывод о том, что историзм для них включал в себя необходимость рассматривать явления природы, общества и науки с точки зрения их генезиса, возникновения, развития, дальнейшего изменения с присущими им противоречиями. Так марксизм связал историзм с диалектикой. Особое звучание в этом плане приобретают слова Ф. Энгельса о том, что если природа является пробным камнем диалектики, то в истории законы движения «...господствуют над кажущейся случайностью событий»⁵.

Вместе с тем марксизм видит отличительные особенности истории общества и истории природы при их общей подчиненности диалектике развития. Об этом

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.

² Там же (прим.).

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Экономико-философские рукописи. Из ранних произведений. М., 1956.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 491.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 11.

Ф. Энгельс специально писал в своем философском завещании — книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». В заключительной главе этого произведения указывается, что история развития общества «в одном пункте» существенно отличается от истории развития природы. Этим «пунктом» являются действия людей, одаренных сознанием, поступающих обдуманно или под влиянием страсти, стремящихся к определенным целям¹. Энгельс также показал, что движущими силами этих побуждений являются развитие производительных сил и производственных отношений и классовая борьба. Это очень важно, отмечал Энгельс, для понимания концепции исторического исследования.

На этом, однако, не завершается марксистская трактовка историзма. Маркс и Энгельс показали, что единство между диалектическим методом и материалистическим пониманием истории составляет существо подлинного историзма.

Марксизм не только обосновал теоретико-методологическое значение историзма, но и практически проводил этот принцип в научном познании. О применении Марксом принципов историзма Энгельс писал в рецензии на первый том «Капитала»². Одна из обобщающих характеристик значения вклада Маркса в разработку историзма содержится в знаменитой речи Энгельса на могиле друга. Заслугу Маркса в открытии законов развития человеческой истории Энгельс сравнил с открытиями Дарвина в области органического мира³. Усилиями Маркса и Энгельса были заложены основы материалистического историзма.

Отличительной особенностью Маркса и Энгельса как исследователей было и то, что они внесли историзм во все те отрасли знания, которыми они занимались, что обогащало саму историческую науку. В ней (исторической науке. — А. З.) они выдвинули принципиально новые концепции, несовместимые с буржуазной и дворянской историографией. Исторический анализ был для них важнейшим средством разработки пролетарского мировоззрения.

То же самое относится и к В. И. Ленину, для которого историзм был одним из важнейших элементов его

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 305—306.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 222.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 350.

политической деятельности, научного мышления, составлял их характерную черту. Именно поэтому можно говорить о том, что историзм ленинизма — это составная часть познания действительности и революционного преобразования мира. Дальнейшее развитие Лениным материалистической диалектики расширило методологическое значение историзма.

Уже в первых ленинских статьях «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893) и «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893) ставился вопрос о значении историзма в подходе к общественным явлениям. В книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» в связи с анализом учения К. Маркса об общественно-исторических формациях и критикой субъективно-идеалистических воззрений либерального народничества и «легального марксизма» определяется понятие историзма. В наиболее обобщенном виде сущность историзма В. И. Ленин изложил в письме к И. Ф. Арманд (ноябрь 1916 г.) и в лекции «О государстве» (1919). «Самое надежное в вопросе общественной науки,— говорил В. И. Ленин в лекции,— ... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь». Он также отметил, что к теоретическому решению того или иного вопроса «...можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом»¹. Большую ценность для понимания сути историзма представляет ленинская постановка вопроса в работе «О праве наций на самоопределение» (1914). Главу «Историческая конкретная постановка вопроса» Ленин начал словами: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки...»².

Принципом историзма руководствовались Маркс и Энгельс в изучении и критике философии Гегеля, Фейербаха и других мыслителей прошлого. Принцип историзма заложен в мысли В. И. Ленина: «...не приписывать

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67, 68.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 263.

древним такого „развития“ их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»¹. Ленин так подходил и к оценке идей, взглядов российских и западноевропейских философов, социологов и историков.

С точки зрения методологии особенно характерно замечание В. И. Ленина, сделанное им в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», о взгляде «...назад на вполне законченный исторический период, связь которого с последующими периодами вполне уже обнаружилась...»². С более высокой исторической вершины, подчеркивает Ленин, точнее и правильное понимаются завершённые исторические события и процессы, характер которых в момент их свершения был еще не вполне ясен, а результаты далеки от определенности. В. И. Ленин, руководствуясь им же сформулированным методологическим положением о том, что «диалектика включает историзм»³, всегда требовал исторического подхода к самой истории.

Обращение к конкретной истории и опыту революционного движения в России и в Западной Европе, к опыту революций XVIII—XIX вв. является в трудах В. И. Ленина важным критерием оценки современных ему событий и средством выявления важнейших исторических закономерностей. Именно на этой основе им было создано, например, учение о революционной ситуации, о взаимодействии объективных и субъективных факторов в революционном процессе. В то же время Ленин критиковал тех деятелей (например, В. М. Шулятикова, Родбертуса и др.), кто конкретный исторический анализ подменял социологическими построениями, в которых «...нет ни грана *историзма*, ни грана исторической реальности...»⁴.

Ретроспективно проверяя оценки прошедших исторических событий с точки зрения накопленного впоследствии опыта, В. И. Ленин нередко заменял старые выводы новыми, более точными. Ярким примером этого является ленинская работа «Предисловие» к сборнику «За 12 лет».

Можно с полным основанием считать, что ленинское понимание методологической роли историзма является

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 222.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 18.

³ Ленинский сборник. Т. XI. С. 384.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 280.

одним из элементов марксистского диалектического метода, так как подлинный историзм возможен лишь на основе диалектики и не может быть подлинной диалектики без строгого соблюдения историзма. Поэтому историзм В. И. Ленина, как и историзм К. Маркса и Ф. Энгельса, будучи высшим типом историзма, носит ярко выраженный революционный характер¹.

Историзм пронизывает всю деятельность КПСС, ее теорию и политику. Исторический подход к анализу ее прошлой борьбы дает возможность партии правильно, с научно-марксистских позиций определить цели сегодняшние и грядущие. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии сказано: «Ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее...»². Это названо *первым уроком правды*.

Итак, методологический аспект принципа пролетарского историзма состоит в том, чтобы вскрыть диалектику исторических процессов, формируемых деятельностью людей как главных творцов истории, в их генезисе, а также в современном состоянии и тенденций развития в будущем.

Руководствуясь марксистско-ленинским указанием об историзме и подходом марксизма-ленинизма к изучению общественно-научных явлений, можно сделать заключение, что принцип историзма в историографии включает в себя нижеследующую группу взаимосвязанных положений.

1. Исходя из того что одно из главных требований принципа историзма — исторический подход к изучению прошлого, события и явления исторической науки рассматриваются в историографии на основе соблюдения временной последовательности и закономерной преемственной смены периодов и этапов ее развития, каждый из которых анализируется как относительно завершённый цикл со свойственными ему определенными законами. Эталоном такого изучения является ленинская разработка марксистской концепции истории России в трудах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Развитие

¹ См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 235; Иванов В. В. Историзм в ленинской методологии научного исследования. М., 1982. С. 11—58.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза М., 1986. С. 23.

капитализма в России» и др. Показывая несостоятельность буржуазных и мелкобуржуазных концепций, Ленин доказал, что развитие России проходит в русле закономерностей всемирной истории с присущими ей общественно-экономическими формациями.

Историзм, выражающий всеобщность развития, в историографии проявляется не только в анализе смены этапов и периодов развития исторической науки. В этом контексте выясняется обусловленность этого процесса, определяемого закономерностями социально-исторического прогресса. Таким образом, общеметодологический принцип историзма дает возможность историографии исследовать развитие исторических знаний как в хронологической последовательности их появления, так и в их концептуальном единстве.

Историограф, однако, помнит, что требования, предъявляемые обществом к изучению исторической науки, менялись на протяжении веков. Если, например, древние придавали истории назидательную функцию, то ныне ее цели и задачи не только расширились, но и во многом изменились. Она в современных условиях развивается под воздействием исторического сознания творцов истории — народных масс, выражает это сознание и одновременно его формирует. Поэтому историческая наука, изучаемая историографией, активно участвует в целенаправленном изменении общества.

2. Каждый историографический факт, равно как и их совокупность, анализируется в процессе своего возникновения, становления, изменения и развития, во взаимном сцеплении. Сущность и происхождение факта, исходя из того что всякое познание — процесс исторический, могут быть установлены лишь путем раскрытия его генезиса и дальнейшего развития. Рассмотрение реальных историографических фактов и явлений с точки зрения их генезиса, преемственности и дает возможность уяснить их суть и изменения на различных этапах развития.

В этом плане весьма характерно отношение Ленина к творчеству Н. А. Рожкова. Партия поддерживала его деятельность в период вступления в РСДРП, редактирования по заданию большевиков социал-демократических брошюр в издательстве «Молот». В дальнейшем, в 12-томной «Русской истории в сравнительном историческом освещении», Рожков подменил марксизм либерализмом, выдвинул теорию «культурного капитализма»

и преувеличил «до смешного» идею «перерождения» крепостнического хозяйства в буржуазное, что не давало автору возможность увидеть «...сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства»¹. Все это В. И. Ленин охарактеризовал как типично-«профессорское» извращение марксизма.

Необходимость анализа историографических фактов с точки зрения генезиса и развития предполагает также выявление тех теоретических положений, которые выдержали проверку временем и прочно вошли в историографию. Этот же принцип требует от историографа и проверки истинности теоретического материала историческим опытом народа.

Принцип историзма противостоит метафизическому и абстрактному подходу к изучению фактов, предупреждает против односторонней или эклектической их оценки. Руководствуясь принципом историзма, необходимо глубоко изучить условия и причины возникновения историографического явления, его экономические, социальные и идеологические корни, проследить его изменение и развитие и выявить его современное состояние.

3. Исследование событий исторической науки в тесной связи с историческими условиями их появления дает возможность проанализировать историографические факты во взаимной связи и обусловленности, во всех «опосредствованиях», в тесной и органической связи с закономерностями развития общества.

Рассмотрение историографических явлений в органической связи с закономерностями развития общества трудная, но необходимая задача. Историография вооружена здесь трудами классиков марксизма-ленинизма, представляющими образцы подобного рассмотрения. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс, благодаря удивительно точному историческому проникновению в расстановку социально-классовых сил Франции и Европы того времени, смог не только дать глубочайший анализ деятельности французского императора, показать его ничтожность, но и проследить борьбу политических партий Франции периода Второй республики и после контрреволюционного переворота 1851 г.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 399, 400, 401.

Примером органического сплава единства классового и индивидуально-творческого анализа пути великого русского писателя и мыслителя являются статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом. В статье «Л. Н. Толстой» Ленин писал: «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»¹.

Причина того, что за пределы своей эпохи выходит та или иная научная концепция историка, продолжая оказывать влияние на дальнейшую научную жизнь, связана, очевидно, не только с высоким профессиональным мастерством историка, сумевшего первым увидеть то, что не смогли осмыслить его предшественники и современники. Этому способствует и переломный характер эпохи, в которой разворачивается историческое творчество. Достаточно сослаться на деятельность Сергея Михайловича Соловьева. Его труд «История России с древнейших времен», явившийся итогом всего предшествующего развития русской историографии и ставший для своего времени ее высшим достижением, в свою очередь послужил истоком последующего развития исторической науки в России². Немаловажное значение здесь имело то обстоятельство, что формирование исторического мировоззрения этого крупного историка происходило в период кризиса феодально-крепостнической системы и складывания идеологии российского буржуазного либерализма.

Историограф не может ограничиться констатацией «живучести» концепций, идей и взглядов, что проявляется в идейном наследии научной школы и даже порой в книгах и статьях противоположного научного лагеря. Перед ним возникает проблема исторической традиции. Теоретико-методологическая основа рассмотрения ее дана В. И. Лениным в критике так называемой пролетарской культуры, отрицавшей, как известно, влияние традиции в целом. В предложенном проекте резолюции для съезда Пролеткульта Ленин писал: «Марксизм за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 22.

² См.: Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 175—176.

воевал себе всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹. Хрестоматийным стало классическое положение В. И. Ленина из речи на III Всероссийском съезде РКСМ: «Все то, что было создано человеческим обществом, он (Маркс.—А. З.) переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания»².

Обращаясь непосредственно к традициям исторической науки, можно констатировать: в одних случаях это вызывалось потребностями переживаемой эпохи; в других это было результатом неудовлетворенности предшествующими научными поисками и имеющимися данными, которые предстояло переработать и обогатить новыми идеями и которые оказывали влияние на последующее знание; в третьих — изменением социального состава историков. Так, например, в России в области историографии наравне с учеными из дворян (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иконников, А. С. Лаппо-Данилевский) появились выходцы из духовного сословия (С. М. Соловьев, К. В. Лашнюков, В. О. Ключевский, М. О. Коялович) и из разночинцев (Д. И. Багалей). Это приводило, в частности, к тому, что складывались новые традиции в области проблематики (отход, например, от изучения политической истории и переключение интереса на экономику, государственность, право и т. д.), а также в изменении самих форм исторических трудов: наряду с многотомными работами возникло направление монографической разработки отдельных проблем и т. д.³. Появление в России на рубеже XIX—XX вв. историографии как особой ветви исторического знания вначале в трудах С. М. Соловьева, а затем в лекционных курсах В. О. Ключевского заложило основы историографических традиций страны.

Устоявшиеся концепции в историографии приводили зачастую к образованию научных школ того или иного направления, связанного единством взглядов, общностью

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 337.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 304.

³ См.: Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии... С. 28.

или преемственностью методов научного исследования. В этом плане можно говорить об историографической школе академика М. В. Нечкиной, А. И. Данилова, создаваемой ныне школе историографов истории КПСС.

Историзм необходим и для изучения причин и условий той же относительно длительной «живучести» в исторической науке ложных и ошибочных идей и даже концепций. Например, норманнская теория происхождения государства Древней Руси, сформулированная во второй четверти XVIII в. Г. З. Байером, Г. Ф. Миллером и другими историками, имевшая приверженцев в русской и зарубежной буржуазной историографии, несмотря на показ ее несостоятельности М. В. Ломоносовым и другими учеными, была окончательно опровергнута советской историографией.

Анализ развития научной мысли должен вестись с учетом условий и особенностей накопления научных знаний. Принцип историзма позволяет историографии видеть историографические факты такими, какими они были в действительности, в их многообразии и конкретности, что открывает перед историографией широкие просторы. В частности, это дает возможность выявить причины выдвижения тех или иных проблем именно в то, а не в другое время, на том или ином этапе развития науки, понять, почему больше внимания уделялось разработке одних вопросов, другие же вовсе не ставились и не исследовались. Историография, таким образом, имеет возможность выступить против попыток улучшить или ухудшать исторический процесс или излагать его с субъективистских позиций.

4. Принцип историзма является определяющим в понимании развития историографии, преемственности ее этапов и необходимости постижения в едином контексте прошлого, настоящего и будущего. Это временное триединство нельзя верно понять без осмысления указания К. Маркса, содержащегося во «Введении» из «Экономических рукописей 1857—1859 годов». «Анатомия человека, — писал он, — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»¹. К проблеме триединства обращался В. И. Ленин. Он показал, что разрывать единство

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 731.

прошлого, настоящего и будущего — значит поворачиваться лицом только к прошлому¹.

Указанные положения марксизма-ленинизма означают, что «вершины» современных достижений историографии служат и делу верной оценки предшествующих ступеней развития, дают возможность наиболее точно охарактеризовать литературу предшествующего времени. В связи с этим обратим внимание на следующее. Современность, отраженная в историографическом факте, — часть истории, она — развивающаяся историческая действительность; в историографическом факте есть такие моменты, которые не имеют непосредственно большого значения в настоящем, но которые могут приобрести актуальность в будущем. Поэтому изучение историографического факта с высот современности придает историографии политическую заостренность.

Понимание историографического факта как единства истории и современности служит более глубокому познанию закономерностей и тенденций развития истории исторической науки, взаимосвязи творчества разных поколений историков. Но вместе с тем единство прошлого и настоящего историографических фактов не следует трактовать упрощенно. Как уже отмечалось, анализ историографического факта ведется прежде всего с позиций исторических условий, в которых «совершился» тот или иной факт, и поэтому нельзя предъявлять к факту предшествующего времени сегодняшних требований. Это было бы антиисторично и не соответствовало принципу историзма. Однако, рассматривая историографический факт на основе современных достижений историографии, возможно более глубоко и разносторонне раскрыть его существо. Историограф объясняет, какие факты выдержали проверку временем и могут служить в качестве эталона проводимой оценки.

Предвидеть развитие будущих историографических фактов можно на основе выявления некоторых изменений их форм в настоящем. Это особенно касается будущей проблематики, подготовки кадров, развития научных учреждений и т. д. Предвидение расширяется по мере конкретного рассмотрения истории накопления новых историографических фактов. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто предлагает прошлое исторической науки

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 313.

объяснить через будущее¹. Справедливо отмечалось, что если историк пытается объяснить прошлое только через заданную схему будущего, то это приведет к искажению прошлого. Вполне, однако, возможно привлечение некоторых представлений о будущем для объяснения настоящего и прошлого развития исторической науки.

И еще об одной стороне этого вопроса. Принцип историзма имеет свое значение и при трактовке такого явления, которое связано с достаточностью историографических фактов. Историограф работает с фактами, которые выявлены и к настоящему времени введены в научный оборот. Как же быть с явлениями историографии, оказавшимися вне поле зрения историографа? Ответ на этот вопрос формулируется так: руководствуясь принципом историзма, необходимо выработать и определить основы поиска новых фактов и объяснить причины, в силу которых те или другие факты не стали пока достоянием научного знания.

5. В историографическом творчестве возможна ситуация, когда требуется изучить отдельный историографический факт, например труд историка. Анализ его, говоря словами Г. В. Плеханова, «индивидуальной физиономии»² должен вестись на основе изучения всеобщего процесса накопления исторических знаний. Поэтому отдельные работы, их значение и место в общем потоке литературы могут быть верно оценены в сопоставлении с тенденциями, характерными для этапа или периода их создания в целом.

Следовательно, принцип историзма диктует не противопоставление отдельных историографических явлений общему процессу, а исследование их как части целого.

6. Общеметодологический принцип историзма, в силу того что он проявляется в двух главных мировоззренческих вариантах: пролетарском и буржуазном,— вместе с партийностью имеет решающее значение для критики буржуазного антиисторизма, историцизма и других антинаучных толкований истории как науки.

Теоретико-методологические основы антиисторизма коренятся в ограниченности буржуазного мировоззрения,

---

¹ См.: *Арсеньев А. С.* Историзм и логика в марксистской теории // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 326—344.

² *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 332.

приводящей к нивелированию и модернизации разных эпох и периодов, перенесению привычных для буржуазии представлений в области политики, экономики и истории на прошлое. В статье «Либеральный профессор о равенстве» на примере научной деятельности известного русского буржуазного экономиста, видного представителя «легального марксизма» Туган-Барановского В. И. Ленин писал: «...*Общественное* положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересов капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»¹.

Принцип историзма делит историков на тех, кто стремится к объективному познанию прошлого и современного во имя будущего, и тех, кто смотрит на историзм в лучшем случае как на хронику событий. Советские историки уже вскоре после Великого Октября активно участвовали в разоблачении клеветы на Республику Советов и партию большевиков, которую развернула буржуазная профессура, оказавшаяся после революции за рубежом. Особое значение имела критика антиисторической книги бывшего приват-доцента Московского университета и бывшего министра иностранных дел в первом составе буржуазного Временного правительства П. Н. Милюкова «История второй русской революции». Эти тенденции были в дальнейшем развиты и приумножены.

Принцип историзма приобретает актуальное значение в связи с попытками отдельных буржуазных историков подменить историзм историцизмом, который низводит задачу общественознания к предсказанию будущего вместо научного исследования истории. К. Поппер и возглавляемое им направление критического реализма² в своей критике историцизма исходят из того, что история — это только хроника политических и общественных событий, отрицая, по существу, понятие «современность». Считая, что предвидеть будущее на основе закона исторического развития невозможно, Поппер — защитник

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 364.

² См.: Popper K. The Poverty of historicism. L., 1960.

буржуазного реформизма — пытается подвергнуть критике марксистское понимание историзма¹.

Общеметодологический принцип историзма опровергает утверждение о «кризисе историзма», «ограниченности историзма», противостоит стремлению подменить историзм новыми изданиями субъективистско-релятивистского метода изучения истории.

Обширные методологические возможности марксистско-ленинского принципа историзма в историографии дают основание осуществить и конкретно-исторический, и объективно-целостный подход к явлениям научной мысли, а также позволяют дать исследуемым проблемам материалистическое обоснование. Историзм как методологический принцип объединяет в себе и исторический взгляд на события исторической науки, и исторический метод их познания.

В связи с тем что коммунистическая партийность и историзм в марксизме-ленинизме находятся в неразрывном единстве, их сочетание в историографии обеспечивает преодоление объективистских, субъективистских и других антинаучных оценок.

§ 2. Историографические закономерности

Общественная закономерность есть объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений общественной жизни или этапов исторического процесса, характеризующая поступательное развитие истории². Материалистическое понимание истории позволяет трактовать закономерность как категорию, связанную с деятельностью людей, познаваемую в зависимости от степени зрелости общественных отношений и используемую в практике. Познание закономерностей стало знаменем нашего времени.

Руководствуясь этими определениями, предстоит решить двуединую задачу: выработать дефиницию закономерности историографии, определить ее специфику и выявить некоторые закономерности, свойственные советской историографии³.

¹ См.: *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982. С. 235—242.

² См.: *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 188.

³ Вопрос о законах историографии нуждается в дополнительном изучении и в данном разделе не рассматривается.

В историографической литературе тема о «закономерностях» и «законах» теоретически раскрыта еще недостаточно, хотя некоторые из них применяются, если так можно выразиться, «стихийно». Познавательная значимость изучения данной проблемы возрастает в силу ряда особенностей функционирования историографии. О ее характере, содержании и возможностях судят прежде всего по ее предмету, в основе которого лежат определенные закономерности и законы; процесс выявления и формулирования закономерностей разнороден для различных историографических ситуаций; закономерности историографии фатально не предопределены, они видоизменяются и преобразуются в зависимости от изменения изучаемого ею факта; закономерности открываются и используются для того, чтобы на их основе получить новое знание, а затем применить это новое знание в дальнейшей теоретической и практической деятельности исследователя-историографа. Таким образом, открытие и применение закономерностей позволяет историографической работе подняться от уровня «историографического описания» к научному их исследованию и применению.

В изучении происхождения и природы историографической закономерности, где ведущими признаками выступают объективный характер и повторяемость существенных связей в историографических фактах, решающее значение имеет марксистско-ленинское понимание определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, зависимости идеологических явлений от материальных. Открытие Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории, как отмечал В. И. Ленин, положившее конец «...воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов... возникающий и изменяющийся случайно...», давшее возможность «...заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран...»¹, определило законоформулирующую роль общественознания. Материалистическое понимание истории, возведшее ее в ранг науки,— основа выявления существенного и повторяемого в историографии.

Примат объективных факторов в познании закономерностей истории исторической науки имеет особое значение вследствие того, что историография функцио-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137, 139.

нирует через действия субъекта — историографа, его социальных взглядов, пристрастий и т. д., которые не могут не сказаться на формировании историографических концепций, идей, взглядов и т. п.

Закономерности историографии проявляются специфически. Это главным образом закономерности, добытые и обработанные историографом, действующим в определенных социально-экономических и политических условиях. Поэтому постижение их связано во многом не только с глубоким пониманием теории формирования истории исторических знаний, но и с оценкой субъективного фактора. Закономерности историографии могут обладать всесторонностью и глубиной при учете классовых, психологических, эмоциональных и профессиональных факторов. Нельзя не видеть и того, что эпоха, в которой действует историограф, социально по-своему заинтересована в интерпретации и использовании закономерностей, в том числе закономерностей историографии. Итак, при наличии индивидуальных особенностей, проявляемых историографом в исследовательском процессе, они тесно соотносятся с объективно-историческими условиями его деятельности. В этом диалектическом единстве объективного, логического и субъективного ведущая роль принадлежит объективному фактору.

Понимание сути историографической закономерности будет недостаточно, если не обратить внимание еще на несколько исходных моментов. Закономерности исторического материализма являются общими для истории историографии в том смысле, что они действуют во всех областях общественной жизни, научного познания, являясь базовыми, исходными. Всякая закономерность, в том числе и историографическая, на практике вовсе не означает простого повторения уже известного и доказанного в науке.

Механизм выявления и использования исторических закономерностей в основном применим и в историографической работе. И вот почему. Закономерности историографии генетически скованы с общими закономерностями познания науки, а с закономерностями исторической науки в особенности. Вследствие такой посылки историограф проводит «многослойную» поисковую работу, в ходе которой выявляет закономерности историографии. Обращаясь, например, к творчеству историка, он выясняет условия, причины и мотивы, приводящие к устойчивому повторению историографических фактов

(например, появление работ по темам, ранее в литературе уже освещаемым), к их разработке на новом витке развития науки на основе новых теоретико-методологических возможностей и новых источников. Историограф может столкнуться и с «живучестью» некоторых опровергнутых теоретических положений и выводов и как следствие этого — с их появлением в последующих трудах. Объяснение причин этого также входит в задачу исследователя.

В связи с тем что повторяемость историографических явлений не означает их тождественности, необходимо распознать и их конкретное проявление на отдельных этапах развития истории исторической науки.

Историографическая закономерность устанавливается не только путем изучения побуждений, замыслов и их воплощения в трудах отдельных, пусть даже самых крупных историков, а в результате анализа «совокупного» исторического творчества (если не всех, то большинства исследователей), отражающего процесс движения научной мысли на том или другом этапе развития историографии.

Сложность понимания ряда историографических фактов, затушеванных порою борьбой различных тенденций в исторической науке, ускоряющих или тормозящих ее развитие, может свидетельствовать о наличии еще не открытых закономерностей. Одновременно явления, которые противодействуют закономерностям, не уничтожают, а лишь ослабляют их действие. Отсюда видно, что историографическая закономерность устанавливается в результате глубокого проникновения в процесс развития истории исторической науки с присущими ей возможностями и противоречиями. Ее содержательный срез устанавливается путем раскрытия ведущих тенденций развития исторической науки. Большое значение в этом деле имеет изучение отдельных периодов — этапов.

В истории, как известно, существуют закономерности различной степени общности: одни проявляются на всех этапах человеческой истории и являются, по сути, всемирными (например, закономерность последовательной смены общественно-экономических формаций); другие действуют только в определенных формациях (антагонистических, неантагонистических) и т. д. И в историографии также имеются всеобщие закономерности и закономерности, характерные для советской историографии. О них главным образом и идет речь в данной книге.

Таковы некоторые исходные положения, необходимые для понимания историографических закономерностей.

Под историографической закономерностью понимаются такие объективные явления историографии, которые в ее поступательном движении повторяются в своих существенных связях, отношениях.

В учебнике «Историография истории СССР. Эпоха социализма» отмечаются следующие закономерности: творческое освоение и постоянное развитие марксистско-ленинской методологии исследования, историографического творчества классиков марксизма-ленинизма и лаборатории их творчества; постепенное превращение историографии, как и других отраслей научного знания, в созидательную силу, служащую интересам советского народа; крутой поворот историографии к актуальным проблемам прошлого и особенно современного состояния истории исторической науки; изучение историографического факта (особенно творчества историка) в органической связи с социально-экономическими и политическими аспектами развития общества, а в современных условиях — с целями социалистического и коммунистического строительства, с общегосударственными и плановыми принципами развития науки; непримиримая борьба с буржуазной, мелкобуржуазной, ревизионистской и фальсификаторской историографией и дальнейшее развитие в ходе этой борьбы исторического и историографического знания; активное участие историографии (вместе с исторической наукой) в формировании у советских трудящихся, особенно молодежи, коммунистического мировоззрения; создание многонациональной по форме и интернационалистской по содержанию советской истории исторической науки; постоянное руководство со стороны Коммунистической партии, являющейся умом, честью и совестью нашей эпохи, развитием советской историографии¹.

К данным закономерностям еще добавляются следующие. В историографии постоянно наблюдаются (при переходе из одного этапа развития научной мысли в другой) преемственность в накоплении историографических знаний, их качественное преобразование на основе новых идей, выводов и обобщений. Поэтому данное явление

---

¹ См.: Историография истории СССР. Эпоха социализма. С. 5—12 и др.

ние выступает как закономерность. Исходная основа этой закономерности обоснована К. Марксом. Он писал, что всякий научный труд «...обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»¹. Эти слова корифея науки выражают непреходящую идею преемственности знаний, прослеживаемую на протяжении многовековой истории человеческой мысли. Успех каждого нового этапа в познании истории науки прочно опирается на достижения предыдущих этапов, является их продолжением, развитием и углублением.

Ценность и значение мысли Маркса, однако, не только в данном относительно известном в науке явлении. В ней выражена решающая сторона развития науки: творения предшественников живут в мышлении последующих поколений исследователей в большинстве случаев в переработанном и обогащенном виде, вследствие предъявления новых требований к знанию, вытекающих из изменившихся исторических условий. Приращенные новые идеи, взгляды и закономерности, добытые путем дальнейшего исследования или в ходе борьбы мнений, обычно включаются в то существующее знание, которое выдержало «проверку временем», социальной практикой.

Механизм формирования (рождения) новых исторических знаний, связей и переходов от предыдущего знания к последующему, его регулятивные принципы не могут быть изучены на уровне эмпирического анализа историографических фактов: он реализуется на теоретико-методологической основе. Этот подход особенно необходим при исследовании историографом того, *что и каким образом* воспринимается из предшествующего опыта и *что и почему* им отрицается.

Диалектический подход к данному вопросу неоднороден для разных условий. «Следует различать, — считает академик М. П. Ким, — межформационные и внутрiformационные преемственные связи. В первом случае мы имеем дело с более строгим, селекционным отношением нового общества к наследию прошлого. Во втором преемственность носит более непосредственный, широкоохватный и действенный характер»².

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 116.

² Ким М. П. Исторический опыт и социальная практика // Правда. 1984. 16 марта.

Закономерность преемственности накопления историографических знаний дает возможность, таким образом, установить движущие силы развития науки, точки соприкосновения новых знаний, возможность их приумножения.

В деле выявления новых, еще не открытых закономерностей историографии большую роль играет применение ленинского положения, данного в замечаниях на книгу М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». Ленин предлагал ученому сравнить «старую» и «новую» науку¹. В связи с постановкой вопроса о «сравнении» следует иметь в виду и следующие указания В. И. Ленина, сформулированные в заключении к книге «Материализм и эмпириокритицизм»:

— сравнить изучаемые философские взгляды с диалектическим материализмом «по всей линии гносеологических вопросов»;

— определить место изучаемых взглядов в системе основных философских школ современности;

— вскрывать на основе конкретного исторического материала борьбу партий в философии².

В историографической теории и практике *сравнение «старой» и «новой» науки стало, по сути, законом исследования* по ряду причин. В историографическом труде анализируется совокупность исторических знаний, которые были получены на разных сменяющих друг друга этапах развития научного исторического знания; историограф имеет дело с различными воззрениями, подходами, новыми идеями, опровергнутыми взглядами, зафиксированными в исторических произведениях. Сравнить и сопоставить общность и различие в подходах историка к объективной действительности — это один из центральных аспектов историографического творчества.

Реализация сравнения «старой» и «новой» науки дает наибольшие результаты при следующей историографической работе: обнаружении повторяемости исторических явлений для установления закономерностей истории исторической науки; определении уровня разработанности исторического знания в целом или отдельных тем и проблем историографии на разных стадиях развития; выяснении того принципиально нового, что внесли новые поколения исследователей в изучаемый исторический

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 24.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 379—380.

процесс; установлении истинности исторических знаний, преодолении односторонности в отображении исторических событий; понимании авторских замыслов, уровня их разработанности и возможности их реализации и др.

Сравнение необходимо при раскрытии сходства и различия, общих или несовпадающих признаков в историографических фактах, а также при выяснении единичного, особенного и всеобщего в однопорядковых процессах, протекавших в исторической науке. Заслуживает особого внимания изучение различий между историографическими фактами, имевшими место в разное время в различных странах, обладающими некоей общей чертой (изучение войн и последующего мира), т. е. данный закон сравнения в значительной мере способствует исследованию историографических фактов с точки зрения их генетической взаимосвязи и различий.

Сравнивать «новую» и «старую» историческую науку возможно на нескольких уровнях. Среди них особое значение имеет рассмотрение истории исторической науки в хронологической последовательности процесса накопления знаний. Соблюдение «временной очередности» в изучении истории исторической науки необходимо для выяснения нескольких важных аспектов историографического творчества. Плодотворным является применение данного направления при выяснении связи и внутреннего единства исторических произведений. На это обращал внимание в ряде своих предисловий В. И. Ленин. Так, например, в «Предисловии к сборнику «За 12 лет» он отмечал, что включенные в этот сборник труды имеют историческую преемственность, обусловленную задачами борьбы партии на том или другом этапе ее истории.

Известно, что полностью сходных, абсолютно одинаковых событий и ситуаций как в истории, так и в историографии не бывает: каждый раз исследователю приходится сталкиваться с явлениями, возникшими на разной исторической и национальной почве. Но поскольку в этих разных явлениях обнаруживаются общие тенденции и в них воспроизводятся в новом виде уже известные из истории типичные явления, постольку и можно проводить между ними сравнения.

В связи с постановкой вопроса о пределах объективных возможностей применения исторических сравнений В. И. Ленин установил, что необходимым требованием для сравнения должно быть: сравнимы ли исторические эпохи развития сопоставляемых стран, учет конкретных

особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи; единство классовой основы сравниваемых событий, однотипность расстановки классовых сил всей системы классовых взаимоотношений. Ленин также отмечал, что степень точности исторических сравнений зависит от длительности исторических сроков, прошедших со времени сравниваемых явлений. Эти положения Ленина вполне применимы в историографической практике.

Таким образом, можно сделать вывод, что в изучении истории исторической науки сравнения являются важным средством установления закономерностей историографии и решения ее других сложных задач.

Выдвигается вопрос о критериях сравнения, позволяющих получить объективное представление о развитии исторической науки. Эти критерии также вскрыты В. И. Лениным. В уже упоминавшемся «Предисловии к сборнику «За 12 лет» и в других трудах он показал, что динамика развития идей исторических сочинений должна быть тесно увязана с анализом теоретической и практической деятельности партии; сравнивать необходимо историографический факт с другим фактом, группой фактов; сравнивать факты необходимо в их хронологической сопоставимости и в тесной связи с исторической обстановкой и т. д.

Рассматриваемые историографические сравнения ничего общего не имеют с идеями представителей исторического субъективизма — Н. К. Михайловского и других, предложивших изучать социальные явления путем сравнения различных взглядов, без их фактического обоснования. Их воззрениям было свойственно отрицание законов истории. Михайловский, например, утверждал, что «... история до сих пор не знает, что такое она сама и в чем состоит ее задача: в беспристрастном ли записывании всего совершившегося, в картинном ли воспроизведении образов и сцен минувшего для удовлетворения безразличной любознательности, в извлечении ли практических уроков из исторического опыта, в открытии ли общих или частных законов, подчиняющих исторические явления известной правильности и порядку»¹.

---

¹ Михайловский Н. К. Герои и толпа//Соч. Спб., 1896. Т. 2. С. 105. Свидетельством того, что эта мысль не была случайной оговоркой автора, является его утверждение о том, что правомерна любая интерпретация исторического события (см.: Михайловский Н. К. Соч. Спб., 1909. Т. 6. С. 104, 106).

В историографии несомненно действуют общие закономерности общественнознания, они применяются здесь в соответствии с предметом и задачами данной отрасли научного знания. Особое значение для нее имеют закономерности науковедения и информатики¹.

Закономерности и законы, указывая на магистральные направления движения науки, могут не охватить абсолютно все ее явления. Марксистско-ленинская методология выступает против абсолютизации закономерности, ибо в противном случае нельзя было бы понять многообразие явлений природы, политики и науки.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин обосновывает положение о том, что история всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем это можно вообразить². Это целиком относится и к историографии. Кроме того, познанная закономерность и закон в конкретных историографических условиях действуют неоднозначно. Каждая из них может проявляться сильно или под влиянием определенных факторов развития науки может быть выражена слабо. Поэтому историограф не может не видеть явления единичные, случайные, не укладывающиеся в закон и не вытекающие из предшествующего хода накоплений знаний, которые, возможно, не оказали большого воздействия на развитие истории исторической науки. Однако в целом без них немыслим реальный процесс накопления исторических знаний. Методологическая основа их изучения дана в следующих словах К. Маркса, высказанных по отношению к историческому процессу в целом: «...история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли». Эти случайности, разъяснял свою мысль Маркс, «... входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями»³. Вполне обосновано и мнение о том, что случайности могут быть и бывают «... выражением вполне определенных закономерностей, действующих автономно от тех закономерностей, которые лежат в основе изучаемого процесса или явления»⁴. Таким образом,

---

¹ См.: Урсул А. Д. Информация. М., 1971; Михайлов А. И., Черный А. М., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика. М., 1976; и др.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 80.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 175.

⁴ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 39.

марксизм-ленинизм выступает как против фаталистического отрицания случайности в истории, так и против релятивистского изображения ее независимости от закономерности.

Задача историографии состоит в том, чтобы выяснить объективные и субъективные обстоятельства появления случайных историографических фактов и явлений, их соотношение с закономерностью. При этом необходимо подчеркнуть, что случайность в историографии, как и в истории, по сравнению с закономерностью занимает положение вторичное. Ее место точно выражено в таких словах Ф. Энгельса: оно (случайное) «...представляет собой форму, за которой скрывается необходимость...»¹.

Марксистско-ленинская методология историографии позволяет решить вопрос, который иногда трактуется как «роль и место ошибки или заблуждений в историографии». Заблуждения определяются как «...определенный вид ложных высказываний, отличающихся от прочих ложных высказываний тем, что ложное принимается за истинное»².

Ошибки появляются и тогда, когда они в течение определенного времени не сравниваются с опровергающими их законами, а также когда историограф взял на вооружение неверные методологические установки. Историограф сталкивается здесь с неоднородными явлениями. Так, одна и та же проблема, рассматриваемая на протяжении длительного времени, может трактоваться по-разному, исходя из наличия доступных исследователю историографических источников. Понятно, что в данном случае нет оснований для констатации ошибочных взглядов, концепций и т. д. Появление нового корпуса источников зачастую приводит не только к углублению понимания исторического процесса, но и к новым оценочным характеристикам. Примером этого является изучение истории Московского государства в трудах историков XVIII — начала XIX в. Не может считаться, например, ошибкой мнение И. Н. Болтина и других историков, что его начало относится к царствованию Ивана Грозного.

Иное дело — методологическая позиция историка. Так, например, 12-томная «История государства Российского» Н. М. Карамзина воплотила в себе дворянскую

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, С. 303.

² Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977. С. 289.

концепцию истории России, ярко выраженную в тезисе: «Все зависит от воли самодержца»; эта концепция не могла не войти в противоречие со взглядами декабристов, а позднее и революционных демократов. Вместе с тем верна мысль о том, что «карамзинский труд и споры вокруг него объективно способствовали развитию исторической мысли в России»¹.

Методологическая проблематика историографии не ограничивается, конечно, только одними закономерностями, законом и случайностями. Без методологической вооруженности невозможно решить и следующие ключевые вопросы историографии: выяснение социально-классовых функций исторических произведений и обоснование актуальности историографических тем и проблем исследования; определение направления поиска историографических фактов, их классификация и интерпретация с позиций марксизма-ленинизма; вскрытие механизма формирования исторических знаний в целом и особенно новых знаний; качественно-количественное изменение проблематики исследований на разных этапах развития историографии; распознавание путей получения достоверных исторических знаний и объективных выводов; прогнозирование развития исторической науки; ориентация в эффективности методики историографической практики и т. д. Методологический характер приобретает оценка результатов собственно историографических исследований, осмысление их значения для развития исторической науки. Все эти цели реализуются не только на эмпирическом уровне, но и путем теоретического знания, что особенно важно для понимания различия между историографией и обзорографией.

---

¹ Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии. С. 21.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ¹

Важнейшим аспектом методологии историографии является историографический факт — исходный материал для историографического творчества. Поэтому следует выяснить его природу и социальную функцию.

Разработка проблемы, о которой идет речь, привела в последнее десятилетие к появлению (кроме уже упоминавшихся) ряда плодотворных работ².

Предприняты попытки дать определение историографического факта. С. О. Шмидт пишет, что таковым является объект исследования историографии³. Это верно, но слишком общее, поэтому он добавляет, что историографический факт зачастую является одновременно и основным историографическим источником для исследователя. Ученый объясняет это явление как смешение объектов исследования и основных источников их познания. Такая точка зрения вызвала возражение А. М. Сахарова, считавшего неправомерным отождествление источника и факта в историографической работе, так как подход к фактам истории науки не тождествен подходу к ним как к источникам. Поэтому, пишет он, «установление... факта возможно лишь на основе анализа соответствующих источников»⁴. Под историографическим фактом Сахаров понимал научное знание, добытое

¹ В основу разработки данного вопроса положена статья автора книги, написанная совместно с В. П. Наумовым и опубликованная в журнале «Вопросы истории». 1980. № 5.

² См.: Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории исторической науки//Труды МГИАИ. 1965. № 22; Данилов А. И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков//Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. 6; Вайнштейн О. Л. Марксизм-ленинизм об историческом факте//В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание//История СССР. 1976. № 4; Сахаров А. М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований//Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; его же. Методология истории и историографии. М., 1981.

³ См.: Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории исторической науки//Труды МГИАИ. 1965. № 22. С. 7.

⁴ Сахаров А. М. О некоторых вопросах историографических исследований//Вестник Московского университета. Серия истории. 1973. № 6. С. 22.

исследователем в результате известных научных операций.

Указанные определения историографического факта в известной мере не только оторваны от самого исторического факта и его социальных функций, но и слабо учитывают, что факт в историографии не ограничивается областью эмпирического знания, а содержит теоретический момент.

Роль теории в познании историографического факта состоит в том, что она обеспечивает получение для исследования достоверных, истинных фактов, необходимых для изучения закономерностей историографии. Она также вскрывает объективные связи и взаимозависимость фактов. Это не противоречит тому, что теория должна согласовываться с фактами, ибо в противном случае она либо ложная, либо устаревшая.

Историографическим фактом является факт исторической науки, несущий информацию об исторических знаниях, используемых для выявления закономерностей развития истории исторической науки¹.

Данное определение включает следующие критерии: содержание предмета историографии; толкование сути исторического факта и его соотношение с фактом историографическим; социально-политические функции историографии; понимание информационного потенциала науки.

Рассмотрение первого критерия — современного толкования предмета истории исторической науки — показывает, что в его основу положена сумма историографических явлений, каждое из которых подводит к пониманию функциональной направленности историографического факта. Обращает, например, на себя внимание идея о том, что в предмет истории исторической науки включаются социальные функции исторической науки, политика различных классов в области исторической науки, и это диктует необходимость широкого изучения проблемы социальной обусловленности историографического факта.

Ряд других компонентов, входящих в рассматриваемый предмет, имеют также признаки историографичности. Это, в частности, относится к кадрам исторической науки, системе исторических учреждений, периодике и

---

¹ Такая формулировка дана в статье А. И. Зевелева и В. П. Наумова (см.: Вопросы истории. 1980. № 5).

т. д. Их постановка в историографический ряд придает им ту функциональную нагрузку, которую имеют факты истории исторической науки. Таким образом, можно констатировать, что предмет истории историографии не только определяет те факты, которые несут информацию по истории исторической науки, но и во многом показывает направление их сбора, обработки и интерпретации.

Поскольку историографический факт базируется на историческом факте, целесообразно выяснить современное понятие последнего, тем более что здесь имеются различные подходы и дефиниции. Наиболее употребляемые определения факта в целом следующие: факт — фрагмент действительности, объективное событие; факт — особое знание о соответствующем событии, ситуации или процессе; факт — синоним истины.

Определяя существо исторического факта¹, исследователи исходят из того, что сам факт — это явление действительное, невымышленное событие, имевшее место в исторической реальности. Кроме факта-события имеется и факт знания. Учитывается также, что факт включает в себя одновременно переплетающиеся стороны и характеристики: единичное (неповторяемость и индивидуальность события) и общее, случайное и необходимое, непосредственное и опосредованное, объективное и субъективное и т. д. Таким образом, исторический факт совмещает в себе историческую действительность независимо от масштабности, значимости, степени воздействия его на исторический процесс. Факт способен также к постоянному развитию и обогащению. По образному выражению М. В. Нечкиной, факт неисчерпаем, как атом, ибо он имеет бесконечное количество качеств, свойств, сторон, взаимоотношений. Задача гносеологии состоит в том, чтобы выяснить, каким образом знание становится фактическим, а это возможно на пути методологического анализа.

---

¹ В литературе указывается, что первоначальное содержание понятия «исторический факт» сложилось в XIX в. под влиянием изучения главным образом политических событий. О толковании исторического факта в буржуазной историографии см.: *Иванов Г. М.* Исторические источники и историческое познание. Томск, 1973. С. 191—199; *Смоленский Н. И.* Леопольд фон Ранке: Методология и методы исторического исследования // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Томск, 1966. Вып. 4. С. 270—311; и др.

Важная особенность факта с точки зрения его изучения историком — та, что он, как правило, не является предметом непосредственного наблюдения исследователя, а познается посредством источников¹. Другой его особенностью является то, что факт противостоит субъективным взглядам. В этом плане видна идеалистическая трактовка факта Лаппо-Данилевским, считавшим, что «... под историческим фактом в его наиболее характерном, специфическом значении историк преимущественно разумеет воздействие индивидуальности на среду»² и что историк сам конструирует, создает исторические факты. Ошибочность мнения крупного отечественного методолога состояла и в том, что он отрицал значение объективных критериев истинности фактов³. Однако автор был прав, когда утверждал, что историк, работая с фактом, перерабатывает ту информацию, которая заложена в источнике-факте. Тем самым мы подходим к проблеме научного факта.

Научный факт — это уже не само событие, а отражение данных, содержащихся в источнике в такой специфической форме, «...где знание доказано»⁴ и является обобщающим историческим знанием. Это связано с тем, что факт действительности подвергается известной переработке на основе научной концепции историка, его исторических представлений. К этому необходимо добавить: «фактическими» знания являются в том случае, если они достоверны, служат исходным моментом в постановке и решении научной проблемы⁵, являются элементом логической структуры научного знания⁶, включены в систему знания. Другие признаки факта, в частности его инвариантность (неизменное, независимое от познающего субъекта), являются производными от указанных моментов. Следовательно, исторический факт — это отправной, достоверный, обобщающий материал, база для исторического познания, построения теории или гипотезы, выявления закономерностей исторического

¹ См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 205.

² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Спб., 1913. Вып. II. С. 321.

³ См.: Ракитов А. И. Историческое познание... С. 189—190.

⁴ Уваров А. И. Структура теории в исторической науке//Методологические и историографические вопросы... Вып. 3. С. 36.

⁵ См.: Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 226—227.

⁶ См.: Иванов Г. М. Исторические источники и историческое познание. С. 199.

процесса. Последнее имеет особое значение. На это в свое время обратил внимание Ф. Энгельс, указавший, что исследование факта ведется для доказательства правильности закона¹.

Исторические факты имеют свою номенклатуру и типологию. Они являются квалификационными, количественными и качественными, статистическими и др. Имея в виду характер исторического факта и его назначение, следует отметить, что в нем заключено знание двойного порядка — информирующее и оценочное.

Факты органически включаются в ткань исторической науки, являясь ее основой. Если, например, в историческом материализме и политической экономии они «снимаются» теоретическими обобщениями, то в исторической науке факты имеют также и самодовлеющее значение. Время игнорирования фактов, которое иногда связывалось с интуицией, миновало. Это в полной мере относится к факту историческому.

Другой вопрос, важный для понимания рассматриваемых проблем, — это соотношение исторического и историографического фактов. Исторический факт — более широкое понятие, историографический факт — часть этого общего понятия, т. е. понятие более узкое. Различие начинается с определения исходных точек собственно исторического труда и историографического исследования. Прежде всего укажем на то общее, что их объединяет.

История раскрывается суммой (совокупностью) фактов в их системе, целостности. Энгельс в «Диалектике природы» писал: «Мы все согласны с тем, что в любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам фактов...»²

Эти идеи развил в ряде своих работ В. И. Ленин. Он всесторонне обосновал принципы отбора, обработки и критики фактов, раскрыл их роль в историческом исследовании. Уже в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», где впервые перед российскими социал-демократами была поставлена задача создания марксистской рабочей партии, большое место отведено изучению рассматриваемой проблемы. Давая характеристику марксистского диалектического метода, Ленин отмечал, что в этом методе необхо-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 129.

² Там же. С. 370.

димостью является опора на факты, которые служат исходными пунктами исследования. Ленин подчеркивал, что взгляды русских марксистов правильно отражают социальное положение России, так как они основаны «... на фактах русской истории и действительности...»¹. Пока люди не умели приняться за изучение фактов, считал Ленин, они всегда «...сочиняли а priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными»².

Изучение фактов ставит исследование на научную почву, ибо факты, по Ленину, — основа исторического анализа, выводов и обобщений. Он раскрыл всеобъемлющее значение факта для создания историко-партийного исследования. К этому вопросу он обращался неоднократно, о чем свидетельствуют следующие данные. В статье «Рабочая масса и рабочая интеллигенция» (1913) В. И. Ленин утверждал, что «...писать историю, давать объяснения этапов рабочего движения, основываясь не на фактах, а на том, что приятно личности историка, это... просто забавное ребячество»³. Эту же мысль он подчеркивал в статье «Нечто об итогах и фактах» (1913), где говорилось, что сознательные рабочие в борьбе за партию против ликвидаторов должны опираться на точные факты⁴.

В. И. Ленин выступал за учет и конкретный анализ всех существенных, относящихся к данному случаю фактов. «В области явлений общественных, — писал он в работе «Статистика и социология» (1917), — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»⁵.

Следовательно, Ленин стоял за то, чтобы брать для исследования не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов «без

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 411.

² Там же. С. 141.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 153.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 102.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.

единого исключения»¹. Характерен и такой пример. В декабре 1919 г., в период подготовки труда «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», он писал М. М. Литвинову в Копенгаген: «Нам крайне важны все документы, резолюции, брошюры, газетные статьи и речи, касающиеся идейных течений в левом социализме и коммунизме... Собирайте все это тщательно на всех языках, делайте вырезки, присылайте, привозите в 3—4 экземплярах...»². Совокупность фактов, по Ленину, означает понятие научного, фактического знания, т. е. их пригодность для «производства» выводов и обобщений³.

Стремление Ленина охватить все факты не противоречило тому, что он всегда умел выделить решающее звено (решающий факт) из суммы или системы фактов. Об этом он говорил в Политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду партии в 1922 г. На примере «основных звеньев» истории партии периода 1917 г. — начала 1922 г. (победа Октября и выход из империалистической войны, нэп и перегруппировка сил для наступления на капиталистические элементы) Ленин раскрыл те главные, решающие факты — «весь гвоздь», — которые определяли содержание деятельности партии в этой конкретной исторической обстановке⁴. Решающий (существенный) факт устанавливается не субъективистски, а посредством, по словам Энгельса, «ясного теоретического анализа»⁵.

Выдвинув задачу «...искать факты и документы из истории партии...»⁶, В. И. Ленин показал примеры того, как следует их собирать и обращаться с ними в процессе исследования. Он подвергал факты тщательной проверке, прежде чем включить их в свои труды. Характерно следующее высказывание В. И. Ленина. Отвечая на замечание «легального марксиста» П. Скворцова по поводу того, что работа «Развитие капитализма в России» будто бы перегружена фактами, статистическими выкладками, он писал: «...я продолжаю держаться того мнения, что лучше подвергнуться обвинению в сухости изложения, чем подать повод читателю думать, что мой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 106.

³ См.: Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение С. 112—114.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 109, 110.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 243.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 68. См. также с. 114.

взгляд основан на «цитировании» «Капитала», а не на изучении русских данных»¹.

В. И. Ленин стоял за строгий критический подход к фактам, их многократную проверку и перепроверку, оценку их с классовых позиций пролетариата и его партии, а также за «обдумывание» значения того, что проверено. Об этом В. И. Ленин писал в статьях «Спорные вопросы» и «Нечто об итогах и фактах» (1913).

Обратившись непосредственно к методологии критики фактов, В. И. Ленин отметил, что она состоит в том, чтобы сравнить, сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом. Для этого важно, чтобы факты были по возможности точно исследованы². Ленин писал, что «марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей.

Марксист должен в посылки своей политики ставить *только* точно и бесспорно доказанные факты»³. Своим творчеством Ленин дал ответ на поставленный им вопрос: как собрать «точные», «бесспорные» факты.

В приведенных выше высказываниях речь шла о фактах исторических. Но если исходить из положения о том, что историографический и исторический факты имеют генетически непосредственную связь, то общие методологические установки, касающиеся оценки и роли факта в развитии науки, в полной мере относятся и к факту историографическому.

Что же различает исторический и историографический факты? Историографическое исследование ставит своей важнейшей задачей изучение закономерностей развития истории науки и всех элементов, связанных с этим процессом. Поэтому важные отличия видятся и в самом существе историографического факта, в его положении в структуре историографического познания и в его истолковании.

Имея в виду последнее, т. е. истолкование историографического факта, польские ученые-методологи Ц. Бобиньская и Е. Топольский определяют его как научную реконструкцию или как результат творческой переработки факта исследователем⁴. Ц. Бобиньская, правда, критикует тех, кто считает историографический факт только

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 623.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 166, 167.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 319.

⁴ См.: *Vobinska C. Historyk Fakt. metoda.* Warszawa, 1964. S. 49—50; *Topolski I. Metodologia historii.* Warszawa, 1968. S. 150; *Жуков Е. М. Очерки методологии истории.* С. 209—211.

научной «конструкцией». Е. Топольский добавляет, что «конструирование» историографического факта нельзя рассматривать как субъективизм, поскольку признается существование объективной действительности, независимой от историка¹. Е. М. Жуков заметил: «вернее было бы говорить не о реконструкции, а об интерпретации... факта»². На основе анализа развития исторической мысли Жуков также пришел к выводу: несмотря на то что даже первичная фиксация материалов не может быть абсолютно нейтральной, объективность факта как реальности его интерпретацией не теряется³.

Историографический факт, являясь продуктом творчества субъекта, находится в процессе его работы на «стыке» единства субъекта с объектом. Историографические факты по своей природе объективны. Для понимания этого положения важно указание Энгельса о том, что «в любой науке неправильные представления (если не говорить о погрешностях наблюдения) являются в конце концов неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными»⁴. Понят факт или нет, верно он объяснен или его интерпретация ошибочна — все это не меняет положения дела. Самый факт объективно существует вне сознания историографа, независимо от его интерпретации, оценки и подхода к нему. Вполне применим к историографическому факту вывод, сделанный на основании соответствующего наблюдения Е. М. Жуковым: «Проходя через призму человеческого восприятия, он (факт.— А. З.) не меняет своей сущности, остается объективной реальностью. Приближение к этой реальности составляет суть процесса исторического познания»⁵.

О включении факта в структуру или систему историографического познания можно сказать так: историографический факт отличается известной целостностью, за ним стоит (если иметь в виду труд историка) труд кооперации предшественников и современников. Создать историографическую концепцию, выявить закономерности историографии, объяснить значение факта — все это возможно на основе суммы фактов. На это еще обратил

---

¹ См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 211.

² Там же. С. 209.

³ См. там же. С. 205—211.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 476.

⁵ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 205.

внимание Лаппо-Данилевский. А. Е. Топольский предложил понятие «сложная макросистема фактов», состоящая из меньших систем, взаимосвязанных между собой¹.

Понять факт и верно его оценить можно только при условии заключения его в историографический ряд, систему.

Между историческим и историографическим фактами имеется различие и по содержанию информационного материала. Историографический факт — это информация о развитии науки, ее деятелях, учреждениях и организационных формах. Историографический факт, являясь источником информации, имеет признаки, указывающие на ее характер, объем, глубину, степень достоверности. В соответствии с этим он обладает такими показателями, как конкретность, индивидуальность, преемственность, повторяемость, описательность, дабы выделить определенный факт из связи с другими фактами, определить его место, роль и значение в истории исторической науки.

Теперь еще об одном критерии определения историографического факта.

Историографические факты не только социально обусловлены, но и являются, по сути, как выразился Ленин, «социальными фактами». Полемизируя с г-ном Струве по вопросу о роли личности в истории, поставив вопрос: «...по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей?», — Ленин указал, что таким признаком может быть лишь один: «...*действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*»². Подход к историографическим фактам как к социальным явлениям показывает, что они дают информацию о классово-партийных позициях и месте в идеологической борьбе историка, его методологических воззрениях, принадлежности к соответствующему направлению науки.

Социальная обусловленность факта связана и с пониманием социального статуса исторической науки, ее места в системе общественнознания, а в более широком плане — в системе существующих общественных отношений.

Понятие историографического факта расширяется при рассмотрении его в свете современного толкования информационного потенциала науки.

¹ См.: *Topolski I. Metodologia historii. S. 205.*

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.*

Обобщение формулировок Н. Винера, В. И. Глушкова, В. Г. Афанасьева, А. Д. Урсула и других ученых в области информатики¹ дает основание считать, что информация является эквивалентом терминов «отображение», «сведения об объекте», «знание». В информации имеются сведения о прошлом и настоящем. Информация содержит данные, необходимые историку и историографу, и поэтому ее можно назвать исторической и историографической информацией.

В методологическом плане информация служит делу понимания многогранных свойств историографического факта: социально-классовых позиций исследователя и его отношения к конкретным ситуациям, истории формирования исторических знаний, их прогнозирования и т. д. Историографическая информативность может быть извлечена как из исторического факта («историческая информация») и из условий его действия («социальная информация»), так и из источника («документная информация»). Следовательно, имеются различные виды и качества информации, используемые историографом для понимания происхождения, свойств и действия факта. Особенно важным для него является единство информативного и оценочного (интерпретационного) моментов. Каждый из названных элементов информации об исторических знаниях необходимо исследовать в совокупности, движении и изменении, т. е. диалектически.

В связи с постановкой вопроса об информации следует учитывать и такой момент. Нужная для историографической работы информация в большинстве случаев не лежит на поверхности. Требуются большие усилия ученого, чтобы ее получить, а затем отобрать наиболее ценное из нее. Но не это главное в его деятельности. Верное использование и научная оценка информации — вот что является решающим в творчестве историографа.

Историографический факт несет большую информацию, имеет огромное количество свойств, качеств, сторон, взаимоотношений, опосредований, но все ли они

---

¹ См.: *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958. С. 311; *Глушков В. И.* Введение в кибернетику. Киев, 1964. С. 13; *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. (Методологические аспекты). Томск, 1973. С. 179, 189; *Афанасьев В. Г.* Социальная информация управления обществом М., 1975. С. 39; *Афанасьев В. Г., Урсул А. Д.* О сущности, видах, свойствах и функциях социальной информации//Научное управление обществом. М., 1977. С. 162; и др.

нужны в одинаковой мере для историографического анализа?

В историографическом факте важны те его стороны, которые раскрывают существо и связь данного факта с другими фактами, те его особенности, которые будут служить конкретному изучению данного вопроса, данного подхода к нему. Особую ценность представляет информация, показывающая движение фактов в зависимости от накопления научных знаний, изменения формирования научных направлений, уровня научных исследований и т. д. Незаменима информация, связанная с социально-политическими функциями факта.

Историограф, руководствуясь исходным положением об историографическом факте (наличие информации о развитии исторической науки), проводя отбор фактов, определяет глубину и объем научной информации, ее истинность, идейную направленность, за которыми стоит направление развития науки.

Историографические факты имеют свою градацию. Это не противоречит тому, что они «существуют» независимо от их иерархической значимости и масштабности. М. В. Нечкина выделяет «основной и важнейший факт истории науки» — таковым она считает «...труды ученого, в которые выливаются его исследовательский процесс и взаимодействие, взаимозависимость результатов этих трудов»¹.

Именно труды историка как результаты его духовного творчества несут в большей мере, чем другие факты, информацию о характере работы ученого, принятой им методике, особенностях его исследовательских приемов и как следствие этого — информацию о характере воззрений ученого, его идеях, взглядах, концепциях. Отсюда видно, что по трудам историков прежде всего можно выявить тенденции развития исторической науки, взаимосвязь воззрений с экономическими, политическими и идеологическими условиями их «производства». Для познания эпохи особенно ценными являются наряду с монографиями и учебниками публицистика, памфлеты и полемические работы. Они больше других видов творчества историка отражают общественную жизнь, устремления классов и социальных групп.

Труду историка присущи и свои внутренние законо-

---

¹ Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. С. 11.

мерности вызревания. «...Наука,— писал Энгельс,— движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения...»¹. В дальнейшем это положение было им распространено и развито применительно к вызреванию теории социализма. «Как всякая новая теория,— писал он,— социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала...»²

Приведенное положение соответствует принципам диалектического и исторического материализма. В доказательство приведем следующее соображение. В письме к П. В. Анненкову К. Маркс писал: «...каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением...»³. Марксизм доказал, что новая общественная система, в основном возникшая на обломках старой, является результатом предшествующего развития, но уже в преобразованном виде.

Информация, заложенная в главном историографическом факте, далеко не однозначна по своему содержанию и методам ее получения. Если например, содержание идей автора можно воссоздать на основе анализа непосредственно самих трудов историка и их источниковой базы, то их социальная обусловленность, роль в формировании научной школы устанавливается путем большой теоретической и методологической работы⁴. Для этого требуется не только высокий историографический уровень мышления, но и то, что называется «творческой фантазией». Данная часть работы является наиболее интересной. Примером этого являются книга В. Е. Иллерицкого о С. М. Соловьеве и другие историко-биографические труды.

Некоторые историографы обосновывали мнение о концепции историка как главном историографическом факте. Основное их доказательство (в наиболее концентрированном виде) следующее: для историографии характерны теоретическое мышление, осмысление и оценочные суждения исторических сюжетов. «Оценка соответствия концепции,— писал А. М. Сахаров,— воплощенной в трудах ученых, также входит в задачу историогра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 568.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 189.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402—403.

⁴ См.: Коршунов А. М., Шаповалов В. М. Творчество и отражение в историческом познании. С. 157—158.

фа. Но для нас важен иной момент — это процесс формирования концепций, смена их в ходе идейной борьбы, воплощающих в себе борьбу классов, борьбу общественно-политических тенденций»¹.

Эта мысль при ее бесспорности с точки зрения того, что оценка концепции входит в задачу историографии, вызывает одновременно и обоснованные возражения. М. В. Нечкина, справедливо указывая, что «...историческая концепция должна изучаться историком науки в ее действии в историческом процессе, в связи с ее функцией в обществе», считала: «...если историк поставил точку в своем труде, то тем самым вовсе не подведена ограничительная черта для исследования этого труда историографом. Историограф должен знать, как труд этого историка функционировал дальше, чему он служил»².

Е. Н. Городецкий, в свою очередь, заметил, что если свести концепцию к главному историографическому факту, то возникнет опасность вернуться к уже преодоленному наукой взгляду о том, что историография сводится к изучению истории исторической мысли³.

Изучение концепции занимает значительную часть, но далеко не весь объем работы историографа. Не менее важно, как это будет показано далее, познание закономерностей формирования и действия всех других компонентов историографических знаний.

Уже отмечалось, что в дореволюционной русской историографической литературе было довольно широко распространено мнение о том, что концепция и ее смена является определяющим моментом в историографии. Отчетливо выразил эту идею Лаппо-Данилевский. В отличие от него А. М. Сахаров сделал весьма своевременную оговорку, что концепция рассматривается «...не как результат саморазвития той или иной идеи, а как продукт очень сложного взаимопереплетения, взаимовлияния целого ряда фактов»⁴. Но она (оговорка) не снимает главного возражения: необходимости исследования того, как концепция возникла, чем она вызвана к жизни,

---

¹ Сахаров А. М. *Методология и методика историографического исследования*//Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. С. 82.

² *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. С. 133.

³ См. там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 83.

каким социально-политическим силам служит, в каких трудах она утвердилась и как развивается далее.

Закономерен и такой вопрос: каждый ли опубликованный труд историка имеет свою отчетливо выраженную, индивидуальную концепцию? Обращение к историко-партийной науке показывает, что в ней с самого начала ее возникновения господствующей была ленинская концепция истории партии. Понятно поэтому, что смена концепций не может быть положена в основу периодизации историко-партийной историографии.

Признавая историческую концепцию важным объектом историографического изучения, историк исторической науки, перефразируя известный афоризм В. О. Ключевского, может сказать: в работе историографа главными фактами являются книги, основными явлениями — мысли, концепции. Вычленение главного факта не исключает обязательного учета историографом всех явлений исторической науки, ибо в своем исследовании он должен опираться на совокупность фактов, ведя одновременно их отбор.

К историографическому факту относятся и изданные материалы дискуссий, конференций, симпозиумов и т. д. Бесспорно, что организация науки на каждом из этапов ее развития, система научных институтов, научные общества, историческая периодика, а также кадры исторической науки, историческое образование в его развитии — все это важные историографические факты.

Приведенный выше перечень историографических фактов, вероятно, не завершен. Расширение понимания предмета и объекта историографии, усиление ее роли в исторической науке, а следовательно, в социальной жизни общества приведут к усилению самих историографических исследований и возвысят до уровня историографического факта новые явления истории исторической науки.

Дискуссионным является вопрос о рецензии как историографическом факте. Если одни исследователи безоговорочно считают ее историографическим фактом¹, а другие — самостоятельным видом историографического труда и одновременно важным строительным материа-

---

¹ См.: *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. С. 159; *Кулешов С. В.* О типологии историографических историко-партийных источников//Методологические проблемы историко-партийной историографии. М., 1984. С. 41.

лом для крупных исследований по историографии¹, то третьи дифференцируют этот вид работы как библиографическое явление, имеющее информационный характер и поэтому не относящееся к историографическому факту или относящееся к нему в том случае, когда рецензия сопоставляет несколько трудов и дает им оценку с позиций современного научного знания². Бесспорно, что рецензия — одна из тем историографии. Но какая?

Историография, изучающая движение исторической науки, редко занимается изолированным изучением одного или нескольких трудов. Это делается лишь тогда, когда они составили рубеж в науке, дали новое направление в ее развитии и т. п. На основе одного или даже нескольких трудов трудно судить о развитии науки в целом. Ни один или даже несколько историографических фактов не имеют абсолютного значения. Только их совокупность дает объективную картину развития истории исторической науки. Факт становится элементом теоретического знания, когда он включен в систему фактов.

Обратим внимание на такое обстоятельство: даже высококачественная рецензия, которая не пересказывает содержания книги или нескольких книг, не преследует цель раскрытия истории идейной борьбы в науке, выработки марксистско-ленинской концепции по той или другой проблеме. Для рецензии не обязательно раскрывать деятельность научных учреждений, историю подготовки кадров и другие проблемы, входящие в предмет историографии.

Рецензия является известным показателем уровня развития исторической науки. Историограф не может не обратить внимание на опубликованные в журналах и газетах высококачественные рецензии или, напротив, на рецензии низкого качества, слабо аргументированные. Безусловно, как писала М. В. Нечкина, если первые способствуют поступательному движению науки, то вторые ее тормозят³. Рецензия отражает этические взаимоотношения ученых, что небезразлично для историографа⁴.

---

¹ См.: Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. С. 135.

² См.: Маслов Н. Н. Некоторые актуальные вопросы методологии историографии истории КПСС//Методологические проблемы... С. 14—15.

³ См.: Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. С. 137.

⁴ См. там же. С. 140.

Поэтому рецензия в большинстве случаев, не являясь историографическим фактом, вполне может быть «строительным материалом» для него.

В подходе к анализу историографического факта решающее значение имеют методологические принципы марксистско-ленинской теории познания, общеметодологические принципы коммунистической партийности и строгого историзма. Как они действуют, показано при рассмотрении проявления в историографии общеметодологических принципов партийности и историзма и конкретных методов исследования. Необходимо подчеркнуть несколько моментов. На один из них указывал В. И. Ленин в «Философских тетрадах». «История мысли, — писал он, — с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий логики — «voilà ce qu'il faut!» (вот что нужно! — *Ред.*)»¹. По Ленину, логика мышления и его история взаимосвязаны.

Поэтому историографический факт может быть верно интерпретирован тогда, когда история его изучения тесно увязана с диалектико-материалистическим мышлением.

Важнейшим основополагающим критерием анализа историографических фактов является общественно-историческая практика. Именно ею проверяется истинность фактов, их соответствие ходу последующего исторического развития. Практика является тем «оселком», который показывает, насколько идеи, взгляды, концепции, содержащиеся в исторических трудах, «выдержали проверку временем», как они служили прогрессу человечества.

Проверка практикой для историографии необходима и с точки зрения того, как исторические взгляды восприняты и интерпретированы научной школой, продолжателями и учениками историка. Установление этого воспроизводится на основе адекватности нового знания процессу поступательности, прогрессивному развитию.

Историограф неизбежно сталкивается с проблемой качественной характеристики историографического факта. Она определяется не размерами монографии и не обязательно только монографией. Для дальнейшего развития науки могут быть важны и другие работы, содержащие постановку вопросов в первоначальной, еще недостаточно мотивированной и недостаточно подкрепленной фактическим материалом форме и помогающие осво-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 159.

бодиться от застарелых заблуждений. В этом плане характеристика масштабов, качественного значения историографического факта должна сочетаться с анализом историографического источника, лежащего в основе этого факта. В равной мере это относится к статьям и докладам. Е. А. Косминский в свое время справедливо писал: «Настроения, господствующие в исторических журналах, в исторических статьях эпохи, часто наиболее отчетливо выражаются отнюдь не в крупных произведениях того или иного большого писателя». Основные тенденции развития исторической науки «... чаще приходится улавливать... не столько в творчестве крупных историков, сколько в общей атмосфере... в периодической литературе, в дискуссиях и т. п.»¹.

Признание разномасштабности и различного качественного значения отдельного историографического факта не дает основания для установления какой-то строгой иерархии фактов после вычленения основного из них. Очевидно, правильнее говорить о системе историографических фактов, тем более что любое установление их первостепенности, второстепенности, третьестепенности и т. д. в целом относительно. Кроме того, если это верно для сегодняшнего этапа развития науки, то оно может быть ошибочным для следующего этапа, а далее может быть вообще неприемлемым. Установление степени важности фактов историографии может явиться делом весьма субъективным.

В связи с масштабностью качественной характеристики возникают вопросы: все ли факты должны учитываться при первичном отборе и должны ли все они войти в общий ряд фактов для того, чтобы исследователь смог сделать на их основе свои выводы и обобщения. Здесь возможен двоякий подход. Один из них таков: исходя из соображений «полноты охвата» и «всесторонней объективности», следует стремиться использовать все возможные явления развития исторической науки. Для историографа, говорят сторонники этого взгляда, необходимо и в условиях непрерывного, все усиливающегося потока книг, брошюр, учебников, тезисов, докладов, конференций, симпозиумов и т. д. знать и использовать все фак-

---

¹ Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963. С. 10. Эти мысли Е. А. Косминского приведены С. О. Шмидтом. (см.: Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории исторической науки//Труды МГИАИ. 1965. № 22. С. 25).

ты. Другой подход состоит в том, чтобы при обязательном учете всего богатства научного творчества взять для анализа те работы, которые прокладывают магистральные пути развития науки.

Марксистско-ленинская методология, выступая за объективное и всестороннее изучение фактов, считает необходимым выделить определяющие (генерализирующие) факты. «Каждый, кто пишет историю философии,— отмечал К. Маркс,— различает существенное и несущественное, изложение и содержание; в противном случае ему приходилось бы только списывать... еще менее того он мог бы сказать свое слово или что-либо вычеркнуть и т. п.»¹. Идею о необходимости выбирать в общем потоке литературы по истории марксизма существенное подчеркнул и В. И. Ленин в своем письме в редакцию Словаря братьев Гранат в связи с составлением им библиографии, приложенной к его статье «Карл Маркс»².

Но это вовсе не значит, что в число историографических фактов следует включать лишь те работы историков, которые вносят нечто новое в развитие науки³. Такая трактовка, не говоря уже о возможности субъективистских оценок, не дает правильной картины развития истории исторической науки. «Исключение из круга исследования «не вносящих ничего нового» работ,— справедливо пишет А. М. Сахаров,— затрудняет объективную оценку и значение тех работ, которые создают новое в науке, потому что степень новизны можно определить лишь в сопоставлении с тем, что господствовало в науке в период появления нового»⁴. Задача историографа, как будет далее показано, состоит в том, чтобы объяснить причины появления таких работ.

Марксистская историография и в этом вопросе противостоит современной буржуазной историографии. Видный представитель буржуазной историографии Э. Карр в книге «Что такое история?» считает, что ученый должен знать максимальное количество фактов, чтобы отобрать из них немногочисленные значительные сведения и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 211—212.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 31.

³ См.: Шмидт С. О. Методологические и теоретические проблемы исторической науки. Калинин, 1980. С. 59; Маслов Н. Н. Некоторые актуальные вопросы методологии историографии истории КПСС // Методологические проблемы историко-партийной историографии. М., 1984. С. 12.

⁴ Сахаров А. М. Методология истории и историографии. М., 1981. С. 134.

превратить их в исторические факты, а незначительные отбросить как неисторические¹.

Одним из важных методологических аспектов рассматриваемой темы является проблема проверки объективности фактов, их соответствия исторической действительности. Марксизм-ленинизм вооружил советскую историографию учением об универсальной роли общественно-исторической практики — совокупности целенаправленных и общественно значимых действий людей и классов во всех сферах их бытия — как силы, которая проверяет теорию (непосредственно и опосредованно) как критерий соизмерения истинности историографических фактов и как инструмент непосредственной связи науки с политическими и идеологическими задачами жизни общества. Ленин сформулировал обобщающий вывод о том, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»². Одновременно он предостерегал от чрезмерной абсолютизации роли и значения практики, ибо она настолько же абсолютна, насколько и относительна, в такой же мере определена, в какой и неопределенна, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют». Поэтому, чтобы критерий практики действовал безошибочно, всегда «необходимо *соединение познания и практики*». Только через теорию практика обогащается теоретическими знаниями. Это не противоречит другому указанию В. И. Ленина о том, что «*практика выше (теоретического) познания*, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»³. Это положение, как показал академик Т. И. Ойзерман, «...относится не ко всякой практике, но лишь к той, которая наряду с непосредственной чувственной действительностью обладает присущей научной теории всеобщностью. Иными словами, практика выше теоретического познания лишь постольку, поскольку включает его в себя и, претворяя его в жизнь, корректирует, обогащает, развивает»⁴.

Указанные положения марксизма-ленинизма в историографии проявляются в широком плане. Основой по-

¹ См.: Garr E. What is History? London, 1962. P. 22, 24.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 145.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195, 198.

⁴ Ойзерман Т. И. Практика — познание, познание — практика // Вопросы философии. 1984. № 9. С. 60.

знания историографических фактов становится органическое единство общественно-исторической практики и уже достигнутого научного знания по истории исторической науки. Сама практика, будучи историчной, не остается неизменной. В ходе познания исторических фактов она адекватно выполняет функцию критерия истинности.

Проверка фактов общественно-исторической практикой определяет не только актуальность, но и эффективность научно-исследовательской работы в целом, в том числе в области историографии.

Общественно-историческая практика дает возможность отделить объективные оценки от субъективных, увидеть подлинно марксистско-ленинское решение историографических проблем. Однако это не означает в историографии сужение значения самостоятельности научного поиска.

Историографический факт можно верно проверить и оценить в сопоставлении со временем его возникновения, с учетом развития исторической науки к моменту его появления. Это, как выразился С. О. Шмидт, «синхронные факторы»¹ историографии, в полной мере относящиеся к историографическому факту. Нельзя не учитывать и таких моментов: если историографический факт (труд историка, например) сотворен зорким современником анализируемых событий, то на нем сказывается кроме непосредственного влияния своего времени, социальной заинтересованности знание важных подробностей и всевозможных оттенков, добытых не только из источников, но и благодаря личному участию автора в описываемых событиях; если историографический факт связан с исторической дистанцией, то с позиций ретроспективы для исследователя делаются малозаметными детали и частности, что позволяет лучше, рельефнее видеть главное, основное. Объективная оценка историографического факта связана и с анализом его источниковой базы.

Итак, марксистско-ленинская методология служит основой изучения коренного и сложного элемента историографической отрасли исторической науки — историографического факта. В выявлении научных критериев его оценки и анализа лежит ленинская концепция социального и научного познания, включающая в себя фунда-

---

¹ Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки. С. 33.

ментальное положение о диалектическом подходе к разработке того, как из «...незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹. В ленинизме раскрыта взаимосвязь двояких корней этого диалектически противоречивого процесса — классовых и гносеологических.

Современный уровень развития методологии историографии выдвигает следующие критерии анализа и оценки историографических фактов: истинность, объем и глубина научной информации, их адекватность марксистско-ленинской научной концепции исторического процесса; вклад в решение актуальных проблем, стоящих перед исторической наукой и историографией; соотношение данного факта с другими, их взаимосвязь и взаимообусловленность; качественные и индивидуальные особенности научного факта, его отличие от других; социально-политическая роль факта в жизни общества, в процессе его движения по пути к коммунизму. Эти критерии связаны с той объективной ролью, которую историографические факты играют в развитии науки, и ничего общего не имеют с субъективными симпатиями или антипатиями исследователя.

Накопленный к настоящему времени материал об историографическом факте дает основание полагать, что он многовариантен, многослоен, неисчерпаем по объему своей информации, играет большую социально-политическую роль в жизни общества, в развитии научных знаний. Он стоит в центре познания процесса развития исторической науки, составляя исходный материал для выяснения марксистско-ленинской концепции исторического процесса. Этим самым четко ограничиваются границы историографического факта по отношению к тем, которые таковыми не являются, а также подчеркивается мысль о том, что историографические факты существуют и «действуют» как часть не только исторического факта, но и духовного освоения человечеством действительности в целом.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 102.

ГЛАВА IV

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В последние годы помимо изучения историографического факта, критериев его оценки и анализа выдвинулась проблема историографического источника и в целом спектр вопросов, объединенных общей темой «Историографическое источниковедение». Их исследование в современных условиях приобретает большое теоретико-методологическое значение, они тесно соприкасаются с теорией исторического познания. От историографических источников, полноты, их репрезентативности, информационной достоверности, объективности, уровня обработки, научной критики и методов использования во многом зависят качество и эффективность историографических исследований.

Теоретико-методологические аспекты историографического источниковедения приобретают все больший смысл в обобщении достижений советской историографии и постановке новых, нерешенных до сих пор проблем.

Нельзя не учитывать и того, что современные буржуазные источниковедение и историография отрицают объективный характер как источника, так и факта, подвергают сомнению возможность их научной интерпретации и выдвигают идею подмены исторической реальности источника «опытом историка», что на деле означает подмену реальности источника «ощущениями» исследователя¹. Отпор подобным взглядам необходимо аргументировать привлекая материалы историографического источниковедения.

Тема «Историографические источники» в отличие от отечественного источниковедения, насчитывающего более чем двухсотлетние традиции, находится пока в стадии становления и изучена еще недостаточно². Положи-

¹ См.: Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.

² Отдельные положения на этот счет были высказаны М. В. Нечкиной, И. Д. Ковальченко, Л. Н. Пушкаревым, Е. И. Городецким, С. О. Шмидтом, В. П. Наумовым, М. С. Волиным, В. В. Ивановым (см.: Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980; Варшавчик М. А. Об источниках изучения историографии истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1973.

тельным является то, что ныне преодолено бытовавшее ранее мнение, что историографические факты одновременно являются и основными источниками для исследователя-историографа, которое на деле приводило, как уже отмечалось, к смешению объекта исследования и источников их познания. Предприняты также первые попытки конкретизировать понятие историографического источника.

Исходя из того положения, что историографический источник — часть исторического, Л. Н. Пушкарев дал приемлемое для начального этапа изучения проблемы определение: «...под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки»¹. Еще более лаконично высказался С. О. Шмидт, который считает, что «историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений»².

Обосновывая свою мысль, Л. Н. Пушкарев указал, что в то время, как главным и основным типом историографического источника являются письменные источники, историограф не может обойти, например, фольклорные, этнографические данные, а в наше время — материалы фотофонодокументов и др. Отсюда его категорический вывод: «Любой исторический источник, касающийся хотя бы косвенно фактов истории исторической науки, может быть отнесен к числу историографических источников»³. Такое толкование вызвало возражения Е. Н. Городецкого, задавшего вопрос: «Относится ли исторический источник, не содержащий в себе прямых данных по истории науки, но отражающий «микроклимат», т. е. общественную атмосферу, которая через ряд посредствующих звеньев влияет на развитие исторической науки, к историографическим источникам?» Приведя соответствующие примеры из истории исторической науки, он заключил: «Определение историографического источ-

---

№ 11; *Варшавчик М. А., Спирин Л. В.* О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978. С. 130—143; *Маслов Н. Н.* Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983. С. 22—23; и др.).

¹ *Пушкарев Л. Н.* Определение, оптимизация и использование историографических источников//Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки... С. 102, 103.

² Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки... С. 112.

³ Там же. С. 103.

ника нуждается в большей масштабности», оно должно включать «...материалы, которые важны и необходимы для понимания процесса развития исторической науки»¹. В действительности мнение о том, что присутствие в историческом источнике только непосредственных данных по истории исторической науки или только пригодность его для познания историографических явлений, было приемлемым для того уровня развития историографии, когда она в основном ограничивалась рамками лишь истории исторической мысли или истории исторических концепций. Такая ситуация в какой-то мере сравнима с тем уровнем развития источниковедения, при котором в историческом источнике искали только ответ на вопрос, что он таит для познания конкретных исторических фактов, без должного понимания ее теоретико-методологических аспектов.

Л. Н. Пушкарев поставил на обсуждение также вопрос о классификации историографических источников. Он выдвинул мысль о том, что классификационная схема, выработанная советским источниковедением, в известной мере приложима к историографическим источникам; конкретная же классификация зависит, по его мнению, от целей, которые ставит перед собой историограф². С ним вновь полемизирует Е. Н. Городецкий, отметивший, что при данной постановке вопроса утрачивается объективная основа классификации. Другое возражение принадлежит С. О. Шмидту, который заметил, что нет достаточно серьезных оснований переносить механически на историографические источники понятия о «типах» исторических источников, о важности тех или иных разновидностей их, критериях систематизации и т. д. Он также считает, что иерархия историографических источников может не совпадать с соответствующей иерархией исторических источников³.

М. А. Варшавчик, рассматривая круг источников по историографии истории КПСС, ввел в науку следующую дефиницию: «Источниками по историографии истории КПСС являются *все материалы, непосредственно* (курсив наш.— А. З.) отражающие формирование, направле-

¹ Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки... С. 120.

² См.: Пушкарев Л. Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников//Методологические и теоретические проблемы... С. 103.

³ См.: Методологические и теоретические проблемы... С. 112, 113.

ние, состояние и перспективы развития историко-партийных знаний»¹. Данное определение, на наш взгляд, более емкое и полное, чем предыдущие. В отличие от М. А. Варшавчика Н. Н. Маслов относит к историографическому источнику только «...труд ученого-историка, воплощенный в статье, монографии, диссертации, рукописи, стенограмме или магнитофонной записи»².

Оценивая в целом современное состояние изученности историографического источниковедения, можно сказать, что оно находится пока на этапе «первоначального накопления знаний», так как не решены до конца многие теоретические аспекты, не выяснен механизм «перехода» историографического источника в «ранг» историографического факта, не выработан понятийный аппарат, соответствующий современному уровню развития историографических знаний.

В этих условиях предлагается следующее определение: историографическое источниковедение — это система знаний о закономерностях поиска, обработки и использования источников, применяемых в историографии. Соответственно *историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования*. Они используются наряду с историографическим фактом для установления закономерностей возникновения и развития историографии.

Данная трактовка опирается на триединую, основу: современное понимание предмета историографии, характеристику историографического факта, толкование назначения исторического источника. Эти ключевые явления историографии, изученные в едином контексте, должны прояснить содержание историографического источника. Рассмотрим их подробнее.

Предмет историографии — познание закономерностей возникновения и развития исторических знаний — по отношению к историографическому источнику выступает доминантой, он определяет круг используемых источников. На это обстоятельство с точки зрения исторического источника, обратил внимание академик Н. М. Дружи-

---

¹ Варшавчик М. А. Об источниках изучения историографии истории КПСС. С. 100.

² Маслов Н. Н. Некоторые актуальные вопросы методологии историографии истории КПСС. С. 11.

нин. Он пишет: «Привлечение нужных источников... определяется продуманной и ясно сформулированной проблемой темы»¹.

Это исходное положение объясняет многое в характеристике историографического источника, но не все. Для историографа, как и для историка, источник первичен, из него извлекается факт. Закономерности историографии раскрываются сквозь призму деятельности субъекта — историографа, что не может не повлиять на трактовку историографического источника, и в частности на то место, которое он займет в познаваемом процессе. Требованием к историографическому источнику должно быть присутствие в исходном для него материале «историографичности», понимаемой в двух планах: наличие в нем элементов историографической информации; возможность его использования с целью установления закономерностей историографии. Вместе с тем М. В. Нечкина заметила: «...делать только наличие историографических данных основным требованием, определяющим понятие историографического источника... кажется недостаточным... потому, что в этом случае происходит соединение, слияние как бы понятия историографического источника с критерием отбора историографических фактов»². Эта мысль правомерна. На деле в круг исторических источников включаются и такие, которые, на первый взгляд, возможно, и не несут на себе прямой «историографической нагрузки», но связаны с условиями, в которых осуществляется социальная функция исторической науки.

Одной из центральных задач методологического анализа историографического источника является исследование процесса возведения его в «ранг» историографического факта, а затем его использование в историографическом труде. Осуществление данного процесса невозможно без теоретического осмысления второй части выдвинутой впереди триады — соотношения историографического источника и историографического факта.

Современный уровень исследованности исторического источника отражен в работах В. И. Буганова, С. Н. Валка, М. А. Варшавчика, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Литвака, О. М. Медушевой, Л. Н. Пушкарёва,

---

¹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1974. С. 97.

² Методологические и теоретические проблемы... С. 136—137.

Н. И. Приймак, А. П. Пронштейна, М. Н. Тихомирова, Г. А. Трукана, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта и др.¹

Материалы и теоретические обобщения этих авторов позволяют поставить и решить вопрос о том, что является общим и каковы различия между историческим и историографическим источниками, между последними и историографическим фактом.

Объединяющие их реалии в общих чертах таковы: они в равной мере являются историческими и духовными явлениями, существующими независимо от исследователя, воспринимаемыми в их тесной связи со временем их возникновения; историографический источник должен отвечать всем главным характеристикам исторического источника², а их использование включает в себя основные звенья сложившейся источниковедческой и историографической практики. Если исторический источник, по замечанию С. О. Шмидта, интересует историка как носитель определенной информации об историческом факте³, то историографический источник интересует историографа также с позиции его информативности о факте историографическом; диалектика их познания и объяснения основывается на общеметодологических

---

¹ См.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения// Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения: Учебное пособие. М., 1977; Варшавчик М. А. О предмете и основных принципах марксистско-ленинской методологии исторического источниковедения//Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных, исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции (Новороссийск). М., 1979; его же. Историко-партийное источниковедение. Теория: методология, методика. Киев, 1984; Пронштейн А. П., Лубский А. В. Методологические проблемы источниковедения в современной советской литературе//Там же; Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке вопроса)//Там же; Литвак Б. Г. О критериях определения достаточности источниковой информации в исторических исследованиях//Там же; Трукан Г. А. Развитие источниковедения истории советского общества//Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1978; Приймак Н. И. Советское источниковедение ленинского наследия. Л., 1980; Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации//История СССР. 1982. № 3; Буганов В. И., Трукан Г. А. Источниковедение отечественной истории на современном этапе//Вопросы истории. 1983. № 3.

² См.: Вопросы истории КПСС. 1973. № 11. С. 100.

³ См.: Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения// Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 26.

принципах партийности и историзма и исходит из объективности источников и фактов; при помощи источников реконструируется прошлое и отражается настоящее исторического процесса; на основе историографических источников и историографических фактов создается прошлое и настоящее истории исторической науки, предвидится ее будущее; социальная характеристика, классовая пристрастность и заинтересованность характерна как для историографического источника, так и для историографического факта. В знании «истории» источника и факта имеется также общее, связанное главным образом с той информацией, которую они поставляют. Наконец, аксиомой является то, что состояние источниковой базы у исторического и историографического труда, уровень и степень изученности источников и фактов — одна из важных определяющих черт развития исторической и историографической мысли, идей и научных концепций.

При единой генетической общности источника и факта между ними имеются и различия.

Историографический факт по своей функциональной нагрузке шире, чем историографический источник, а круг последних соответственно уже, чем историографические факты. Объясняется это несколькими обстоятельствами историографического и источниковедческого характера. Не каждый историографический факт «материализуется» в источник, доступный для широкого изучения (например, материалы лаборатории историка, рукописи книг и диссертаций, неизданные стенограммы дискуссий, научных конференций и т. д.); уже известные исследователю историографические факты порой становятся предпосылкой для поиска новых, неизвестных или малоизвестных ранее историографических источников; историографический факт воссоздается на базе комплекса источников; установлено также, что в процессе формирования научного фактического знания преодолеваются неполнота, разорванность источников; научное историографическое исследование всегда полнее и шире источников, на которых оно базируется, так как оно не только обобщает данные источников, но и опирается на теоретическое знание.

Процесс перехода исторического факта в историографический источник и его использование в историографическом труде показан А. М. Сахаровым на следующем примере из истории Киевской Руси. Известно,

что дорогобужцы убили конюха князя Изяслава, за что им было велено уплатить штраф в 80 гривен. Этот факт послужил одним из источников для составления «Русской Правды», которая сама по себе стала фактом законодательной мысли определенной эпохи. «Русская Правда», в свою очередь, послужила источником формирования концепции Киевской Руси в трудах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова и других исследователей. Данная концепция является источником оценки состояния изучения в историографии 30—50-х годов эпохи феодализма в СССР. Войдя же в учебник по историографии, эта концепция является для последующих исследователей источником, характеризующим состояние изученности проблемы на современном этапе¹. Данная по сути семичленная схема с соответствующими коррективами применима для понимания соотношения факта (исторического и историографического) и историографического источника. Поправка касается лишь одного: концепция, войдя в исторические труды и учебники, является уже не только источником, но и историографическим фактом.

Актуальным представляется вопрос о путях использования историографического источника, тем более что он слабо разработан в существующей литературе. Историограф, как писал А. И. Данилов, понимает, что «появление каждого нового направления в исторической науке всегда находило выражение не только в рассмотрении исторической действительности на основе новых идейно-методологических принципов, но и в выработке новых источниковедческих приемов, новой методики изучения и использования исторических документов применительно к тем проблемам, которые интересуют представителей этого направления»². Процесс работы над историографическим источником во многом совпадает по сложности с работой над историческим источником. В. О. Ключевский в своих «Комментариях» к курсу лекций по источниковедению писал: «...исторический материал, заключенный в источнике, не дается сразу... чтобы исчерпать исторический источник надлежащим образом, его нужно понять и разобрать, отде-

---

¹ См.: Сахаров А. М. Методология и методика историографического исследования // Методологические и теоретические проблемы... С. 81—82.

² Данилов А. И. Проблема аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958. С. 9.

лить в нем нужное от ненужного. Для этого требуется предварительная его разработка и расчистка, изучение и истолкование памятника»¹.

В историографическом труде можно, на наш взгляд, принять за основу с некоторыми коррективами этапы истолкования источника, предложенные Н. М. Дружининым² и советскими источниковедами и сведенные в схему Н. Н. Масловым³. Они включают в себя выявление, отбор и проверку достоверности историографических источников в связи с избранной темой и конкретными задачами исследования; аналитический анализ и критику источников; синтетический анализ всей совокупности источников с целью установления связи между образовавшимся комплексом источников.

Специфика задач историографии показывает, что выбор самого историографического источника как и факта — это уже, по существу, начало его осмысления. Поэтому он должен проводиться на основе совокупности знаний, почерпнутых как вне источника, так и внутри него. Среди первых особое значение имеет теоретико-методологическая ориентация историографа; играет свою роль и *принятая гипотеза по использованию источника*.

В свете упоминавшейся уже ленинской идеи о необходимости изучения всей совокупности относящихся к вопросу фактов, без единого исключения, ясно, что в основу историографического отбора должен браться комплекс историографических источников по изучаемой проблеме. В нем особую ценность представляют те источники, которые дают возможность изучить формирование исторических знаний в их контексте с социально-экономическим и политическим развитием общества.

Репрезентативность — представительность научной базы историографического исследования, связанная с проблемой качественной полноты исторической информации, является важным фактором, обеспечивающим объективность результатов исследования⁴. Различные периоды развития историографии имеют свои специфически ценностные историографические источники.

¹ *Ключевский В. О.* Соч. Т. 6, С. 479.

² См.: *Дружинин Н. М.* Воспоминания и мысли историка.

³ См.: *Маслов Н. Н.* Некоторые актуальные вопросы методологии историографии истории КПСС. С. 22—23, 107 и др.

⁴ См.: *Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение. С. 116, 117.

Следующее замечание касается классификации и систематизации историографических источников. Обще-принятым можно считать, что целью этой работы является достижение объективной истины в процессе общения разных видов источников. Поэтому нельзя целиком согласиться с мнением Л. Н. Пушкарева о том, что систематизация имеет «служебную», «вспомогательную» задачу¹. Наоборот, работа в области систематизации играет большую роль в подготовке историографических источников к их использованию в историографическом труде. Историографические источники можно классифицировать по следующим принципам: классовому происхождению, авторству, видам.

Методы и методика, применяемые в историографическом источниковедении, в основном те же, что в историографии и в источниковедении. Поэтому необходимо охарактеризовать методы обработки источников, применявшиеся предшественниками и автором данного исследования. Важное значение имеют свои специфические методы. Их методологическая основа раскрыта В. И. Лениным в «Предисловии к брошюре «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков», где предлагается размышлять, сопоставлять, делать выводы из документов². Эти выводы достигаются с большей плодотворностью при применении к источнику, в синтезе историографической и источниковедческой критики, сравнительно-исторического, ретроспективного, синхронного и других методов³, составляющих отдельные звенья в общей цепи познавательной работы историкографа. Применение на практике указанных методов дает возможность показать политические, классовые интересы исследователей исторического процесса, закономерности историографии, соотношение эмпирического и теоретического уровня в историографическом источнике, позволяет формулировать выводы и обобщения.

Применяя отмеченные методы, следует знать, что диалектическая связь объективного и субъективного проявляется в историографическом источниковедении в следующих аспектах: сам источник (например, труд ис-

---

¹ См.: Методологические и теоретические проблемы историографической науки. С. 105.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 83—84.

³ См.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР/Под ред. В. Т. Пашуто. М., 1978.

торика) выступает как субъективное по отношению к объективной реальности — историческому процессу, отражаемому историографом; историограф, работающий с историографическим источником, относится к нему как субъект к объекту¹.

Изучение теоретико-методологических и методических аспектов историографического источниковедения позволяет охарактеризовать более рельефно и сам их состав. Первыми среди них являются произведения и особенно творческая лаборатория основоположников научного коммунизма, значение которых, конечно, выходит далеко за рамки историографического источника. Их анализ, с точки зрения исследуемой проблемы, включает в себя несколько направлений. Среди них выделяются следующие: изучение истории применения К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным положений диалектического и исторического материализма при анализе источников; исследование классических примеров использования разнообразных по своим видам и содержанию групп источников для создания историографических сочинений (К. Маркс, «Теории прибавочной стоимости», составляющие IV том «Капитала»; В. И. Ленин. «Предисловие к сборнику «За 12 лет», предисловие к брошюре «Карл Маркс» и др.); выявление приемов научной критики и классификации источников классиками марксизма-ленинизма; изучение в целом источниковой базы произведений основоположников научного коммунизма и ее влияния на расширение проблематики их творчества; использование советской историографией трудов Маркса, Энгельса и Ленина как образцов в работе с историографическими источниками и значение этого для современной историографии.

К историческим источникам первостепенной важности относятся: программы и уставы партии, документы съездов и конференций КПСС, протоколы, решения и постановления Центрального Комитета партии. Они оказывают огромное влияние на развитие исторической науки, определяют ее задачи и нацеливают на исследование актуальных проблем. Партийные документы дают оценку явлениям, касающимся не только истории партии, но и в целом исторических событий, указывают на перспективу их развития. В этом кроется многогранное

---

¹ См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. С. 221.

значение этого сложного по составу комплекса источников.

Анализ данной группы документов, с точки зрения историографического источниковедения, предполагает изучение процесса их разработки и выявление исторических источников, которые легли в основу партийного документа. В этом плане работа историографа близко соприкасается с деятельностью источниковеда. Специфически историографическая работа включает анализ того, *как, когда, в каких работах* тот или иной источник введен в историческую науку, изучает социально-классовую и мировоззренческую суть источников, показывает их теоретико-методологическое значение для развития историографии. Следовательно, историографический источник этого вида может быть поставлен в ряд научных исследований, относящихся к съездовским материалам, анализируемых, по словам В. И. Ленина, как некое «цельное» явление¹.

К указанной группе источников вплотную примыкает такой источник, как произведения деятелей КПСС и Советского государства, в которых дается анализ истории и современной деятельности партии и государства. В этом плане эти источники имеют официальный характер. Но этим не ограничивается историографическое значение данных источников.

Выдающихся деятелей партии и государства отличает умение распознавать объективные тенденции общественного развития, способствовать успешному восприятию их народными массами, руководить претворением в жизнь политики партии. Поэтому в историографии ценен показ вклада отдельных деятелей в развитие исторической науки, воссоздаваемого не только по их докладам и выступлениям, но и по подготовительным материалам, сохранившимся, в частности, в личных фондах, воспоминаниях и т. д. Задача историографии состоит в том, чтобы показать, как оценки, данные руководителями партии, воспринимались и развивались в трудах советских историков.

Одними из самых многочисленных историографических источников являются труды историков. В отличие от исторического источниковедения, относящего их к так называемым историческим пособиям, историографи-

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 190.

ческое источниковедение уделяет им первостепенное внимание. Но труды есть главные историографические факты. Поэтому историографическое источниковедение вырабатывает к ним свое специфическое отношение. Историограф характеризует источниковую основу книги и статьи, их богатство (или узость), методы и методику обработки и показывает ее влияние на развитие исторической науки. Его также интересует весь процесс «введения» в науку произведения историка, постановку его в определенный ряд.

К историографическому источнику можно отнести диссертационные исследования. Их ценность возрастает в связи с тем, что, оставаясь в большинстве случаев неопубликованными, они в совокупности в какой-то мере характеризуют уровень развития исторической науки на отдельных этапах ее существования.

Изучение творческого пути историка, его лаборатории включает в себя наряду с научными трудами, подготовительные материалы к ним, тексты лекционных курсов, часть из которых послужила основой историографических исследований, черновики неопубликованных рукописей, корректуры, дневники, мемуары, автобиографии, анкеты, письма и пр. Изучение этих источников необходимо для исследования ряда историографических проблем, прежде всего процессов преемственности научной мысли и «приращения» знаний, истоков эволюции исторических концепций, особенностей формирования научных взглядов и творчества отдельных историков, полемики между ними, за которой нередко крылись взаимоотношения научных школ, направлений и т. д.

Историограф, изучая этот источник (особенно мемуары), не вправе «забывать», что в нем зачастую присутствует не критическое отношение к своим единомышленникам. Возможен и противоположный вариант — необъективное отношение к представителям других школ и направлений. Следовательно, задача историографа заключается в том, чтобы выяснить политические и идеологические цели авторов мемуаров и литературы эпистолярного жанра, отделить в них объективное от субъективного, выделить по возможности степень правдивости и откровенности.

Исследование указанной категории историографических источников имеет свою специфику, в какой-то мере

уже изученную в историографической литературе¹. Она заключается, в частности, в том, чтобы выяснить побудительные мотивы создания мемуарных произведений, вскрыть и элементы субъективизма и тенденциозности в творческой работе. В тех случаях, когда в мемуары включаются исторические источники, выдвигается задача выявления их документальной основы, способов и приемов их обработки и исследования. Особо следует подчеркнуть то, что данная группа источников имеет большое значение для исследования социально-психологических моментов творчества, познания индивидуальных особенностей автора источника и т. д.

К историографическим источникам относятся учебные программы и отчеты по прочитанным курсам историографии. Они служат решению следующих задач: изучению деятельности научных центров, процесса становления историографии как научной дисциплины, специфики формирования и деятельности отдельных историографов и т. д.

М. В. Нечкина предложила включить в качестве историографических источников также и те, которые объясняют эпоху, когда жил и творил историк, его связь с определенным классом, идейным течением². В этом предложении есть глубокий смысл, так как оно исходит из методологических принципов историзма и партийности, а также из марксистско-ленинского положения, гласящего: источник — социальное явление. В действительности нельзя понять и оценить исторические концепции вне их связи с эпохой, классовой борьбой и идейными течениями времени их создания³. Уместно в связи с этим напомнить, что еще М. Н. Покровский в рецензии на книгу Лаппо-Данилевского

¹ См.: Колосов Э. В. Личные архивы историков и историография//Советские архивы. 1971. № 4; Демина Л. И. Мемуаристика русских архивов XIX — начала XX в. как историографический источник//Советские архивы. 1982. № 1; Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.; и др.

² См.: Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки... С. 137.

³ Такой подход показывает несостоятельность неокантианских представлений об источнике А. С. Лаппо-Данилевского, высказанных в книге «Методология истории» (Спб., 1913. Т. II). Автор связывает методологию источниковедения лишь с познавательной деятельностью историка как «реализованного продукта человеческой психики» (Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед//Вопросы истории. 1949. № 8).

«Методология истории», опубликованную в 1923 г., критикуя ее теоретические основы, писал: «Он (Лаппо-Данилевский.— А. З.) берет книжку, абсолютно оторванную от той среды, где она сложилась. Для него книжка есть книжка. Когда и где написана, до Рождества или после Рождества, в Африке, Японии или Китае, ему все равно»¹. Историографический опыт изучения источника как продукта определенной социальной среды и идейных течений своего времени, симпатий и антипатий его автора дает возможность вскрыть закономерности его (источника) функционирования.

Ценна как историографический источник печать — периодические и непериодические издания. Содержащийся в журналах, научных бюллетенях, информационных и реферативных обзорах (и в какой-то мере в газетах) материал, особенно обзоры литературы и рецензии, доводят до сведения исследователя ранее других источников существующие концепции, взгляды, мнения, достижения исторической науки и указывают на пробелы в ее развитии. Они являются для историографа показателем состояния исторического знания. Зачастую журналы или сами проводят, или публикуют материалы дискуссий и обсуждений научных работ. Наконец, библиографические обзоры или списки выходящей в свет литературы — это специфические лоцманы в начальном пути творчества историографа. В работе с данным источником важно понимание специфики классического триединства — что, где, когда публиковалось в периодике.

Для историографии имеет значение источник, отражающий работу конференций, симпозиумов и других форумов по проблемам развития исторической науки, а также методологии историографии. В этом ряду большую ценность представляют неизданные документы Проблемных советов — «История исторической науки» и «Методология и историография истории КПСС».

Историограф не может обойтись без материалов по истории исторических учреждений и подготовки кадров историков, составляющих один из видов историографических источников. Особое значение среди них имеют те, которые отражают динамику создания, реорганизации и деятельности центров исторической науки, подго-

---

¹ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М., Л., 1933. Вып. II. С. 98.

товку и переподготовку кадров науки, материальную базу исторической науки и пр. В них содержится материал, необходимый для понимания закономерностей развития истории исторической науки.

Нуждается в специальном историографическом изучении вопрос о массовых источниках. Если к ним отнести статистические материалы и справочники о развитии истории исторической науки, то они приобретают характер историографического источника.

Перечень историографических источников не может считаться завершенным. Историограф в большинстве случаев работает с комплексом фактов и источников, отражающих реальные события истории исторической науки, но отсутствие источников вовсе не означает, что историографический факт не имел места.

Историографическое источниковедение имеет еще одну важную грань, которая выходит за пределы собственно предмета данной отрасли знания, но входит составной частью в историографическую работу. Имеется в виду изучение историографом истории накопления и введения в научный оборот самих исторических источников. Эта общая цель включает в себя несколько задач: установление влияния источниковой базы на формирование новых идей, взглядов, концепций, ее расширение или сужение; определение методики обработки и обобщения источников; выявление наличия в исторических трудах ссылок на первичное введение в научный оборот источников и т. д. Следовательно, если исторический источник может быть глубоко понятным как в своем первичном (с точки зрения его создания и служебной субстанции), так и во вторичном качествах (с точки зрения изучения его историком), то историографический источник уже выступает на третьем уровне — его использования и интерпретации в историографическом труде.

Перечисление круга историографических источников показывает необходимость анализа взаимосвязей различных групп и комплексов источников исходя из целей предпринимаемой историографической работы, что, однако, не исключает специфического подхода к каждому из них.

Структура историографических источников весьма богата. Она включает в себя следующие составные части: источники, связанные с процессом формирования и методологией, использования в науке исторических

знаний; источники, отражающие классовые и идейные условия формирования исторической науки, психологию исторического творчества и др.

В иерархии исторических источников центральное место занимают генерализующие, среди которых главный массив — это источники, связанные с исторической литературой. Остальные входят в систему источников, которые трудно распределить в окончательно установленную схему.

Ведущими критериями оценки историографических источников являются общеметодологические принципы: партийность, историзм, которые в своей совокупности служат в конечном итоге делу установления закономерностей историографии.

Знания по историографическому источниковедению нужны, однако, не только для понимания закономерностей историографии. Они играют большую роль в выявлении объективной историографической истины и других моментов историографии, объединенных в понятие «теоретико-методологические аспекты историографии».

МОДЕЛЬ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ

Историографический труд, создаваемый по общим законам науки, прежде всего исторической науки, имеет свою специфику, вызванную предметом и целями историографического повествования, логикой научного познания. Он служит задаче не только дать читателю объективное представление о закономерностях формирования и развития историографии, но и изложить их в такой последовательности, системе и форме, которые наиболее полно и всесторонне отражали бы историю исторической науки.

Как и другие общественные науки, историография имеет познавательную, теоретико-методологическую, идеологическую и прогностическую функции, находящиеся в диалектическом единстве.

Познавательная функция историографии проявляется в двух уровнях: низшем и высшем. Низший уровень связан с выявлением истории накопления исторических знаний, их систематизацией и унификацией для подготовки к историографическому анализу. Высший уровень проявляется в процессе обнаружения механизма историографического творчества.

Теоретико-методологическая функция направлена на формулирование закономерностей и законов развития историографии, а также принципов и методов, применяемых с целью их объективного познания.

Идеологическая функция связана с участием историографии в осуществлении задач коммунистического воспитания трудящихся и в борьбе с идейными противниками марксизма-ленинизма. Эта общая задача конкретизируется так: историография вместе с другими отраслями общественнознания воздействует непосредственно и опосредованно на общественное сознание масс для восприятия ими революционных и прогрессивных воззрений и одновременно выступает против реакционных, шовинистических и националистических идей; историография участвует также в общем процессе культурного и образовательного развития трудящихся. Велика ее роль в борьбе с фальсификацией истории нашей родины, истории КПСС. Своими трудами историография

выступает против идеализации исторической действительности и исторических деятелей, в том числе и отдельных ученых-историков, т. е. способствует их объективной оценке.

Прогностическая функция направлена на выявление дальнейших путей развития науки, определение тем, проблем, вопросов, нуждающихся в исследовании и разработке.

Структура историографического труда¹ (исходя из функций историографии) может быть представлена моделью, включающей следующие элементы:

Введение.

Методология исследования.

Фактическая и аналитическо-синтетическая части.

Прогностическое звено.

Заключение.

Введение. Оно рассматривает следующие вопросы: предмет, цели и задачи историографии; современные требования, предъявляемые к историографическому сочинению. Введение может состоять из таких частей: постановка темы, ее значение и актуальность; обоснование цели и задач (общих и конкретных) исследования; обзор и анализ имеющейся историографической литературы (историография историографии).

Выбрать тему в науке — весьма трудное и ответственное дело; недаром бытует афоризм: хорошее начало — наполовину выигранное сражение.

Возникновение и постановка новой историографической темы (проблемы) вызывается рядом обстоятельств: потребностями общественно-политического развития общества и деятельности партии; логикой развития историографической теории и практики, которые включают в себя новые историографические факты, нуждающиеся в истолковании, неисследованностью темы в целом или в отдельных ее составных частях; возникновением новых аспектов в уже изученной проблеме. Эти факторы, взятые в их совокупности, говорят о том, что выбор историографической темы, как правило, не может явиться результатом случайных обстоятельств или стихийно появившегося исследовательского интереса. Мыс-

---

¹ См.: Уваров А. И. Структура теории в исторической науке// Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1965. Вып. 3; Городецкий Е. Н. Историографическое введение к историко-партийному исследованию// Вопросы истории КПСС. 1985. № 1.

ли Н. М. Дружинина о выборе исторической темы исходя из ее неисследованности вполне адекватны и для темы историографической. Он пишет: «Если тема вовсе не изучена или изучена очень слабо, если ее научное исследование делает яснее и правильнее наше представление о ходе исторического процесса, если результатом задуманной работы будет опровержение искажающей действительность вредной концепции, выбор темы будет оправдан и оплодотворит движение коллективной научной мысли. Конечно, исследователь должен быть уверен, что его замысел не явится холостым выстрелом, что в его распоряжении имеются соответствующие источники, которые действительно прольют свет на выдвинутую проблему»¹.

Изучение историографических тем ведется на разных уровнях: глобальных — формация, эпоха; региональных, локальных, ограниченных во времени и т. п. Все сферы социальной, политической, экономической и идеологической жизни общества, отраженные в трудах историка, являются предметом историографического исследования. Историограф, посвятивший свой труд, например, ограниченной в хронологическом плане проблеме, должен иметь в виду, что она не может быть понята и отражена без углубленного проникновения в закономерности историографического творчества в целом.

Общая цель историографического труда состоит в выявлении закономерностей и тенденций развития исторической науки. В соответствии с этим задачами историографического исследования являются: установление новых теоретических положений и освобождение науки от неоправдавших себя ложных и односторонних выводов и заключений; формирование историографической концепции; рассмотрение преемственности и поступательности развития научной исторической мысли. На основе цели формируются конкретные задачи исследования и намечаются пути их решения.

Что касается обзора и анализа историографической литературы, то их современное направление сложилось в трудах академиков Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, Л. В. Черепнина, профессоров Н. Л. Рубинштейна, В. П. Наумова и других советских ученых². Такое

¹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. С. 89.

² См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа Н. Д. Киселева. М., Л., 1946. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы; Нечкина М. В. Движение декабристов. В 2 т. М., 1955;

утверждение не исключает того факта, что сама историография как научная дисциплина возникла в середине XIX в. как учебная дисциплина. Довольно быстро расширив свои информационные функции, перерастая рамки предисловий исторических трудов, она превращается в особую отрасль исторического знания в трудах С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. В. Лашнюкова, М. О. Кояловича, В. С. Иконникова, В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского.

Обзор литературы должен дать обоснованное представление о проделанной предыдущими и нынешними поколениями историографов исследовательской работе, подтверждающей, в свою очередь, необходимость и целесообразность постановки новой темы. М. В. Нечкина по этому поводу писала, что только в таком плане можно избежать бесконечное повторение известного и не выступать «незаслуженно в роли первооткрывателя»¹. У автора историографического введения должно быть «...правильное понимание современного состояния освещаемого им вопроса. Такой автор,— заключала Нечкина,— ясно ощущает, где находятся «точки роста» в избранной проблеме, в чем ее актуальные неисследованные аспекты»². Как показывает опыт, обзор литературы дается на основе принципа историзма: это помогает выявить этапы изучения проблемы, вскрыть классовые корни идей и взглядов, победу и утверждение марксистско-ленинской концепции в науке.

В обзоре присутствует и анализ буржуазной историографии, которая в общем виде делится на прогрессивную и реакционно-фальсификаторскую. Методологические основы критики фальсификации истории разработаны в советской историографии³. О социальных и гносеологических корнях антиисторизма буржуазной ис-

---

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960; *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы. М., 1972 и др.

¹ См.: *Нечкина М. В.* Вступительное слово//XXV съезд КПСС и задачи исторической науки. Калинин, 1978. С. 5.

² Там же.

³ См.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки/Под редакцией Галкина И. С. М., 1977; *Салов В. И.* История и современная буржуазная историография. М., 1977; *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории XIX—XX вв. Л., 1979; *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. М., 1980.

ториографии уже говорилось выше. К этому следует добавить: разоблачать буржуазных историков надо, как писал В. И. Ленин, «...всеми силами, но бороться достойно... без всякого хвастовства и литературного наездничества, отнюдь не опускаясь до сплетен и частных сообщений, боящихся света гласности»¹. Ленин также учил, что, критикуя идейных противников, нужно в то же время использовать самих буржуазных авторов для разоблачения их идеологии.

Выступление историков-марксистов против извращения материалистического понимания истории, критика теоретических мировоззренческих и методологических пороков буржуазной историографии вовсе не означает того, что не следует использовать ту сумму фактических знаний, те ценные источники, которые содержатся в трудах, по выражению Ленина, «ученых приказчиков класса капиталистов». Как и что использовать из этих сочинений — об этом писал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм»: задача марксистов состоит в том, чтобы «...суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»... и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, *уметь* вести *свою* линию и бороться *со* *всей* *линией* враждебных нам сил и классов»².

Историографическое введение желательно завершить характеристикой уже называвшегося «триединого историографического вопроса»: проблемы, успешно исследованные предшественниками; вопросы, поставленные в науке, но не решенные и изученные недостаточно, а возможно, и с ошибочных позиций; темы, вовсе не изучавшиеся. Ответы на указанные вопросы должны способствовать пониманию того, как исследуемая проблема возникла, каковы стадии ее изучения, какая борьба идейных течений происходила вокруг нее. Эта часть введения особенно ответственна, так как здесь выявляются степень историографической зрелости исследователя, его профессиональная подготовка, знание им существующей литературы и умение оценивать общие тенденции развития науки.

Во введении желательно присутствие и такого элемента, как построение схемы развития исторической

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 213.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 364.

науки по предпринимаемой работе с обоснованием критериев периодизации.

Историографическое введение ничего общего не должно иметь с обзорографией, когда дано простое перечисление книг и статей, поставленных в «хронологический ряд», без выявления вклада в развитие исторической науки.

Методология исследования предполагает анализ теоретического и методологического значения трудов классиков марксизма-ленинизма, решений съездов партии и ЦК КПСС и работ руководителей партий в становлении и развитии исторической науки, а также характеристику объекта и предмета исследования с позиций исторического материализма. На современном уровне развития методологических проблем исторической науки представляется недостаточным общее, встречающееся в каждом исследовании советского историка утверждение о том, что методологическую основу его труда составляют идеи Маркса, Энгельса, Ленина. Необходимо раскрыть, в чем конкретно для данной темы заключается методологическая функция марксизма-ленинизма.

В историографическом труде важно не только раскрыть теоретико-методологическое значение марксизма-ленинизма для исследования изучаемой темы, но и показать процесс овладения историками марксистско-ленинскими принципами и методами исследования, утверждение научной концепции Маркса, Энгельса, Ленина. Это непрерывное явление протекало для разных отраслей исторического знания в разное время в зависимости от проявления объективных и субъективных факторов. Методологический аспект историографии проявляется еще одной гранью: ее интегрированность в современность, что расширяет ее социальную, политическую и идеологическую функции, углубляет роль в жизни общества.

При характеристике трудов классиков марксизма-ленинизма весьма важно показать их взгляды и идеи в развитии и тесной связи с изменением задач, стоящих перед классом и его партией. Высшим достижением историографического введения должен явиться показ лаборатории творчества В. И. Ленина и его великих учителей — К. Маркса и Ф. Энгельса¹.

---

¹ См.: Зевелев А. И. Ленинская концепция историко-партийной науки. М., 1982. С. 8—9, 24—33.

Фактическую часть составляют историографические источники и факты, являющиеся исходными для познания закономерностей развития истории исторической науки. Они представляют основу, на которой строится исследование. Поиск, выявление, фиксация и накопление историографических фактов — важная первоначальная задача историографа.

В поиске историографических источников кроме существующих библиотечных каталогов огромную роль играют именные ежегодные указатели к ряду журналов — «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» и др., а также «Летописи журнальных статей», «Летописи рецензий» и др. Можно считать, что с изучения библиографии и составления библиографии темы (проблемы) уже начинается историографическая работа.

Историографическая библиография, как и историческая, носит «открытый» характер. По мере углубления изучения проблемы она дополняется новыми названиями книг и статей, видоизменяются рубрики, которые составляются исходя из темы исследования в хронологическом и тематическом порядке.

Поиск историографом архивных источников имеет свою специфику. Изучать их целесообразно тогда, когда уже исследованы опубликованные историографические факты и ученый в них достаточно ориентирован, когда они оценены и на их основе начинают складываться контуры научной концепции. Это также относится и к публикациям источников.

Данное утверждение, однако, не универсально. Оно, например, неприменимо к историографическим темам, связанным с историей деятельности центров исторической науки, периодики, подготовки кадров, где главным источником становятся архивные материалы. Приступать к использованию архивных источников имеет смысл тогда, когда историограф изучил историографические факты, раскрыл методы их обработки, применявшиеся предшественниками и самим автором.

Таким образом, поиск и отбор, а в дальнейшем проверка и перепроверка историографических источников — залог прочного фундамента историографического исследования.

Исследование в историографии в большинстве случаев начинается с ознакомления с отдельными, единичными историографическими фактами, хотя не исклю-

чается и обратный процесс — от общего к единичному. Ознакомление с единичными явлениями историографии — необходимый первоначальный этап познания, ибо нет общего вне частного, а в отдельном обнаруживаются черты общего.

Задача историографа состоит в том, чтобы, не абсолютизируя эти категории, уметь увидеть, определить общее, особенное и единичное. Без этого история исторической науки может сбиться на путь описательного уровня, просмотреть закономерное и необходимое.

На первоначальном этапе, в процессе накопления совокупности фактов происходит уже выработка первоначальных суждений и обобщений. Этот этап можно условно обозначить как ознакомительный. Изучение отдельных фактов создает базу для будущих обобщений. Исследование начинается после идентификации и верификации выявленных фактов. Здесь огромную роль имеет системный анализ, задача которого в данном случае определить место единичного в общем.

Дальнейшая историографическая работа предполагает систематизацию и выделение главных (генерализирующих) фактов. Если иметь в виду такой историографический факт, как труды историка, то это прежде всего те из них, которые связаны с прогрессом исторической науки и вносят существенный вклад в общественное знание. Здесь имеют место: новая постановка вопроса; открытие закономерностей исторической науки и новые методы их исследования; новый корпус источников. Словом, главные историографические факты — труды, составляющие золотой фонд исторической науки.

Такой подход отнюдь не исключает, а, наоборот, требует (как уже отмечалось в главе «Историографический факт») учета историографом всех или подавляющего большинства существующих работ по разрабатываемой проблеме, в том числе тех из них, которые не ставили перед собой цели дальнейшего развития отдельных проблем науки и повторяли ранее сформулированные закономерности и выводы, а также тех, которые представляют не историографический, а библиографический интерес, ибо в противном случае неизбежен субъективизм, что, понятно, не способствует созданию полной и всеохватывающей картины общего состояния исторических знаний. Необходимо также заметить, что рассматриваемый отбор зависит не только от темы, но и от характера имеющихся по ней фактов.

Если первоначальная историографическая работа начинается уже на стадии составления библиографии и ознакомления с единичными фактами, то их описание является «элементарной клеточкой» историографического познания. Важно лишь, чтобы на этом не завершилось творчество историографа.

В процессе работы историографу предстоит связать воедино разрозненные факты. Это возможно осуществить на основе аналитическо-синтетической работы.

Анализ и синтез фактов определяются целями и задачами предпринятого исследования. Поэтому обязательным является вскрытие особенностей эпохи, в которой функционировали те или иные факты. Если анализируется исторический труд, то рассмотрение социально-политических взглядов автора (авторов) и отношения к ним современников, учеников и последователей, роли субъективного фактора в их появлении, а также той объективной роли, которую они имели в складывании исторических концепций, направлений, школ и т. д., также входит в синтетическую работу историографа.

В историографическом труде анализ, а затем и синтез зачастую осуществляются при помощи уже достигнутого и зафиксированного знания. Этот в какой-то мере парадокс основан на преемственности историографического знания, когда историограф «не свободен» от мыслей и идей, сформулированных в трудах его предшественников и современников, которые иногда берутся в качестве эталонных. Однако это вовсе не означает, что историограф лишен возможности открывать новые пути, за которыми проглядываются новые тенденции и новая социальная ситуация. Здесь немаловажное значение имеет анализ эволюции историографических фактов и социально-политических факторов, их обусловивших.

В процессе аналитическо-синтетической работы фиксируются идеи и мысли, делаются различные, в том числе критические, заметки, которые можно обозначить как «заготовки» к будущему исследованию. И здесь вновь образцом служит творческая лаборатория В. И. Ленина, например «Философские тетради» (Полн. собр. соч. Т. 29), «Тетради по аграрному вопросу. 1900—1916» (М., 1969), «Подготовительные материалы к книге «Развитие капитализма в России» (М., 1970), 12-томная Биографическая хроника В. И. Ленина. Эти

издания позволяют увидеть и понять, как складывалась ленинская научная концепция истории.

В ходе синтезирующей и обобщающей работы, осуществляемой в единстве («соединение,— писал Ленин,— анализа и синтеза») ¹, из совокупности единичных историографических фактов, включаемых в теорию, выявляются повторяемое, типичное и особенное, которые служат для создания общей картины развития науки, определения закономерностей этого развития. Синтезирующая обобщающая работа в историографии — ее сердцевина и вершина — приводит к установлению общего, повторяемого (или неповторяемого), закономерного.

В аналитическо-синтетической части исследуются и новые методы работы историков с фактическим материалом, и приемы его обобщения, все шире применяемые в партийной и научной работе в последнее время; социологический анализ, социальный эксперимент и т. д.

Анализ и синтез занимают ответственное место в историографическом творчестве, показывая степень зрелости историографических кадров.

Таким образом, научное историографическое сочинение должно базироваться на фактах, собранных упорным трудом, поставленных в хронологический (тематический) ряд, сопоставленных в органической связи друг с другом, проанализированных в свете поставленных целей и задач данного исследования.

Познавательная стратегия историографии приводит к вопросу о понимании сущности историографической истины, путей ее достижения. Будучи в целом сложным объектом гносеологии, она выражается с точки зрения историографии следующей формулой: истина — объективное отражение историографических знаний, зафиксированных в труде историографа. Объективность в историографии, несмотря на «действие» здесь субъекта-исследователя, достигается классовой детерминизацией, выражением идей и взглядов передового класса. Но такое толкование не содержит указаний на то, как достигается и проверяется объективность историографической истины, которая является к тому же истиной социально-мотивационной.

Объективность исторической истины, степень ее соответствия действительным историческим знаниям обос-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.

новывается через общественно-историческую практику, так как последняя формирует как предмет и объект познания, так и субъект познания. Кроме того, знания, воплощенные в практике, в свою очередь, перепроверяются законами объективного мира. В историографии общественно-историческая практика выражается в нескольких направлениях. Прежде всего сама практика историографической работы, ее развитие и усовершенствование содержит в себе известное мерило для оценки последующих этапов исторического творчества. Другими словами, достижения историографии позволяют быть критерием аттестации предшествующих историографических знаний.

Другим критерием проверки объективности истины, ее научности является ее подтверждение посредством эксперимента. Однако в исторической науке, в том числе в историографии, эксперимент не ставится¹, поэтому здесь возможно апеллировать к выявлению повторяемости историографических фактов: это показывает закономерность их появления и функционирования, доказывает истинность исторических знаний.

Выясняя эффективность историографической практики, историограф исходит из нескольких факторов. Историография, пишет М. В. Нечкина, — «...это рычаг внутри исторической науки, который содействует повышению научного уровня исторических исследований»². Но каким образом данный «рычаг» приводится в действие? Известно, что научное познание представляет собой многогранный процесс, в котором ученый проявляет свой профессиональный опыт, исследовательские особенности, опыт, методику работы с фактами и т. д. Историо-

---

¹ Известный советский историк Б. Ф. Поршнев считал, что «наши некоторые работы по тем или иным частным, подчас специальным вопросам, — это в принципе то же самое, что экспериментальное исследование... экспериментальная проверка каких-то идей, поиски подступов к решению той или иной проблемы, подобно тому, как это делается в химии, физике, биологии» (Поршнев Б. Ф. История и социология. М., 1964. С. 153). Н. А. Ерофеев в книге «Что такое история?» ссылается на ряд экспериментов в истории. Он приводит примеры путешествия Т. Хейердала на плоту «Кон-Тики» и на судне «Ра», а также американца С. Морисона, повторившего в 1939—1940 гг. путь Колумба. Руководствуясь судовым журналом Колумба, Морисон установил степень тождественности наблюдений Колумба (см.: Ерофеев Н. А. Что такое история? М., 1976. С. 93).

² Нечкина М. В. Послесловие // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. С. 133.

граф выступает не только в качестве индивидуального истолкователя историографических фактов. Он выражает определенную ценностную позицию, связанную с вовлеченностью в социальную жизнь общества. Но само это явление не действует автоматически. Этот сложный процесс будет неясным без раскрытия общей системы общественной детерминизации. Марксизм-ленинизм в противовес вульгарному материализму не игнорирует роль сознания в истории. Он всегда считал и считает, что наряду с потребностями материального производства, интересами классов необходимо учитывать также и рычаги, приводящие в повседневное движение конкретных массовых участников исторического процесса. Применительно к историографии это означает, что ее концепции, идеи и взгляды появляются не спонтанно. Понять их формирование можно только при выяснении всей гаммы экономических, политических и социальных факторов. В этих условиях субъективизм историографа как бы отступает на второй план.

Успешное проведение историографической работы, поиски истины связаны с применением общеметодологических принципов партийности и историзма, о чем подробно было сказано в специальном разделе работы. Классовый критерий является руководящим принципом и в историографической критике. Выражение определенной классовой точки зрения является для марксизма той лакмусовой бумажкой, которая позволяет определять надежность и достоверность приводимых сведений. Это глобальное направление критики. Сам же анализ и оценка даже самых надежных фактов и источников уже включают в себя критику, первым условием которой является исключение апологетики фактов или их охаивания. Поиск истины перестает быть целью историографического исследования, когда ученый пытается задним числом и ранее других обосновать уже принятые официальные документы, «подладить» к ним имеющиеся историографические факты. «Истину обретают не в декларациях и предписаниях, она рождается в научных дискуссиях и спорах, проверяется в действии», — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии¹.

---

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 85.

Неприемлема и позиция историографа, пытающегося улучшить, ухудшать или приукрашивать информацию, которую несут историографические факты. «...Первое условие всякой критики,— писал Энгельс,— отсутствие предвзятого мнения»¹. Эту же мысль Маркс выразил так: «...человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки... а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами,— такого человека я называю «низким»². Недопустимо для историографа выступать и в роли «прокурора», «судьи», выносящего свой окончательный приговор историографическому факту. Тем более это неприемлемо, когда «обвинения» приводятся с высот современных достижений науки. Научная критика — объективная критика. Поэтому историографу должны быть чужды критика «взахлеб», «похлопывание по плечу» и другая крайность — незаслуженное поношение. «...Критика,— говорил М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций»³.

В процессе критики историографических фактов выявляется качественное состояние исторической науки: ее движение вперед (быстрое, замедленное или, наоборот, состояние застоя); повторение старых выводов и положений; сохранение отживших взглядов, концепций, т. е. регресс. Если имеется в виду не один факт, а их совокупность, то это уже связано с характеристикой целых областей исторической науки на определенных этапах ее развития. В задачу историографической критики входит выяснение социальной и идеологической обусловленности этих явлений.

Выводы и обобщения должны быть объективны и партийно заострены. Оценка историографических фактов основывается на глубоком анализе того вклада, который внесен по сравнению с предшествующими знаниями, насколько он способствует дальнейшему развитию марксистско-ленинской концепции исследуемой проблемы.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II. С. 125.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 193.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 90.

Важнейшей целью историографической критики является получение нового знания. Именно с таких позиций критиковали своих противников классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс, например, в «Предисловиях к трем изданиям» «Анти-Дюринга», писал, что критика им г-на Дюринга «охватывает очень широкую теоретическую область», что вынудило автора следовать за ним (Дюрингом.— А. З.) повсюду и противопоставлять его взглядам свои собственные. «Отрицательная критика стала благодаря этому,— заключает Энгельс,— положительной...»¹ В. И. Ленин в работе «Что делать?» на основе глубоко аргументированной критики «экономизма» и «ревизионизма» обосновал важнейшие положения о партии как революционизирующей, руководящей и организующей силе рабочего движения.

На практике возможны неадекватное восприятие фактов и как следствие этого — различные точки зрения, выводимые из одной и той же суммы фактов. Причины этой «болезни» бывают объективного и субъективного порядка. Их конкретизация показывает недостаточно умелое применение общеметодологических принципов партийности и историзма. «Марксизм,— писал Г. В. Плеханов,— есть безошибочный метод исследования общественных явлений. Но этим методом пользуются люди, а людям свойственно ошибаться»². Причинами заблуждений могут быть слабый учет общественно-исторической практики, невысокий профессиональный уровень исследователей и др.

Таким образом, историографическая работа в широком смысле слова не ограничивается рассмотрением лишь содержания отдельных работ или анализом отдельных фактов и явлений. На основе исходного эмпирического материала историограф призван раскрыть поступательное движение научной мысли, показать процесс ее развития и обобщения новыми идеями и выводами, установить закономерность ее функционирования.

В связи с тем что предназначение самой исторической науки — быть орудием прогнозирования будущего, изучение движения научной мысли всегда должно быть связано не только с констатацией достигнутого, но и с постановкой нерешенных задач, выяснением

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 8

² Плеханов Г. В. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 409.

объективных и субъективных причин этого явления и с возможностью их исследования в ближайшем будущем, т. е. речь идет о *прогностической работе*. Известно, что польза от науки тогда, когда она имеет возможность заглянуть вдаль. Особый смысл при этом приобретает постановка актуальных теоретико-методологических проблем, требующих изучения. Прогнозирование в историографии включает в себя несколько возможностей: прогнозирование на ближайшие и более отдаленные от современности периоды; выдвижение практических задач; определение последствий развития исторических знаний. В реализации этих возможностей непременным условием является диалектическая взаимосвязь общества и прогресса науки, науки и общественно-исторической практики. Стало быть, прогнозировать будущее исторической науки возможно лишь на основе глубокого анализа ее прошлого и современного.

Для реального прогноза необходимо выполнение следующих условий: точный классовый анализ, дающий возможность понимания закономерностей историографического творчества; глубокое осознание специфики историографической отрасли знаний; понимание реальности историографических фактов и возможностей их дальнейшего действия; необходимость избегать постановки вопроса, не подкрепленного теоретико-методологическим обоснованием или, как выразился В. И. Ленин, «...массой обстоятельств, которых нельзя усчитать»¹.

Прогнозировать можно как текущую историографическую работу — проблематику в целом и отдельных ее разделов, методику публикации источников, подготовку кадров и работу научных коллективов и т. д., так и связанную с более длительным отрезком времени.

Прогностическая часть необходима для определения новых задач как самой историографии, так и исторической науки, ее целенаправленного планирования (имеется в виду повышение ее роли в коммунистическом строительстве). От научной точности прогнозирования во многом зависит будущее исторической науки.

Заключение содержит общие выводы, которые фактически представляют научную концепцию автора. Они проверяются общественно-исторической практикой: она или подтверждает, или отбрасывает гипотезу и выводы.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 250.

В первом случае они пополняют арсенал историографического знания.

В отработке заключения прочным подспорьем историографу является методологическая вооруженность, а также научная интуиция.

Подводя итоги опыта историографического творчества видных советских ученых, можно их исследовательскую работу схематично представить следующим образом: выбор и обоснование темы (области изучения), ее утверждение на соответствующем научном форуме; формулирование целей и задач; поиск фактов и источников; составление подробной библиографии, ее систематизация; первоначальное исследование историографических источников и фактов с целью извлечения историографической информации (сначала — опубликованной литературы, затем — опубликованных источников и архивных материалов, биографий историков, работы центров науки, истории подготовки кадров, периодических и непериодических исторических изданий и т. д.); разработка плана исследования: систематизация историографических фактов по главам и разделам работы, при необходимости — уточнение принятого плана; историографическая критика фактов и источников; установление закономерностей и особенностей по исследуемой теме; создание «заготовок», вариантов формулирования предварительных выводов, обобщений и т. д.; завершение написания историографического труда.

Предложенная структура и этапы историографической работы не только взаимосвязаны своими составными частями, но и подвижны. Например, прогностическая часть может быть объединена с заключительной частью, выводы-прогнозы могут содержаться в аналитическо-синтетической части и т. д. Последовательность этапов и направление работы также могут быть изменены. Такая гибкость структуры обеспечивает ее использование не догматически, а с учетом темы и проблемы исследования и, кроме того, качества, формы и объективного значения анализируемых исторических трудов.

Тесно связаны со структурой формы ведения историографической работы. В литературе указываются следующие формы: хронологическая, тематическая, проблемная и биографическая¹.

¹ См.: *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. 2-е изд., перераб. Киев, 1976. С. 160.

В историографии больше, чем в любой другой общественной науке, должна соблюдаться **хронологическая** последовательность в изложении накопившихся знаний, добытых, как выразился Ф. Энгельс, «сменяющимися друг друга поколениями» исследователей¹. Энгельс так определил эту задачу: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме...»² Раскрытие истории добытых знаний в хронологической последовательности — аксиома историографической работы.

Большинство историографов придерживаются **хронологическо-тематической** формы исследовательской работы. Она дает возможность провести классификацию и группировку работ по этапам и темам, рассмотреть развитие науки в целом или отдельных ее проблем с момента возникновения до уровня, достигнутого ко времени, которым ограничено предпринятое исследование. Рамки и особенности этой формы позволяют выявить господствующие идеи, взгляды и концепции авторов исторических трудов, их изменения в процессе развития науки, объективные и субъективные причины, вызвавшие эти изменения. Преимущество этой формы состоит в том, что она способна выявить переломные качественные сдвиги в развитии научного знания, общее состояние науки и отдельных ее проблем.

Хронологическо-тематическая форма не является, однако, универсальной. Порой целесообразнее обратиться к **проблемной** форме. Она особенно пригодна при работе с материалом по сравнительно узким и локальным темам, где требуется выяснить, например, развитие науки за короткий отрезок времени, укладывающийся в один из общепринятых этапов периодизации, или разработать вопрос, составляющий часть общей проблемы, по которой уже имеются обобщающие историографические труды. Использование проблемной формы предполагает установление более дробной периодизации, что помогает увидеть характер приращения знаний, изменения проблематики и т. д.

Биографическая форма имеет свои достоинства, так как позволяет рельефно раскрыть следующие историогра-

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 549.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

фические аспекты: влияние трудов историка на общее развитие исторической науки, значение их вклада в науку; гносеологический аспект творческих поисков; вопросы психологии научного творчества и этики ученого и т. д.

По трудам историка можно судить о состоянии развития исторической науки: ее общем уровне, выполнении исторической наукой своей идеологической функции, источниковой основе определенного периода ее развития и т. д. Биографическая форма дает возможность анализировать труды историка либо в хронологической последовательности, либо по проблемам, которые особенно интересовали исследователя или имеют актуальное значение для современности.

В связи с рассмотрением биографии историка перед историографом неминуемо встает проблема создания творческого портрета исследователя. Здесь возникает ряд сложных теоретико-методологических и гносеологических задач. Одна из центральных среди них — осмысление проблемы соотношения объективной исторической действительности и субъективной позиции историка-исследователя. Историография вооружена рядом теоретических выводов, содержащихся во многих работах В. И. Ленина: в «Конспекте книги Гегеля «Наука логики», в «Материализме и эмпириокритицизме» и других трудах. Записав в «Конспекте книги Гегеля...» мысль о том, что «человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹, Ленин в дальнейшем неоднократно к ней возвращается². Сопоставление выписок из работ Ленина дает основание заключить, что он, признавая активную роль субъекта в практике и познании, всегда видел диалектическую взаимосвязь субъективного и объективного.

При обосновании данного положения иногда ссылаются на ленинскую выписку из Гегеля о том, что сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его³. Как убедительно показал академик Б. М. Кедров, вдумчивое изучение ленинских «Философских тетрадей» и их сопоставление с «Материализмом и эмпириокритицизмом» опровергает мысль о том, что Ленин разделял данную идеалистическую формулу. Сознание

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 190.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137, 138 и др.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

человека само по себе не творит ничего, кроме идей, мыслей, понятий. Однако это не противоречит тому, что сознание (в том числе и историка) через практическую деятельность участвует в творении мира¹.

В свете ленинских положений видно, что историк, исследуя исторический процесс, отражает их сквозь призму своих классовых устремлений, субъективной индивидуальности, профессионального мастерства.

Существует еще одна теоретико-методологическая проблема исследуемого вопроса — это личность, в том числе личность историка, которая, с точки зрения марксистско-ленинского положения, не может рассматриваться абстрактно, безотносительно к социальным отношениям, так как она является «продуктом» определенной исторической эпохи, социальной среды; поступки человека, выражающиеся, в частности, в его трудах, детерминированы этой средой². При всем этом важно не упускать из виду, что отражение историком того или иного процесса не есть «зеркальный акт», его методологические установки «во многом определяют видение» исторического процесса³. Анализ творчества историка в органической связи с «историческим» временем, его научной деятельности с учетом потребностей общественно-политической практики наполняет портрет живыми красками и делает его всесторонним. Здесь важно иметь в виду также особенности биографии личности (в данном случае ученого-историка) со всеми ее сомнениями, противоречиями, складом мышления. Ярким примером воплощения поставленной задачи служит фундаментальная монография академика М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества» (М., 1974), в которой история жизни и творчества ученого анализируется на фоне эпохи, а формирование общей концепции истории России рассмотрено в свете кризиса буржуазной исторической науки, попыток найти выход из идеалистического мировоззрения.

При создании портрета немаловажное значение имеет выявление мотивации целенаправленной деятельности историка. В изучении данного вопроса большое значение

---

¹ См.: *Кедров Б. М.* Из лаборатории ленинской мысли. М., 1972. С. 72—77.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

³ См.: *Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф.* О некоторых методологических проблемах исторического материализма//Вопросы философии. 1984. № 6. С. 7.

имеет материалистическое положение о том, что мотивация работы историка познается через его общественно-политические взгляды и действия, посящие социальный характер.

Крупной теоретико-методологической философской проблемой является соотношение необходимого и случайного в творчестве историка. Ее конкретное осуществление в историографическом труде приводит к глубокому проникновению в механизм деятельности историка.

В деле воссоздания портрета историка немаловажное значение имеет вхождение в лабораторию его творчества — многогранного историографического явления¹. «Не только результат исследования, — указывал К. Маркс, — но и ведущий к нему путь должен быть истинным»². В свете этой основополагающей идеи видно, что решение указанной задачи включает в себя комплекс элементов, среди которых особое значение имеют: выявление того, как исторические источники собирались, как шла их подготовка к научному осмыслению; разбор существа и внутренней логической связи выписок, заметок, пометок и т. п., которые производились при отборе литературных и других источников; изучение процесса появления и созревания отдельных идей, формулировок будущих работ; анализ планов, предварительных заголовков и поиска их оптимальных вариантов; знакомство с черновыми материалами и набросками незавершенных сочинений; изучение отдельных статей и работ, вошедших в обобщающие монографические исследования; изучение воспоминаний самого автора, его учеников и последователей; установление принципов и методов научно-исследовательской работы данного историка в их сравнении со школой, направлением, к которому он принадлежал; политическая характеристика данной школы и направления.

Проникновение в лабораторию творчества, таким образом, необходимо для того, чтобы увидеть и понять генезис и диалектику движения научной творческой мысли, проанализировать научную концепцию историка.

¹ К настоящему времени накоплен заслуживающий большого внимания опыт изучения лаборатории ленинского творчества. См.: *Леонтьев Л. А.* О ленинских «Тетрадах по империализму» и характеристика творческой лаборатории В. И. Ленина. М., 1962; *Кедров Б. М.* Из лаборатории ленинской мысли. (Очерки о «Философских тетрадах» В. И. Ленина). М., 1972; *Шарапов Ю. П.* Ленин как читатель. М., 1970; *Ждановская З. В.* Вопросы методики изучения ленинского наследия. М., 1979.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 7.

Свое значение в решении рассматриваемой задачи имеют материалы научных конференций, симпозиумов, дискуссий и т. д. Еще Гете заметил, что «науки... столько приобретают от споров, сколько и от согласия, а часто гораздо больше»¹. На научных форумах в ходе сопоставления различных точек зрения создаются особенно благоприятные возможности для дальнейшего развития исторической науки.

Наконец, историография не может обойти и язык историка, его потенцию афористично отражать исторические события. Сюда же относится выявление художественных качеств стиля произведений классиков марксизма-ленинизма, а также профессиональных историков.

В деле воссоздания творческого портрета исследователя большую роль должно сыграть использование основ социальной психологии, изучение применительно к исторической науке таких моментов, как интересы, побуждения и страсти, определяющие поведение классов и различных слоев населения, смена этого поведения под влиянием определенных факторов на различных этапах исторического развития. Современный уровень исследований по социальной психологии дает возможность классифицировать и общественно-психологические явления историографического творчества, познать образ мышления, эмоции, настроения исследователя. Познание соотношения идеологии и психологии, в свою очередь, помогает изучению этого процесса.

Создание творческого портрета историка, разумеется, под силу высококвалифицированному историографу. Но имеющаяся литература свидетельствует, насколько обогащается историческое знание при подходе к этой задаче².

---

¹ *Goethe I. W. Samtliche Werke. Stuttgart — Tübingen, 1840. Bd. 32. S. 10.* Цит. по: Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981. С. 89.

² См.: *Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984; Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев; Киреева Р. А. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977; Левандовский А. А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии: А. А. Корнилов. М., 1982; Вандолковская М. Г. История изучения русского революционного движения середины XIX в.: 1890—1917. М., 1982; Поляков Ю. А. Вечера у академика Тихомирова//Новый мир. 1983. № 5; и др.*

В ряду проблем недостаточно изученных находится проблема оценки вклада в науку самого историографа.

Известна такая форма историографического труда, как простое эмпирическое описание историографических фактов с попыткой их оценки или даже без таковой, ибо история истории науки, равно как и другие общественные и естественные науки, не может обойтись без информационного описания. Ценность таких экскурсов состоит в том, что они констатируют факт существования научных трудов и являются предпосылкой для теоретической деятельности. Поэтому на уровне «первоначального накопления» в историографии такие работы необходимы, ибо наука в целом немыслима без описания. Однако было бы неверно относить такие работы к собственно историографическим, так как историография не может носить лишь описательный или фактопознавательный характер.

Некоторые авторы считают, что последовательное изложение труда историка — прямая задача историографии¹. Несомненно, повествовательные работы служат делу ознакомления научной общественности с существующими трудами и концепциями, этим они и ценны. Но собирание разрозненных идей еще не есть наука, действительное объективное знание может быть научно изложено только как система «развития идей», «как момент целого».

Исходя из понимания сущности предмета и задач историографии, наиболее ценным историографическим трудом можно назвать сочинение, в котором на основе анализа и синтеза историографических фактов и источников вскрыты теоретико-методологические аспекты темы, показаны закономерности и специфика становления и углубления исторической мысли.

Для определения вклада в науку большое значение имеет следующее указание В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели (в данном случае заслуги в изучении историографии. — А. З.) сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»².

---

¹ См.: Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. С. 167.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.

Ленинская постановка вопроса дает возможность охарактеризовать научную ценность вклада ученого в разработку концепций, новых идей, взглядов в их сравнении и сопоставлении с ранее принятыми воззрениями.

Классическим примером такого анализа при изучении истории возникновения диалектического и исторического материализма дал Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Он трактовал этот процесс не как механическое складывание в марксистскую копилку «зерен» истины, которые были уже ранее найдены, а как трудоемкое вышелушивание этих «зерен» из плотной ткани различных учений: переработка, переплав, переосмысление, а подчас — в случае с Гегелем — даже «перевертывание» этих учений. В историографии не применяется практика определения вклада по указателям (индексам) цитирования, описанию в литературе¹.

Предложенная модель дает известную основу для написания историографической работы. Однако, как уже отмечалось, эту модель нельзя абсолютизировать, распространять на все историографические работы. При ее практическом творческом использовании предполагается наличие дополнений и вариантных изменений, что обеспечивается подвижностью и гибкостью структуры.

Сконструированная модель имеет еще одну целевую направленность: показать молодому историографу (она предназначена в первую очередь ему), что историографическое творчество — дело весьма ответственное и нелегкое, требующее большого напряжения мысли и профессиональной подготовки.

---

¹ См.: Хайтун С. Д. Наукометрия. Состояние и перспективы. М., 1983; Кара-Мурза С. Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада//Вестник АН СССР. 1981. № 5; Гиляревский Р. С., Мульченко З. М., Терехин А. Т., Черный А. И. Опыт изучения «Science Citation Index»//Прикладная документалистика. М., 1968; Федотова Т. А., Тютюник В. М. Системный подход к оценке эффективности научной деятельности//Информатика и технические средства. Тамбов, 1984; Либенсон С. Шкала для оценки значимости научных работ//Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Л., 1971. Вып. 1.; Липатов Ю. С., Денисенко Л. В. Об оценке массива публикаций академических институтов и их подразделений//Вестник АН СССР. 1984. № 1. С. 40—41; и др.

Дальнейшая разработка проблем методологии историографии определяется задачами, стоящими в целом перед исторической наукой. В свете этого видно, что большую партийную и научную ответственность вызывает дальнейшее изучение центральной и ключевой проблемы историографии — марксистско-ленинского идейно-теоретического и методологического наследства. Здесь назрело несколько направлений исследовательского поиска.

Наполнение конкретным материалом неизменно употребляемой в нашей литературе формулы «Марксизм-ленинизм — теоретическая и методологическая основа работы историка марксиста-ленинца», перенос акцентов на рассмотрение ее методологических аспектов позволит во всем объеме показать, что труды основоположников марксизма-ленинизма служат критерием оценки историографических фактов и источников, их идейно-политической значимости.

Могущество и непобедимость марксизма-ленинизма, его творческое обогащение основывается на неразрывной связи с классовой борьбой пролетариата, развитием мирового революционного процесса. Показать значение исторического опыта КПСС, коммунистических и рабочих партий как неиссякаемого источника дальнейшей разработки проблем методологии — важная задача методологии общественнознания. Необходимо всегда помнить, что марксизм-ленинизм не догма, а руководство к действию.

Предпринятое в настоящее время издание МЕГО¹ — Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала, выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина, содержащих наряду с законченными произведениями, устными выступлениями и перепиской огромное количество подготовительных материалов и отражающих все богатство идей марксизма-ленинизма, публикация Биографической хроники В. И. Ленина — все это способствует более полному изучению образцов творчества Маркса, Энгельса, Ленина по историографии, а это в конечном итоге обеспечивает понимание закономерностей развития истории исторической науки. Понятно, что вся работа в области марксистско-ленинской проблематики направлена не только на то, чтобы хранить и популяризировать идейно-теоретическое наследие К. Маркса,

¹ МЕГО: Marx — Engels — Gesamtausgabe.

Ф. Энгельса, В. И. Ленина, но и как можно более полно овладеть им с тем, чтобы суметь его приумножить.

С методологической точки зрения возникают и другие задачи по изучению творческой лаборатории классиков марксизма-ленинизма. Особый смысл имеют такие аспекты, как отбор, организация и приемы конспектирования ими разнообразных источников, составление рабочих планов, тезисов и заголовков подготавливаемых работ и устных выступлений, их структурное построение, методика доказательств рассматриваемых вопросов. Очень важно выявить весь корпус источников, бывший в распоряжении К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, все используемые ими приемы и методы критики источников, их классово-партийной оценки.

Методологический уровень этой деятельности, не повторяя историографические и источниковедческие работы, призван обеспечить успешное выполнение задачи: создания новой отрасли знания — историографического источниковедения.

В связи с выявлением сущности предмета историографии необходимы новые разработки, особенно по трем группам методологических вопросов: закономерности объективного процесса дифференциации и интеграции знаний в области обществензнания, что даст новые импульсы в усилении исследований по вопросу о соотношении истории исторической науки и историографии; научные критерии определения предмета изучаемой дисциплины, что позволит глубже увидеть ее существо, параметры и т. д.; конкретное проявление философских категорий в историографии, что будет способствовать выявлению специфики данной отрасли знаний. В решении этих задач необходим более тесный союз историков и историографов с философами, социологами, науковедами с целью серьезного повышения общего уровня методологической работы. Тот же союз необходим для дальнейшей разработки таких актуальных для методологии историографии вопросов, как субординационное соотношение методологии и методов, междисциплинарный статус методологических исследований.

Методологию, как уже отмечалось, всегда интересовал человеческий фактор в историческом процессе. Одним из методологических аспектов историографии является проблема научной объективности в творчестве историка, а также и самого историографа. В связи с этим требуется ряд новых разработок, включающих в себя такие,

как социальная и психологическая обусловленность исторического и историографического творчества и их влияние на генезис и развитие идей, взглядов и концепций. Необходимо анализ исторического познания как результата деятельности сменяющих друг друга поколений исследователей и как одного из видов духовной деятельности.

В важной проблеме — методы историографии — имеются также некоторые аспекты для более глубокого изучения. В частности, основываясь на всеобщих методологических принципах партийности, классовости и историзма, их конкретном проявлении в историографии, необходимо показать, как действуют специфические для истории исторической науки способы и приемы познания. Названные в данной монографии такие способы и приемы, как конкретно-исторический анализ, абстракция, логический, критический и ретроспективный анализы, исторические сравнения, сопоставления, параллели, аналогии и некоторые другие, даже в своей совокупности не исчерпывают весь комплекс, входящий в понятие «методы исследования историографии».

Известно, какие оживленные дискуссии вызывают вопросы периодизации. Это объясняется тем, что еще не выявлены всеобъемлющие объективные научные критерии предлагаемых построений и схем. При выработке периодизации историографии, ее отдельных этапов и периодов необходимо продолжить поиски их критериев, включающих в себя объективные и субъективные факторы, базисные и надстроечные явления развития общества, соотношение классовых сил, борьбу и созидательную деятельность Коммунистической партии Советского Союза, а также качественные сдвиги, происходящие в развитии как самой науки по истории, так и историографии.

Одной из важных проблем историографии является объективная оценка результатов исторического знания, способов и методов их приумножения, оценка истинности как достигнутых историком результатов, так и путей их получения. Задача непростая, так как в историографии «добывание» истины связано с деятельностью субъекта-исследователя.

Современный уровень развития научного знания показывает, что его достижения во многом связаны с применением междисциплинарных методов исследования, электронно-вычислительной и другой техники. В связи с этим возникают и такие вопросы, как прогнозирование информации и методов ее применения, которые дает

ЭВМ; нуждаются в изучении полученные знания посредством ЭВМ и т. д., а также приемы введения их в историографию.

Методология историографии стала ареной бескомпромиссной борьбы с буржуазной, мелкобуржуазной и ревизионистской идеологией. Марксистско-ленинская методология, имея острую мировоззренческую направленность, верно служит делу критического анализа идейно-теоретических основ фальсификации исторической науки, защищает и обогащает марксистско-ленинские принципы и методы анализа исторического процесса.

В этой общей цели особое место занимают такие аспекты: борьба против идеалистического понимания истории и защита материалистических основ исторического процесса; критика взглядов буржуазной историографии, отрицающих закономерности общественного развития и истории исторической науки; отпор попыткам представить научное творчество свободным от методологической направленности. Методологический арсенал историографии направлен против дискредитации научных методов исследования и их замены интуицией, воображением и эмоциями ученого.

Перечисленные выше проблемы не исчерпывают всех актуальных вопросов методологии историографии. Могут быть, вероятно, предложены и другие темы. Все они в своей совокупности, не размывая, конечно, современное понимание назначения методологии, должны способствовать выполнению задачи повышения качества историографического творчества, подъема ее на уровень современной теоретической деятельности Коммунистической партии Советского Союза.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава I. Методология — путь познания историографии	11
§ 1. Марксистско-ленинская философия — теоретическая основа методологии историографии	12
§ 2. Методы	30
§ 3. Междисциплинарность	48
Глава II. Общеметодологические принципы историографического исследования	57
§ 1. Партийность и историзм	57
§ 2. Историографические закономерности	83
Глава III. Историографический факт	95
Глава IV. Историографический источник	117
Глава V. Модель историографического сочинения	134
Заключение	157